

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения

На правах рукописи

Ван Цзянин

**ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ МЕХАНИЗМЫ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКЕ СМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ «ГАЗЕТА.РУ»)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук, доцент
Т. М. Воронина

Екатеринбург – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	11
1.1. Общие проблемы теории текста	11
1.1.1. Основные подходы к изучению текста в лингвистике.....	11
1.1.2. Основные категории и свойства текста	23
1.1.3. Язык СМИ; особенности газетного текста	28
1.2. Вопросы теории метафоры.....	46
1.2.1. Основные аспекты анализа метафоры	46
1.2.2. Роль концептуальной метафоры в тексте	55
Выводы	67
ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМЫ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ТЕКСТА	70
2.1. Пространственная метафора и тема-рематическая структура как средства образования текста	70
2.2. Метафорические проекции как текстообразующее средство	83
2.3. Взаимосвязи импликаций метафоры при построении текста	95
2.4. Интеграция метафоры и неметафорического окружения в пространстве газетного текста.....	117
2.5. Общая характеристика материала исследования.....	139
Выводы	145
ГЛАВА 3. КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ МЕХАНИЗМОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ	148
3.1. Анализ текста «образцовой» структуры	148
3.2. Анализ текста «проблемной» модели	160
3.3. Анализ текста с разрушением метафоры.....	168
3.4. Анализ текста с чередованием концептуальных метафор	176
Выводы	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
Библиографический список	193
Список словарей, справочников, энциклопедий.....	215
Источник материала.....	216
Приложение. Тексты, проанализированные в главе 3	217

ВВЕДЕНИЕ

Язык медиатекста, средств массовой информации (СМИ) в системе разновидностей современного русского языка является одним из самых активно развивающихся компонентов. В нем быстрее всего проявляются все действующие в языке тенденции, воплощаются все направления языкового развития. Он – отражение живого русского языка, языковой продукт, сочетающий элементы устной и письменной речи и в течение последних десятилетий значительно влияющий на носителей русского языка, которые являются его активными реципиентами.

Каждое языковое явление, развивающееся в рамках языка СМИ, заслуживает внимательного изучения. Концептуальная метафора среди этих явлений приобретает особое значение. Этот когнитивный механизм, устанавливающий образные связи между концептами и являющийся результатом мыслительной деятельности индивида, в языке СМИ становится инструментом языкового и когнитивного взаимодействия и воздействия.

Концептуальная метафора, входя в текст как его органичная составляющая, начинает выполнять в нем текстообразующую, текстоформирующую функцию.

Актуальность данного исследования определяется тем, что изучение функционирования концептуальных метафор в медиатексте и определение специфики их текстообразующих функций способствует более глубокому проникновению в когнитивный процесс текстообразования, более точному осмыслению сути метафоры как языкового явления и речевого средства, более внимательному постижению речевых намерений автора, включающего когнитивные метафоры в медиатекст.

Степень разработанности темы диссертации. Проблеме анализа концептуальных метафор посвятили исследования Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, М. Джонсон, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, С.Д. Кацнельсон, Дж. Лакофф, Б.А. Ларин, Н.А. Лукьянова, Э. МакКормак,

Н.Г. Мещанова, Т.В. Молодцова, Е.В. Падучева, Е.В. Рахилина, Г.Н. Складаревская, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, В.К. Харченко, А. Ченки, Д.Н. Шмелев, Zhao Yanfang и другие ученые. Проблему текстообразующего потенциала метафоры затрагивают Л.С. Билоус, Н.Г. Шехтман, К.С. Шилаев, Feng Xiaohu. В последнее время появились исследования, ориентированные на изучение проблемы использования концептуальных метафор в медиатекстах; это работы таких исследователей, как А.А. Артамонова, К.С. Иордан, Ю.В. Калугина, Е.А. Медведева, И.С. Парахина, Я.А. Посохова, В.Р. Циммерман и др.

Проблема реализации текстообразующего потенциала концептуальной метафоры применительно к журналистике осмысливается в диссертационном исследовании К.С. Филатова, в работах Л.В. Быковой и А.Н. Таджибовой, З.А. Дубинец и некоторых других ученых, однако далеко не все проблемы метафорического развертывания в тексте СМИ в настоящий момент рассмотрены, что и определяет актуальность настоящего исследования. Среди лагун, которые необходимо заполнить, особенно выделяются вопросы функционирования концептуальной метафоры в тексте СМИ как текстообразующего средства, определяющего структуру публикации, диктующего определенные законы соотношения метафоры и неметафорического окружения, устанавливающего закономерности в соотношении частей текста.

Объектом данного исследования являются концептуальные метафоры, используемые в текстах современных российских СМИ.

Предмет исследования – текстообразующие механизмы концептуальных метафор в медиатекстах.

Цель работы заключается в установлении и описании текстообразующих механизмов концептуальных метафор, закономерностей их реализации в тексте СМИ и разработке способов метафорического текстопорождения.

В процессе осмысления темы диссертационного исследования мы выдвинули следующую **гипотезу**:

Концептуальная метафора является одним из важнейших текстообразующих элементов в тексте СМИ: на ее основе выстраиваются тема-рематические структуры; с ее помощью обеспечивается связность и цельность текста. На построение медиатекста влияют метафорические модели, взаимосвязи импликаций метафоры и различные способы интеграции метафоры и неметафорического окружения.

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутой гипотезы необходимо решить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть теоретические аспекты темы: общие проблемы теории текста и основные вопросы теории метафоры.

2. Обозначить специфику функционирования метафоры в тексте СМИ и медиадискурсе.

3. Проанализировать способы репрезентации концептуальных метафор в тема-рематических структурах предложения. Обратить внимание на взаимодействие тема-рематических структур и пространственной метафоры.

4. Выявить закономерности построения метафорических проекций в структуре текста СМИ.

5. Проанализировать различные взаимосвязи импликаций концептуальной метафоры при текстопостроении.

6. Выявить способы интеграции метафоры и неметафорического окружения в современном медиатексте.

Материалом для анализа послужили более тысячи фрагментов текста, взятых из источников российских общественно-политических СМИ 2016–2020 гг., представленных в электронном издании «Газета.ру» (<https://www.gazeta.ru/>).

Несмотря на то, что при проведении исследования использовался метод сплошной выборки, тексты для анализа были отобраны таким образом, чтобы продемонстрировать способы текстопостроения рассматриваемых концептуальных метафор в наиболее наглядном и концентрированном виде.

Методологическую базу исследования составили труды в области когнитивной лингвистики (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова и др.); лингвопрагматики (Д.В. Антошина, Е.И. Беглова, Д.Г. Богусевич, И.М. Кобозева и др.); лингвистики текста (Л.Г. Бабенко, Р. Барт, Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, Т.М. Дридзе, Л.И. Зильберман, Л.Г. Кайда, Н.С. Пospelов, К.А. Филиппов, F. Danes и др.); актуального членения предложения (Г.А. Золотова, И.И. Ковтунова, К.Г. Крушельницкая, В. Матезиус, И.П. Распопов и др.); стилистики (И.В. Арнольд, Ю.А. Бельчиков, А.Н. Васильева, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.И. Горшков, М.Н. Кожина, Т.В. Матвеева, О.Б. Сиротинина, Д.Н. Шмелев и др.); теории метафоры (Н.Д. Арутюнова, М. Бирдели, М. Блэк, Э.В. Будаев, В.Г. Гак, О.И. Глазунова, Ю.Н. Караулов, С.Д. Кацнельсон, Е.С. Кубрякова, Б.А. Ларин, Н.А. Лукьянова, Е.В. Падучева, Дж. Серль, Г.Н. Складаревская, Ю.Д. Степанов, В.Н. Телия, Д.Н. Шмелев, А.П. Чудинов, Р. Якобсон и др.); языка и текста СМИ (М.Н. Володина, Э.Х. Гаглоева, А.П. Горбунов, Т.Г. Добросклонская, Л.Р. Дускаева, Б.А. Зильберт, Е.В. Какорина, Н.И. Клушина, В.И. Коньков, В.Г. Костомаров, В.В. Кочетков, Б.В. Кривенко, О.А. Лаптева, Л.М. Майданова, А.А. Негрышев, И.А. Нефляшева, Е.В. Покровская, Г.Я. Солганик, Н.М. Шанский, А. Белл и др.).

Методы, использованные для достижения цели диссертации и решения поставленных задач:

1. Метод сплошной выборки при подборе языкового материала из новостного интернет-источника.
2. Методы анализа и синтеза для исследования структуры метафоры, ее составных компонентов, экспликаций и импликаций.
3. Методы анализа коммуникативной организации предложения.
4. Методы синтаксического анализа сверхфразовых единств.
5. Методика выделения области-источника и области-цели метафоры.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые предпринимается попытка применения комплексного разноаспектного подхода

к концептуальным метафорам в тексте СМИ и их роли как инструмента текстопостроения. Метафоры понимаются как языковые средства, служащие способами развертывания текста на всех его структурных уровнях; как структуры, объединяющие когнитивную, образную и содержательную составляющие с целью их репрезентации в тексте; выявляется их значимость в системе средств, участвующих в процессах текстопорождения и смыслообразования.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она заполняет пробелы в исследовании концептуальной метафоры в тексте СМИ с точки зрения ее текстообразующих механизмов, а также в аспекте изучения законов построения текста в целом. Теоретическое обоснование полифункционального характера когнитивной метафоры позволило определить ее уникальный статус как средства языковой выразительности, как прагматического механизма, как когнитивного инструмента и как одного из ключевых приемов текстообразования. Результаты, полученные в итоге комплексного многоаспектного анализа функционирования концептуальных метафор в медиатексте, могут быть применены с целью дальнейшего разноаспектного изучения концептуальных метафор как когнитивных инструментов текстообразования на материале различных языков и различных типов текстов.

Практическая ценность диссертации. Результаты осуществленного исследования могут найти применение в преподавании соответствующих дисциплин, например, в курсах по теории метафоры, лингвистике текста, когнитивной лингвистике, а также в курсах и спецкурсах по языку масс-медиа, его структуре и средствам выразительности, в организации научно-исследовательской работы студентов по анализу языка и текста, в том числе текста СМИ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Textoобразующие механизмы концептуальных метафор проявляются как способность модифицировать, трансформировать образное соотношение

между концептами в процессе создания текста. Концептуальная метафора в тексте становится семантическим, содержательным, структурным и композиционным элементом его построения и оказывает влияние на разворачивание всех элементов структуры текста.

2. Концептуальная метафора реализуется в тексте в процессе развертывания его тема-рематической структуры. При этом формируются различные тема-рематические схемы – модель цепи, контейнера, параллельная и комплексная модели, в которых метафора, как правило, занимает позицию ремы, заключая в себе и транслируя читателю новую информацию.

3. Механизмы концептуальной метафоры в построении текста СМИ проявляются посредством выстраивания в тексте различных метафорических проекций, разного типа соотношений между областью источника и областью цели. Выделяются такие метафорические модели, как модель экспансии, модель сокращения и модель чередования. С их помощью концептуальная метафора входит в текстовое пространство, становится его неотъемлемой частью и организующим его механизмом.

4. В структуре концептуальной метафоры выделяются две разновидности импликаций – связанные с областью источника метафоры и связанные с областью ее цели, они по-разному представлены в тексте и становятся средствами взаимосвязи текстовых фрагментов. Вербально реализуемые и подразумеваемые импликации концептуальных метафор, относящиеся как к области источника концептуальных метафор, так и к области цели, входят в содержательное, структурное и оценочное поля текста, объединяя их и обеспечивая структурное текстовое единство.

5. Концептуальная метафора интегрируется в пространство текста и связывается в нем с неметафорическим окружением (контекстом). При этом между метафорой и неметафорическим окружением устанавливаются различные соотношения – равноправие и противопоставление (противоречие). Данные соотношения служат не только развертыванию текста, но и выражению в нем прагматических смыслов.

Достоверность полученных результатов обеспечивается разнообразием научных источников, которые послужили теоретико-методологической базой исследования, комплексным подходом к анализу текстового материала, применением современных методов, соответствующим цели и задачам работы. Результаты и выводы, полученные на разных этапах исследования, представлены с помощью схем и диаграмм.

Апробация работы проводилась в ходе докладов на научных и научно-практических конференциях: Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, 28 апреля 2016 г.); Международной научной конференции «Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике» (Тюмень, 22-24 сентября 2016 г.); Международной научной конференции «Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке» (Екатеринбург, 28-30 сентября 2016 г.); Международной научной конференции «Россия в поисках мирного решения социальных, межконфессиональных и межэтнических конфликтов: Тенденции обновления политического дискурса, отражающие доминантные идеологемы российской официальной дипломатии и пропагандистской деятельности политических партий конца XX – начала XXI в.» (Магнитогорск, 23-25 ноября 2017 г.); Всероссийском научно-теоретическом семинаре с международным участием «Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус» (Екатеринбург, 29-30 октября 2019 г.).

Результаты диссертационного исследования докладывались на заседаниях кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения (ранее – кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики) в 2016-2020 годах. Материалы диссертации отражены в 8 публикациях общим объемом 2,48 п. л., в том числе 5 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Изложенную стратегию исследования отражает **структура** диссертации, которая включает введение, три главы, заключение и приложение, в котором приведены тексты статей, ставшие объектом комплексного анализа.

В первой главе раскрывается понятие текста, рассматриваются его основные категории, анализируются основные подходы к изучению текста в современной лингвистике, освещается специфика медиатекста. Здесь же рассматривается понятие метафоры с семантических, лингвопрагматических и когнитивных позиций, понятие концептуальной метафоры; выявляется ее роль в тексте.

Во второй главе произведен разноаспектный анализ реализации текстообразующих механизмов когнитивной метафоры в языке современных СМИ на материале текстов интернет-издания «Газета.ру». Обращено внимание на реализацию концептуальных метафор в тема-рематических моделях; выстраивание с их помощью метафорических проекций; представленность в структуре текста импликаций метафоры; способы текстовой интеграции метафоры и неметафорического окружения.

Третья глава посвящена комплексному анализу текстообразующей роли концептуальной метафоры в исследуемых текстах. В ней обращено внимание на разные типы текста с точки зрения репрезентации в нем концептуальной метафоры.

В заключении диссертации обобщаются результаты проведенного теоретического и практического исследования, определяются его перспективы.

Библиография содержит 243 наименования и включает научные работы российских и зарубежных авторов, а также список словарей и энциклопедий из 20 наименований.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Общие проблемы теории текста

1.1.1. Основные подходы к изучению текста в лингвистике

Лингвистика текста в качестве особой филологической дисциплины сформировалась на стыке ряда наук: поэтики, риторики, стилистики, психолингвистики, теории коммуникации и др. С ее возникновением изменился статус текста, превратившегося из материала в один из важных объектов лингвистических исследований. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» лингвистика текста трактуется как «направление лингвистических исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам» [ЛЭС: 267]. Несмотря на огромный интерес, проявленный лингвистами к тексту, до сих пор в российской науке не выработана единая универсальная дефиниция, раскрывающая этот феномен. При этом появилось много различных подходов к изучению текста.

На начальном этапе анализ текста характеризовался структурно-семантическим подходом. Исследователи занимались установлением и изучением различных видов межфразовых связей в тексте, выявлением единиц текста, занимающих промежуточное положение между предложением и целым текстом.

Смысл предложения, взятого вне контекста, зачастую остается непонятным, только в контексте оно выполняет конкретное коммуникативное задание. Необходимость рассмотрения предложения как части целого обуславливается также тем, что законченная мысль обычно не уместается в рамках одного предложения, она выходит за его пределы, раскрывается суммой нескольких предложений. Такая природа функционирования предложения в

речи как части целого привела ученых лингвистов к мысли о существовании более крупной синтаксической единицы, чем предложение.

Сложность изучения этой единицы состоит в комплексности средств ее организации, в отсутствии единообразных специализированных показателей, определяющих организацию и границы таких единиц. Так было установлено, что объектом изучения синтаксиса является не только предложение, но и более крупная единица, изучением которой занимается специальный раздел науки о языке – лингвистика текста. Появлению лингвистики текста как новой отрасли языкознания способствовал усиливающийся интерес к функциональной стороне языка. Текст как целое речевое произведение явился тем фокусом, где скрещивались коммуникативный, семантический (содержательный), функциональный, дидактический подходы к изучению языка.

Будучи явлением сложным, текст изучается в разных аспектах и специалистами разных отраслей науки и, следовательно, в разных отраслях наук термин «текст» трактуется по-разному.

В теории информации текст определяют как «целостное и связное сообщение, специальным образом организованное для передачи и хранения информации» [Арнольд 1999: 152]. В этом определении ценным является указание на назначение текста – передачу и хранение информации.

В литературоведении текст рассматривают как «взаимосвязь и последовательность художественных образов» [Храпченко 1978: 101], «непреходяще значимый сгусток речемыслительного опыта, квинтэссенция языка в действии, своего рода памятник однажды состоявшегося высказывания» [Хализев 2002: 155]. Как видим, речь здесь идет в первую очередь о культурно значимых художественных текстах.

В семиотике текст понимается широко, как «осмысленная последовательность любых знаков, любой формы коммуникации, в том числе обряда, танца, ритуала» [ЛЭС: 507]. Трактовка текста не привязана к наличию в его структуре только таких знаков, как слова и предложения. При этом, «рассматривая культуру с семиотических позиций, можно весь набор

образующих материальных и духовных ценностей трактовать как текст, отражающий, с одной стороны, результаты общественно-политической деятельности, а с другой – отношение общества к этим результатам» [Агеев 2002: 101].

Текст как один из базовых понятий лингвистики текста также имеет различные определения.

В зарубежных исследованиях, оказавших влияние на становление лингвистики текста, высказаны следующие суждения о сущности текста. К. Гаузенблаз пишет о двух толкованиях термина «текст», обозначающих «во-первых, в соответствии с распространенным употреблением – письменную фиксацию речи (speech) и, во-вторых, более широко – объединение языковых средств, используемых в речи, которое обеспечивается их следованием друг за другом и их отношением к суммарному смыслу» [Гаузенблаз 1978: 63-64]. В этом определении важным качеством текста называется передача с его помощью «суммарного смысла» речи.

В. Дресслер отмечает, что «текст понимается или на эмическом уровне как структура любого законченного и связного, независимого и грамматически правильного письменного или устного высказывания, или на этического уровне как актуальная реализация этого высказывания» [Дресслер 1978: 114]. Исследователь пытается объединить лингвистическую и этическую составляющие понимания текста.

Многими исследователями отмечаются в определениях текста его важнейшие категориальные признаки. В. Кох выделяет признак цельности, называя текстом «любая последовательность предложений, организованная во времени или пространстве таким образом, что предполагает целое, будет считаться текстом» [Кох 1978: 162]. В определениях, приведенных выше, в качестве важнейшего категориального признака текста чаще всего называется связность.

Х. Вайнрих подходит к тексту с точки зрения морфемного членения единиц языка. По его мнению, «текст – это упорядоченная последовательность

морфем, состоящая минимально из двух морфем, максимальный же ее состав не ограничен. Текст можно рассматривать <...> как регулярное чередование лексических и функциональных морфем» [Вайнрих 1978: 374].

В русской лингвистике первая попытка определить синтаксическую единицу крупнее предложения принадлежит А.М. Пешковскому [Пешковский 1938]. Более конкретное объяснение структуры этой единицы дал Н. С. Пospelов, назвав ее сложным синтаксическим целым [Пospelов 1948].

Большой вклад в объяснение сути текста и выделение его категориальных признаков внес И.Р. Гальперин, который считает, что «текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единиц), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18]. В данном определении названы и категориальные признаки текста (завершенность, связность), и его назначение (целенаправленность прагматическая установка), и виды связи компонентов текста (лексическая, грамматическая, логическая, стилистическая). При этом к текстам исследователь относит только письменные произведения.

На признаках текста концентрируется в своей дефиниции Н.С. Валгина определяет текст как динамическую единицу «высшего порядка, как речевое произведение, обладающее признаками связности и цельности – в информационном, структурном и коммуникативном плане» [Валгина 2004: 5].

В дальнейшем развитии лингвистики текста получил распространение коммуникативный подход, с позиции которого текст понимается не просто как грамматически взаимосвязанная последовательность предложений, а как «комплексное речевое действие, при помощи которого говорящий / пишущий пытается установить определенные коммуникативные связи со слушающим / читателем» [Филиппов 2003: 28]. В этом смысле текст понимается как

множество предложений, объединенное каким-то коммуникативным заданием. Сторонники коммуникативного подхода к исследованию текста более обращает внимание на типы информации в тексте, которые передает говорящий с определенной целью. При коммуникативном подходе создается еще одна важная теория – теория актуального членения предложения, которая была выдвинута представителями Пражской школы. Согласно этой теории, компоненты предложения распределяются между двумя полюсами: темой – данным, известным, и ремой – новой информацией. Ф. Данеш показал, что с точки зрения информативной ценности рема играет в высказывании более важную роль, чем тема, потому что именно с ней связано поступление новой информации. Ф. Данеш назвал весь комплекс тематических отношений в тексте «тематической прогрессией» [Danes 1978: 185-192].

В числе многих проблем, которые стоят перед лингвистами, проблематика актуального членения в текстовом аспекте особо выделяется по своей сложности и перспективности. Сложность ее заключается в том, что исследователям пока неясен вопрос, что представляют собой компоненты актуального членения – тема и рема – в тексте: слово, словосочетание или часть высказывания? Как членить высказывания на эти компоненты? Трудность состоит также в том, что категории актуального членения – тема и рема – проявляют вариантность своего противопоставления в виде оппозиций данного и нового, известного и неизвестного, незначительного по важности и важного; того, о чем говорится, и того, что сообщается.

Если в 1960-е гг., когда актуальное членение было на стадии начала его изучения, его теория казалась ученым простой и ясной, то теперь как отмечают некоторые авторы, проблемы актуального членения настолько усложнились, что их решение отодвинулось в неизвестное далеко [Николаева 1997]. Перспективность же проблематики актуального членения специалисты видят в том, что его категории признаются в лингвистике текста организаторами связности частей в рамках речевых произведений. Среди продуктивных идей, выдвигаемых в ходе разработки теории актуального членения, Т.М. Николаева

называет в своем обзоре концепцию зависимости разного членения высказывания на тему и рему от контекста, мысль о контекстном уровне предложения, установление соотношений между порядком слов и актуальном членении, учение об информационных центрах и тематической прогрессии [Николаева 1997].

Сущность актуального членения была раскрыта и выражена теми учеными, которых считают основоположниками этой теории, – В. Матезиусом [Матезиус 1967], А.А. Шахматовым [Шахматов 1925], В.Г. Адмони [Адмони 1955], В.В. Виноградовым [Виноградов 1954], И.П. Распоповым [Распопов 1970] и др. Корни концепции актуального членения идут из работ представителей психологического и формального направлений в языкознании, из трудов Г. Штейнталя [Steinthal 1855], Г. Габеленца [Gabelentz 1891], Г. Пауля [Paul 1937; Пауль 1960], А.А. Потебни [Потебня 1956], Ф.Ф. Фортунатова [Фортунатов 1977]. Именно в недрах названных лингвистических учений осуществилось расчленение структуры высказывания на субъект и предикат – категории, которые позднее были преобразованы на базе лингвистики в тему и рему, данное и новое, исходную часть и ядро, основу высказывания и предизируемую часть и т. п.

Исследователи, занимающиеся реализацией идеи актуального членения на материале разных языков, подчеркивают, что в динамике его главную роль играет характер коммуникативной задачи. «Коммуникативная задача – это стремление говорящего подчеркнуть тот аспект содержания предложения, который является важным, существенным в данном контексте или данной речевой ситуации» [Русская грамматика II 1980: 190]. Таким образом, тематическое варьирование предложения и выраженность его компонентов отдельным словом, словосочетанием или частью высказывания зависит от характера коммуникативной задачи. Изменение коммуникативной задачи делает иным соотношение между компонентами актуального членения. Исследователи обратили внимание на то, что динамика этой зависимости

появляется особенно ярко в вопросно-ответных формах диалога [Распопов 1961].

Итак, и грамматическое и актуальное членения предложения – неотъемлемые факторы его синтаксической структуры. Они представляют собой два аспекта устройства, предложения: 1) номинативный, отражающий объективно существующие в действительности связи между предметами, явлениями, признаками (грамматическое членение); 2) коммуникативный, отражающий субъективное понимание говорящим объективно существующих связей в мире (актуальное членение).

Теория актуального членения является одним из важнейших способов исследования организации текста, многие исследователи показали, как тема-рематическая структура организует текст в единое целое (см., напр., работы Л.Г. Бабенко, И.И. Ковтуновой, М.Н. Кожинной и др.). В организации текста реализуются различные тема-рематические структуры. Так, Л.Г. Бабенко при анализе текста выделяет пять основных разновидностей тема-рематических структур: каноническая ступенчатая структура, веерная структура с повторяющейся стабильной темой и разными ремами, веерная структура с многокомпонентной тематической частью и одной ремой, структура с обобщенной темой, расчленяющейся в текстах за счет конкретизации исходной темы, и автономная структура [Бабенко 2004: 309-314]. Каноническая ступенчатая структура характеризуется как «самый распространенный тип структур, воплощающий основной закон текстообразования – инкорпорирование» [Там же: 310], однако остальные модели представлены как не менее значимые. Важным является замечание о том, что «в больших по объему текстах, естественно, наблюдается переплетение, наложение тема-рематических структур разного вида» [Там же: 313-314]. В нашей работе при анализе текстообразующего механизма метафоры теория актуального членения занимает важное место; действительно, в публицистическом тексте, как правило, большом по объему, часто наблюдается взаимодействие различных типов тема-рематических структур. Различные разновидности тема-

рематических структур анализируют также А.Р. Давыдова [Давыдова 2007], Р.Г. Жамсаранова [Жамсаранова 2019], У.А. Ульянова [Ульянова 2013], Е.Ю. Черкун [Черкун 2007] и некоторые другие исследователи.

В конце XX века появился новый подход к исследованию текста – когнитивный подход. Когнитивная лингвистика определяется в «Кратком словаре когнитивных терминов» как новая область теоретической и прикладной лингвистики, которая рассматривает язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – систему знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации [Кубрякова 1997: 53-55]. В когнитивной лингвистике язык рассматривается прежде всего как «объект, научное изучение которого должно не только привести к пониманию его сущности, но и способствовать решению гораздо более сложных проблем – понимания того, как устроено человеческое сознание, какие свойства определяют разум человека и каким образом и в каких процессах человек постигает мир» [Кубрякова 2002: 90].

Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «при обработке языковых знаний следует изучать не только те ментальные репрезентации, которые возникают по ходу обработки и/или извлекаются из долговременной памяти, но и те процедуры или операции, которые при этом используются» [Кубрякова 1996: 64]. Ю.Н. Караулов пишет: «В текстах зафиксированы знания человечества о мире. Когда лингвисты говорят, что «значение фразы больше суммы смыслов составляющих ее слов», и ищут источник «приращения» смысла только в синтаксисе, то они совершенно упускают из виду знания о мире, актуализация которых и стоит за каждым актом соединения семантических составляющих во фразе» [Караулов 1987: 170]. В этом же русле рассуждает В.Е. Чернявская: «Все языковые единицы, все слова, включенные в текст, <...> являются результатом осмысленного целенаправленного выбора автора текста, создающего текстовое целое. <...> Очевидно, что семантика «текстослов» может значительно отличаться от семантики изолированных слов, и только в тексте, осмысляясь, слово актуализирует значение. Даже у самой нейтральной

единицы, включенной в высказывание / текст, возможны семантические приращения. В тексте возникает качественно новое целое, не равное сумме системных значений отдельных единиц» [Чернявская 2005: 15]. Как видим, введенное Г.О. Винокуром понятие «приращение смысла» [Винокур 1991] для нейтрального слова, используемого в художественном произведении, оказывается актуальным для любого текста.

Таким образом, когнитивный подход к тексту реализуется через семантический анализ конкретного речевого произведения, через декодирование концептуального пространства текста.

К когнитивному подходу близок психолингвистический подход, при котором текст рассматривается как единство замысла и семантики, его воплощающей. Так, А.А. Леонтьев цельность текста считает психолингвистической категорией, так как она предполагает «единство замысла, семантической программы – смысловое единство» [Леонтьев 1997]. В психолингвистической теории А.А. Леонтьева понимание текста предстает как процесс перевода смысла текста в любую другую форму его закрепления [Леонтьев 1997]. Это может быть процесс парафразы, или перевода на другой язык, или компрессии текста. Этот перевод на «внутренний код» [Жинкин 1982] и есть условие понимания текста. Самая высокая степень понимания речевого сообщения характеризуется освобождением от скованности словесной формулировки воспринимаемого смыслового содержания и возможностью свободного изложения понятого своими словами, что вероятно только при условии перевода принимаемой информации на внутренний код реципиента. Но это понимание у каждого реципиента различно и зависит от коммуникативного портрета адресата (пол, возраст, социальное положение, образование, черты характера, мировоззрение и др.): «Каждый читатель вычитывает из текста несколько разное содержание. Однако, воспринимая текст по-разному, мы не строим различные миры. Этот мир мы можем видеть в разных ракурсах, с разной степенью ясности, можно видеть фрагмент вместо целой картинки» [Леонтьев 1997].

В терминах когнитивной лингвистики понимание текста происходит при наложении и хотя бы частичном совпадении языковой картины мира реципиента и языковой картины мира, репрезентированной автором в тексте. В когнитивной лингвистике языковая картина мира рассматривается как часть концептуальной картины мира, то есть совокупности представлений и знаний человека о мире. Следовательно, для адекватного понимания текста очень важна коммуникативная компетенция адресата. «Конкретный коммуникативный акт всегда содержит в себе обращенность, предполагающую в получателе как полную степень владения языком, так и наличие необходимых сведений, на фоне которых обеспечивается понимание той или иной информации» [Колшанский 1984: 25]. Понимание, даже при наличии у говорящего и слушающего общих знаний о мире, редко бывает стандартным, однозначным, различаясь в зависимости от принадлежности воспринимающего текст к той или иной социальной группе, от его индивидуальных установок и мотиваций. При этом учитывается организация языковой личности как результат взаимодействия трех уровней: семантического (ассоциативно-вербальная есть), лингвокогнитивного (тезаурус) и прагматического [Караулов 1987].

В стилистике понимание авторского замысла рассматривается как процесс декодирования заложенной информации (так называемая стилистика декодирования). Главная задача стилистики декодирования – адекватное и наиболее полное восприятие читателем информации, заложенной автором в тексте и подтекст произведения. Именно поэтому основное внимание в стилистике декодирования уделяется изучению кодов и алгоритмов декодирования произведения для разных уровней языка и культуры.

Еще А.А. Потебня говорил о том, что содержание художественного произведения развивается не в художнике, а в понимающем. Слушающий может гораздо лучше говорящего понять, что скрывается за словом, и «читатель может лучше самого поэта постичь идею его произведения. Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в

том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его понимании» [Потебня 1976]. Вот почему «язык есть средство понимать самого себя» [Потебня 1976: 149] и «при понимании к движению наших собственных представлений примешивается мысль, что мыслимое нами содержание принадлежит вместе с тем и другому» [Потебня 1976: 141].

Основы стилистики декодирования были заложены Л.В. Щербой в его «Опытах лингвистического толкования стихотворений» (1922-1936 годы) и развиты И.В. Арнольд [Арнольд 1981], Н. И. Жинкиным [Жинкин 1982], А.И. Новиковым [Новиков 1983], Т.М. Дридзе [Дридзе 1984], Л.Г. Кайдой [Кайда 2004] на примерах художественных текстов. Л.Г. Кайда, развивая идеи стилистики декодирования применительно и к публицистическим жанрам, обосновывает методику декодирования, которая «позволяет вникнуть в реальный замысел автора, вычитывая его из лингвистических приемов написанного текста. К примеру, в репортаже – авторские приемы создания психологической напряженности. В сатирических жанрах – свойственные им структурно-семантические типы оценочного подтекста. В памфлете – лингвистические сигналы патетики, а в статье – стилистической механизм убеждения» [Кайда 2004: 63].

Вывод о том, что «возможности взаимопонимания материализованы в самом тексте, а «сотворчество» рассчитано не на «множественность» прочтений и толкований, а на «однозначность» как максимальную приближенность читательского восприятия к авторской интерпретации, звучит для нас убедительно. Социально значимый текст, действительно, должен быть прочитан «в соответствии с авторским замыслом» [Кайда 2005: 59].

Сложность видится в том, что потеря информации все-таки возможна и даже неизбежна: «При декодировании неизбежна утрата некоторой части информации, что обусловлено рядом причин, главными из которых являются различия содержания памяти кодирующего и декодирующего и возможные изменения в коде» [СЭСРЯ: 415].

Таким образом, при порождении текста автор предполагает его адекватное понимание реципиентом. Но знание, репрезентированное в тексте адресантом, и знание, полученное при восприятии текста адресатом, не всегда совпадают: «В основе неоднозначного восприятия (фокализации) одного и того же текста различными людьми лежит разное для каждой языковой личности (группы) восприятие (модель) внешнего мира (членение действительности) и в связи с этим индивидуальное квантование информации, заложенной в тексте: для разных адресатов информативны разные кванты информации, разные отрезки текста» [Гончаренко 1984: 15].

Особо подчеркивается исследователями прагматический аспект текста, при котором доминирует внимание к эффективности речевого произведения, его воздействию на реципиента. Поскольку текст предполагает ориентированность на определенный тип читателя, «текст вне восприятия читателем неполон, ущербен» [Кулибина 2001: 14].

Итак, текст изучается в рамках разных отраслей науки и получает различные трактовки: в литературоведении (создание художественного образа невозможно без художественного текста), в теории информации и массовой коммуникации (как основной источник информации и общения), в лингвистике (как синтаксическая единица высшего уровня), в психолингвистике (как форма реализации речевой деятельности), в социолингвистике (как социально-речевое произведение) и т. д. Являясь объектом исследования ряда наук, текст представляет собой многоуровневое и многофункциональное образование.

Ознакомившись с различными определениями текста, данными представителями разных наук и в первую очередь лингвистами, мы сконструировали на их основе собственное определение, которое стало базовым для данного исследования: текст – это речевое произведение, характеризующееся завершенностью и целостностью, представляющее собой совокупность предложений (высказываний, сверхфразовых единств), связанных по смыслу, по структуре, стилистически и концептуально, реализующее определенную авторскую цель.

Таким образом, текст – это сложное целое, обладающее определенной структурой. Анализ текста возможен с позиций структурно-семантического подхода, при котором язык рассматривается как «система систем», с позиций коммуникативного подхода, связанного с ориентацией на компоненты акта коммуникации, а также с точки зрения когнитивного подхода, основанного на выявлении ментальных единиц и процедур обработки языковых знаний.

Как справедливо отмечает В.Е. Чернявская, все эти подходы к пониманию текста «только в своей совокупности способны раскрыть точно и адекватно его содержание» [Чернявская 2005: 12].

1.1.2. Основные категории и свойства текста

Еще одна задача, которую ставит перед собой лингвистика текста, – это выявить и описать систему категорий и свойств текста, представляющих собой его существенные признаки. Решению этой задачи посвящены многочисленные исследования.

Категория – это понятие, в котором «отображены наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира» [Кондаков 1967: 143]. Применительно к тексту термин «категория» может пониматься как общий и существенный признак (свойство, параметр) всех текстов, участвующий в моделировании самого понятия «текст». Текстовая категория, – это такой признак, который свойствен всем текстам и без которого не может существовать ни один текст, т. е. это типологический признак. В свою очередь, текст может рассматриваться как совокупность определенным образом соотнесенных текстовых категорий [Ванников 1984].

Текст всегда моделируется совокупностью текстовых категорий. И. Р. Гальперин первым предложил систему текстообразующих категорий, выделив в их составе категории содержательные и формально-структурные, при этом он подчеркивал их взаимообусловленность: «Формально-структурные

категории имеют содержательные характеристики, а содержательные категории выражены в структурных формах» [Гальперин 1981: 5]. В его монографии в качестве текстообразующих категорий были рассмотрены следующие параметры текста: связность, цельность, информативность, членимость, интеграция и завершенность текста.

Итак, большинство ученых выделяет следующие основные текстовые категории, которые составляют и само определение текста [Бабенко 2004; Дридзе 1984; Майданова 1987; Зильберман 1988; Матвеева 1990; Кубрякова 2001; Покровская 2004; Сыров 2005 и др.]:

- целостность (цельность) текста – содержательная категория, которая обеспечивается процессом интеграции частей текста;

- связность как неотъемлемое свойство текста, которое реализуется с помощью языковых и логических средств, выступающих в функции определенных скреп отдельных высказываний и объединяющих элементы текста в целостную конструкцию;

- информативность, отражающая одно из основных свойств любого текста – наличие минимальной или значительной информации о каком-либо объекте (объектах);

- членимость текста, обусловленная функцией общего композиционного плана произведения, так как каждый текст представляет собой не сплошной поток информации, а четко выстроенную структуру, имеющую свои части;

- интеграция текста, объединяющая все составляющие части текста (при относительной нейтрализации самостоятельности фрагментов) в целях достижения его целостности;

- последовательность, обеспечивающая линейное следование элементов содержания текста, т. е. своего рода жесткую схему, основанную на логических правилах, которая получает завершенное воплощение в композиции произведения;

- модальность, выражающая отношения либо автора, либо героя-рассказчика, либо персонажа к отображаемой действительности;

– интертекстуальность (межтекстуальность) – связь, обусловленная фоновыми знаниями и знакомством с другими текстами и др.

Связность определяют следующим образом: «два компонента текста связаны друг с другом, если они имеют некоторую общую часть. Связность основывается на возможности взаимной интерпретируемости предложений, или, иначе, на насыщении высказывания из контекста, которое состоит в вербализации элементов, необходимых для понимания данного высказывания и опущенных в нем самом» [Ревзин 1978: 144-146].

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» связность как текстовая категория имеет следующие дефиниции: «1) свойство речи или целого текста, реализуемое специализированными или функционально ориентированными на выражение этого свойства разноуровневыми языковыми единицами; 2) семиологическая категория, представляющая собой основной текстообразующий фактор, имеющая двусторонний характер: а) связность как отражаемое, передаваемое или создаваемое речью наличие общего в двух или более фактах, явлениях и т.д., что обуславливает независимый характер связности; б) связность как отражаемое, передаваемое или создаваемое речью объединение фактов, явлений и т.д. в одно замкнутое в смысловом отношении целое, в чем заключается роль связности в образовании целого текста; 3) категория, соотносимая с системой разноуровневых языковых единиц, объединенных функцией выражать как расчленение (отграничение), так и связь текстовых единиц – самостоятельных предложений, сверхфразовых единств, абзацев и др.» [СЭСРЯ: 376-377].

Оказывается, что в тексте нет ни одного компонента, который не был бы связан хотя бы еще с одним компонентом. Л.Г. Бабенко утверждает, что связность «обусловлена линейностью компонентов текста, то есть синтагматична. Эта категория внешне выражается в тексте на уровне синтагматики слов, предложений, текстовых фрагментов. Автор текста в процессе его порождения стремится расчленить континуальный смысл на

компоненты, в связи с чем можно говорить об интенциональности связности: она обусловлена замыслом автора» [Бабенко 2004: 41]. Связность текста может быть выражена как эксплицитно при помощи лексических и грамматических средств связи, так и имплицитно – смысловым и позиционным соотношением речевых единиц.

Целостность текста как другая основная категория отличается от связности текста, которая ориентирована на план выражения. Целостность текста ориентирована на план содержания, она «обусловлена законами восприятия текста, стремлением читателя, декодирующего текст, соединить все компоненты текста в единое целое. <...> Целостность текста обеспечивается его денотативным пространством и конкретной ситуацией его восприятия: кто воспринимает текст? где? когда? зачем? Это позволяет говорить о ситуативности цельности текста. Противоречивость цельности обусловлена, во-первых, парадоксом устройства самого текста, который существует одновременно в линейной непрерывности/дискретности, во-вторых, характером его мыслительной обработки. Итак, целостность текста обусловлена концептуальностью текстового смысла, в связи с чем она в большей степени парадигматична» [Бабенко 2004: 40-41].

В Стилистическом энциклопедическом словаре целостность текста понимается как «“стратегическое” свойство текста, ориентированное на отдельное произведение во всей его полноте, включая сопутствующие тексты, а именно: заглавие, оглавление, предисловие, аннотацию, введение, выводы и т.п. Их объединяющая функция эксплицировать авторский замысел и результат реализации этого замысла в свернутой форме – одна из основных в плане целого произведения» [СЭСРЯ: 610]. В отношении содержательной структуры газетного текста сформировалась концепция, в соответствии с которой целостность газетного текста создается такими элементами содержания, как явление и событие, а также логическая схема – описательная, событийная и обобщающая, объединяющая эти элементы содержания с интерпретирующей информацией [Майданова 1987]. Разноплановость параметров целостности, с

одной стороны, тематическая и логическая, а с другой – интерпретирующая, относящаяся к метатексту, свидетельствует о том, что целостность текста представляет собой объемную категорию [Матвеева 1990], сопряженную с линейными текстовыми категориями (связности, логичности и др.), ориентированными на формирование целостности, по-разному проявляющейся в текстах разных функциональных стилей.

Взаимодействие целостности и связности текста заключается в том, что «целостность – это некоторая характеристика результата восприятия внутренне связанного текста, а сама связь – это средство, позволяющее получить данную характеристику» [Новиков 1983: 27]. Целостность текста также обеспечивается другими категориями, такими как информативность, завершенность и т. п.

Для нашего исследования актуальны работы, посвященные концептуальному анализу текста, или анализу его концептуальной структуры. Наиболее часто предметом внимания лингвистов становится концептуальный анализ художественного текста. Например, В.А. Пищальникова концентрирует свое внимание на рецепции текста и получателе речи и считает, что восприятие концептуальных структур текста зависит от когнитивных и культурных особенностей его адресата, то есть содержание текста «принципиально существует для воспринимающего только как система его личностных смыслов, возникших в результате интерпретации» [Пищальникова 1991: 4]. Иными словами, знаковое пространство текста получает смысл только в ходе восприятия его реципиентом и «структурируется реципиентом в соответствии с содержанием его мышления» [Там же]. Это важно с концептуальной точки зрения: концепты и когнитивная составляющая текста актуализируются и появляются, по мнению исследователя, дважды – на этапе продуцирования их автором и на этапе восприятия адресатом, что делает актуальным вопрос о соотношении этих двух этапов конструирования концептуального пространства текста.

Таким образом, для всех видов текстов наиболее существенными и многогранными в плане реализации являются категории связности и

целостности, объединяющие отдельные элементы в целое и завершенное произведение. Связность и целостность – категории и свойства текста, выделяемые всеми исследователями данной области языкознания.

1.1.3. Язык СМИ. Особенности газетного текста

Исследования языка СМИ имеют давние традиции. Характер современных исследований в этой области во многом обусловлен тенденциями развития мировой лингвистики. Язык изучается не как замкнутая система, а в его многочисленных связях и функциях (язык и общество, язык и мышление, язык и культура и т. д.). Свидетельство тому – становление комплексных научных направлений, которые носят междисциплинарный характер (социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, этнопсихолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, юрислингвистика, компьютерная лингвистика и др.); формирование новых объектов внутри самой языковедческой науки (лингвистика текста, теория речевых актов); расширение эмпирической базы лингвистики, более глубокое изучение функциональных слоев языка. «При этом движение языка в смежные области, кажущееся удалением от предмета исследования, – отмечает Г.Я. Солганик, – парадоксальным образом приближает к языку, позволяя охарактеризовать его с разных сторон, выявить новые его качества» [Солганик 2010: 6].

С 70-х годов XX века в российской и зарубежной лингвистике появляются исследования, посвященные вопросам функционирования языка в сфере массовой коммуникации. В них тексты массовой информации рассматриваются с различных точек зрения: грамматики, стилистики, социолингвистики, теории дискурса, контент-анализа, когнитивной лингвистики, риторической критики и др.

Среди российских ученых, чьи работы внесли значительный вклад в развитие исследований языка средств массовой информации, такие лингвисты,

как С.И. Бернштейн [Бернштейн 1977], А.Н. Васильева [Васильева 1982], М.Н. Володина [Володина 2011], Б.А. Зильберт [Зильберт 1986], В.Г. Костомаров [Костомаров 1971; 1999], Б.В. Кривенко [Кривенко 1993], И.П. Лысакова [Лысакова 1989], Ю.В. Рождественский [Рождественский 1997], С.В. Светана [Светана 1976], Г.Я. Солганик [Солганик 1981], С.И. Трескова [Трескова 1989], Д.Н. Шмелев [Шмелев 1977] и др. Западная традиция изучения языка СМИ представлена такими именами, как Т. ван Дейк [Дейк 1989], М. Монтгомери [Montgomery 1996], А. Белл [Bell 1995], Н. Фейерклаф [Fairclough 1995], Р. Фаулер [Fowler 1991] и др.

На сегодняшний день сформировалось новое направление языковедческих исследований – медиалингвистика [Добросклонская 2000]. Предметом этой новой дисциплины является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации.

В современную эпоху информация стала решающим стратегическим фактором во всех сферах жизни человека. Существует мнение, что тот, кто владеет информацией, владеет миром. Сам термин «информация» относится «ко всем данным, которые поступают к человеку извне по разным чувственно-перцептуальным и сенсорно-моторным каналам, а также тем данным, которые уже переработаны центральной нервной системой, интериоризованы и реинтерпретированы человеком и представлены в его голове в виде ментальных репрезентаций. <...> В повседневном употреблении информация имеет отношение к значению или значимости и понимается как сообщение о фактах, событиях, процессах, обычно оформленное и переданное языковыми средствами» [Кубрякова 1997: 35]. Большой интерес для исследования представляют новостные издания, так как они не только отражают явления окружающей действительности, но и интерпретируют их в свете той или иной идеологии или прагматической цели: для публикации отбираются такие материалы, которые способны повлиять на читателя, привлечь его внимание к обсуждаемому вопросу и даже изменить его ценностные установки. Формирование самостоятельной лингвистической дисциплины для изучения

функционирования языка в СМИ обусловлено огромной ролью, которую играют средства массовой информации в жизни современного общества в целом и в развитии языка в частности.

Начало исследованиям языка СМИ было положено в работах по стилистике, где публицистический стиль выделяется как функциональная разновидность русского литературного языка, однако исследователи всегда обращали внимание на сложность этого явления из-за неоднородности его задач и условий общения, особенностей экстралингвистической основы [Кожина 1983; Солганик 1980; Кожин 1982 и др.]. Как известно, до сего времени нет однозначного определения самого понятия «функциональный стиль» [Бельчиков 2002: 72]. В.В. Виноградов дал и обосновал понятие «стиля»: «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1981: 7-8]. Ю.А. Бельчиков, следуя точке зрения В.В. Виноградова, формулирует следующее определение: «Функциональный стиль – общественно осознанная, объединенная определенным функциональным назначением в общественной речевой коммуникации система языковых элементов, способов и принципов их употребления, отбора, взаимного сочетания и соотношения» [Бельчиков 2000: 73]. Особый акцент в обеих формулировках делается на определения «общественно осознанная» и «функционально обусловленная», так как стиль или любая другая функциональная разновидность литературного языка является результатом коллективного осознания всеми носителями литературного языка особой системы языковых элементов, предназначенной для использования обществом в определенной сфере человеческой деятельности (в политике, науке, юриспруденции и т. д.).

Не существует и однозначного понимания термина «публицистический» (публицистика). Например, М.Н. Кожина отмечает, что одной из популярных разновидностей публицистического стиля является газетный стиль как вид массовой коммуникации, поэтому автор больше говорит именно о газетном стиле, используя при этом общепринятый термин «публицистический» ради сохранения единства терминологии [Кожина 1983: 183]. Некоторые авторы используют термин «газетно-публицистический стиль», акцентируя внимание на доминировании газетного подстиля [Кожин 1982: 109]. Подстиль – это разновидность функционального стиля, выделяемая на основе анализа группировки текстов, объединяемых общностью тематики, способов подачи, интерпретации содержания, а также общими, сходными чертами стилистического оформления и композиции [Бельчиков 2005: 49]. В.Г. Костомаров, изучая язык газеты, в 1970-е гг. выдвинул понятие единого конструктивного принципа газетно-публицистического стиля, который определил как чередование и контрастирование стандартизированных и экспрессивных речевых средств [Костомаров 1971]. Ю.А. Бельчиков считает принцип взаимодействия стандартизированных и экспрессивных языковых средств важнейшим стилеобразующим принципом внутренней организации речевой структуры публицистического текста [Бельчиков 2005: 49]. А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов справедливо замечают, что действие названного конструктивного принципа распространяется не только на газетный язык, но и на весь публицистический стиль в целом [Кожин 1982: 109-110]. Данное утверждение исследователи обосновывают двойственностью функции, которую выполняет публицистика: информационно-содержательная функция, сочетающаяся с функцией убеждения, эмоционального воздействия. А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов определяют специфику информационно-содержательной функции газетно-публицистического стиля, которая заключается в следующем: 1) информация в сфере политико-идеологических отношений, которую обслуживает публицистический стиль, адресуется не узкому кругу специалистов, а широким массам, всем носителям

языка; 2) в этой сфере общественной деятельности необходима быстрота передачи информации, так как публицистика, а особенно газетная, посвящена «злобе дня». Особенность функции убеждения заключается в том, что адресант воздействует не столько на разум, сколько на чувства адресата, поэтому автор в явной форме выражает свое отношение к сообщаемому. А.Н. Васильева [Васильева 1976] отмечает, что отношение адресанта к сообщаемому не является сугубо индивидуальным, а оно есть выражение мнения определенной социальной группы, клана партии, адресованное массам. В.Г. Костомаров [Костомаров 1971], А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов [Кожин 1982] и др. говорят о том, что публицистический стиль одновременно и консервативен, и подвижен. С одной стороны, трудно писать и быстро, и правильно, не прибегая к штампам, с другой – средства воздействия быстро «срабатываются», «изнашиваются», требуют постоянного обновления. Иначе речь убеждающая становится неубедительной.

М.Н. Кожина, изучая средства массовой информации советского периода, отмечала, что в то время газета или общественно-политический журнал представляли партийный, профсоюзный или государственный орган. Безусловно, они были направлены на формирование мировоззрения адресата, на проведение в жизнь идеологии и политики КПСС, общественных организаций, от лица которых они издавались [Кожина 1983: 185]. Все тексты публицистического стиля названного периода эксплицируют агитационно-пропагандистскую функцию, поэтому функция воздействия и экспрессия были обусловлены принципом партийности. Газета, по справедливому мнению М.Н. Кожиной, была призвана не только просвещать массы, но и сообщать о новых научных открытиях, новинках техники, развития спорта и т. п., поэтому для публицистики советского периода была не менее важна и популяризаторская функция. В этом случае публицистический стиль привлекал и использовал приемы группировки языкового материала научного и официально-делового стилей. М.Н. Кожина выделяет главную функцию газетно-публицистического стиля 1980-х гг.: пропагандистско-

информационную, или воздействующе-информационную, делая акцент на аспекте воздействия. Эта функция, в свою очередь, включала в себя и ряд других функций: информационную, просветительскую, воспитательную, организаторскую, гедонистическую (развлекательную), которые определялись принципом партийности газеты и ее пропагандистской сущностью [Кожина 1983: 185].

Г.Я. Солганик акцентирует внимание на социальной оценочности и эмоциональности как важнейшем принципе языка газеты [Солганик 1980: 12, 22]. Принцип социальной оценочности определяет во многом отбор языковых средств, призванных выражать социальную оценку событий, явлений, которые по-разному проявляются в разных функциональных разновидностях литературного языка. В публицистическом стиле в целом категория оценочности проявляется в том, что в составе его языковых средств используются экспрессивные слова и словосочетания (*победоносный, клика, вандализм* и т. п.) или получившие социально-оценочные коннотации под влиянием контекста (*боевик, Всемирная паутина, коридоры власти* и т. п.). Принцип оценочности проявляется в большой мере на лексико-фразеологическом и словообразовательном уровнях языка, в меньшей – на грамматическом (средства экспрессивного синтаксиса).

Смена государственного устройства, политические, экономические, социальные изменения, смена идеологических ориентиров в силу отсутствия влияния одной партии и развития многопартийности не только отражаются в публицистике по причине природы ее назначения, но и воздействуют на нее, нарушая упорядоченность и сложившиеся в 1960–1980-е гг. традиции языка газеты.

В 1980-е гг. М.Н. Кожина [Кожина 1983: 187-188] определяет такие стилевые черты публицистики, обусловленные ее агитационно-пропагандистской функцией, как: призывность, лозунгово-декларативный характер, простота, доступность, рекламность, выражающаяся в особенностях заголовков, обращениях к адресату, проблемных вопросах; массовый характер

коммуникации, собирательность (обобщенные, собирательные значения) как выражение духа коллективизма. Особое внимание было уделено речевой выразительности, которая реализуется в стилевом «эффекте новизны», в стремлении к необычности, свежести словосочетаний, семантики слов и выражений, в широком применении средств словесной образности. Информативная функция, которая связывается с интеллектуальностью речи, диктует следующие стилевые черты: 1) документализм, проявляющийся в объективности и достоверности фактов, требующих терминированности, ограничения метафоризации терминов, 2) официальность, сдержанность, основывающиеся на штампах, клише, 3) обобщенность, абстрагированность изложения как итог аналитичности и фактографичности. В 1980-е гг. исследователи отмечали, что публицистический стиль находился на пересечении научного и художественного стилей, то есть публицистический стиль активно взаимодействовал с этими стилями, а также привлекал в большей степени их приемы и средства, частично и официально-делового стиля [Васильева 1976: 48, Кожина 1983: 188].

Газета советской эпохи, являясь типичным средством массовой информации и пропаганды, делает массовым и адресата, и адресанта. Газета или журналист выступают не от своего имени, не от имени какого-то одного лица или узкой группы лиц, а как коллектив, выражающий позицию большинства. В современной публицистике на первый план выдвигается индивидуальность, которая узнаваема по стилю автора, приемам структурирования текста, оценки, то есть усиливается личностное начало текстов СМИ.

В 1980-е гг. в работах лингвистов подчеркивается как особая черта языка газеты и публицистики вообще – интеллектуальность: «В наше время, когда массовый читатель обладает высоким уровнем образования и культуры, сами средства и характер выразительности оказываются иными, чем несколько десятков лет назад» [Кожина 1983: 185].

В публицистике 1970–1980-х гг. воздействующая функция проявлялась на лексическом уровне в новизне значений, расширении лексической

синтагматики, метафорическом, метонимическом переносах значений слов, метафоризации терминов (*душевный климат, пульс эпохи, диалог культур* и т. п.), перифразах, обновлении фразеологизмов, пословиц, поговорок [Горбунов 1969; Васильева 1976; Солганик 1981; Кожина 1983].

СМИ всегда стремились к экспрессии, обусловленной функцией воздействия, используя различные образные средства языка, но публицистика 1970–1980-х гг. активно использовала книжную лексику, частично литературную разговорную и очень редко просторечную, на что указывают М.Н. Кожина, Г.Я. Солганик и др. Исследователи языка СМИ постсоветской эпохи отмечают активное использование просторечной и жаргонно-арготической лексики и фразеологии, вытеснение книжной лексики, степень задействования которой ныне невелика [Беглова 2007].

В фокусе внимания современных исследователей языка СМИ находятся специфика языковых средств: лексических, синтаксических, морфологических [Костомаров 1999; Кочетков 1999; Магомедгаджиева 1997; Черникова 2003; 2004]; жанры газетного подстиля, особенности языка радио [Грановская 2005; Лаптева 2003; Сенкевич 1997] и телевидения [Васильев 2000; Костомаров 1999; Кривенко 1995; Лаптева 1997; Шанский 2003 и др.]; новые особенности публицистического стиля в целом [Валгина 2003; Горшков 2006; Грановская 2005; Какорина 1992; 1996; Клушина 1996; 2004; Лаптева 2003; 2004; Солганик 1996; Синячкина 1997; Сиротинина 1999 и др.], журналистский дискурс и его особенности [Дускаева 2014].

Вышли в свет словари публицистики, например, Г.Я. Солганика «Стилистический словарь публицистики» [Солганик 1999] и «Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения» [Солганик 2002], А.Б. Новикова «Словарь перифраз русского языка: на материале газетной публицистики» [Новиков 2004]. Все это свидетельствует об огромном научном интересе к публицистике постсоветского периода, в особенности к газетному языку.

Начиная с 1970-х гг., больше всего исследуется язык газеты [Горбунов 1969; Зильберт 1986; Какорина 1992; Костомаров 1971; Солганик 1981; 1996 и др.], так как в нем выражаются особенности языка конкретной эпохи.

Газетный язык активно исследуется и в постсоветскую эпоху. В.Г. Костомаров называет газетный язык не «функциональным стилем», а «функционально-стилевым единством», учитывая свободу и отсутствие ограничений в языке газет [Костомаров 1971]. В 2000-е гг. О.А. Лаптева представляет газетный язык как отдельную разновидность современного русского литературного языка, выдвигая следующие факторы ее отграничения от других функциональных разновидностей: 1) пониженная степень облигаторности употребления языковых средств в сравнении с научным и деловым стилем; 2) отсутствие условности языка, т.е. минимизация языковых средств и их лексических и грамматических характеристик [Лаптева 2003: 185]. Язык современной газеты с позиций социолингвистики исследуется в диссертациях [Синякина 1997; Цао Юэхуа 2004], в том числе с точки зрения семантических и стилистических изменений [Какорина 1992; Клушина 1995; Мистюк 1998; Нефляшева 1998 и др.] изучалась речевая структура газетного текста. Так, В.И. Коньков исследовал категорию «точка зрения» и ее реализацию в газетной публицистике, обращая внимание на особенности современного газетного текста: это процесс активного речевого взаимодействия отдельных лиц и социальных групп, пронизанный диалогичностью [Коньков 1995]. Вслед за М.М. Бахтиным он определяет диалогичность как явление, пронизывающее всю человеческую речь, все отношения и проявления человеческой жизни [Бахтин 1979: 49; Коньков 1995: 14].

Е.И. Беглова полагает, что «публицистический текст рубежа XX-XXI вв. занимает место художественного текста по степени воздействия на массы, заимствуя при этом его приемы создания выразительности, образности» [Беглова 2007: 12].

Язык газеты – это самая подвижная и подверженная изменениям часть литературного языка. Газета индуцирует вхождение иностранных слов,

жаргонизмов, арготизмов и т. п. во всеобщее употребление. О. А. Лаптева справедливо замечает, что газета может сделать отдельное употребление субъективной, а затем и объективной нормой [Лаптева 2003: 186].

Работы по изучению газетной публицистики 1990–2000-х уже создали теоретическую базу для дальнейших исследований. Язык газеты периода 1990–2000-х гг. подвергался анализу как в статьях, так и в монографических и диссертационных исследованиях [Беглова 2007; Васильев 2009; Гаглоева 1996; Какорина 1992; Клушина 1995; Коньков 1995; Костомаров 1999; Кочетков 1999; Мистюк 1998; Нефляшева 1998; Синячкина 1997; Скворцов 1996 и др.].

О.А. Лаптева на первый план выдвигает информативную функцию газеты [Лаптева 2003: 187], тогда как М.Н. Кожина в 1980-е гг. доминантой считала агитационно-пропагандистскую функцию (воздействия) [Кожина 1983]. Е.И. Беглова отмечает, что функция воздействия доминировала с начала 1990-х гг., поскольку велась борьба за читателя, в 2000-е гг. функции информативная и воздействия стали равноправными, поскольку стабилизировались и приемы выражения мысли, оформились жанры, которые распределились по газетным рубрикам [Беглова 2007].

Интерес вызывает точка зрения О.А. Лаптевой [Лаптева 2003: 186-187] на увеличение числа функций газетно-публицистического стиля: к информативной и воздействующей функциям добавляется эстетическая функция, свойственная, как известно, языку художественного произведения (художественному стилю) [см. Горшков 2006: 322-324]. Следовательно, язык современной газеты сближается с языком художественного текста на основе стремления к экспрессивности, оценочности, эмоциональности.

О.А. Лаптева, выделяя три функции публицистического текста, доминирующей считает информативную функцию [Лаптева 2003: 186-187]. Без сомнения, современная публицистика заимствует из художественного произведения приемы и принципы построения текста, средства создания образности и образа, отражая личностное начало, индивидуализацию текста. Известно, что специфика языка художественной литературы заключается в его

разностильности, привлечении общеязыковых средств для выражения смысла, так как в нем доминирует эстетическая функция, а коммуникативная занимает вторичную позицию. Эстетическая функция в художественном тексте – это и способность вызывать эмоциональную и оценочную рефлексия адресата, оставляя ему право по-своему завершить осмысление описываемого явления. Ныне существует мнение, что утрачивается стилевое многообразие текстов, стираются границы между художественной прозой и публицистическими жанрами. «Новый журнализм» функционирует в стилистических разновидностях между очерком и художественным текстом (например, невымышленный роман) [Грановская 2005: 367].

В исследованиях современного газетного языка отмечаются интенсивное развитие и формирование нового газетно-публицистического стиля, изменения в системе стилевых показателей, жанров, развитие отрицательной (в частности, агрессивной) оценочности, сочетание и взаимодействие крайних стилистических оппозиций: литературное / нелитературное, книжное / разговорное, высокое / сниженное [Земская 1996; Какорина 1992; 1996; Клушина 2008; Костомаров 1999; Нефляшева 1998; Синякина 1997; Солганик 1996 и др.].

Ключевое для традиционной лингвистики определение текста как «сложной, иерархически организованной многоплановой структуры, представляющей собой речевое произведение, характеризующееся целостностью, связностью и завершенностью» [Солганик 2005: 15], при переносе в сферу масс-медиа значительно расширяет свои границы. Здесь оно выходит за пределы знаковой системы вербального уровня, приближаясь к семиотическому толкованию понятия *текст*, которое подразумевает последовательность любых (не только вербальных) знаков. Большинство исследователей сходятся в том, что уровень массовой коммуникации придает понятию «текст» новые смысловые оттенки, и в современной лингвистической литературе вводится термин «медiateкст». Ученые по-разному, в пределах своей области исследований, определяют специфические черты медiateкста.

Так, например, Я.Н. Засурский рассматривает медиатекст в контексте многообразия и разноплановости современных процессов массовой коммуникации и определяет его как «новый коммуникационный продукт» [Засурский 2005: 11].

Г.Я. Солганик, рассматривая текст современных массовых коммуникаций в терминах традиционной лингвистики, сопоставляет понятия *текст* и *медиатекст* и выделяет следующие особенности медиатекста:

1) особый тип автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), следствием чего являются такие качества, как подлинность, документальность, эмоциональность и страстность медиаречи;

2) специфическая текстовая модальность (субъективно-объективное отношение к действительности, для которого характерно открытое и непосредственное выражение авторских мыслей, чувств, оценок, отношения к реальности);

3) ориентация на массовую аудиторию;

4) создание своеобразного публицистического пространства как широкой области бытования и столкновения идей, мыслей, положений социального, политического, идеологического, мировоззренческого и т. п. характера [Солганик 2005: 7-15].

Несколько иной угол зрения у В.В. Славкина: он видит в медиатексте новые возможности, которые несут СМИ, придающие ему динамический аспект. Здесь чрезвычайно полезны наблюдения над взаимодействием медиатекста и гипертекста, они помогают понять новую монтажную структуру журналистского текста и новые возможности коммуникационного монтажа и композиции [Славкин 2005: 17].

Р.С. Гиляревский рассматривает медиатекст как элемент информационной технологии, стремясь включить его в процесс того преобразования коммуникационной деятельности, которое происходит в результате вторжения в нее новых цифровых процессов – Интернета, телефонии, других новейших технических средств [Гиляревский 2005].

И.В. Рогозина подчеркивает значимость социальных, когнитивных и коммуникативных процессов, которые реализуются при взаимодействии с текстами СМИ. Рассматривая медиатекст как элемент структуры медиакартины мира, она предлагает определять медиатекст как «достаточно подвижное, регулируемое социально-речевое образование, обеспечивающее решение как коммуникативных, так и иных задач» [Рогозина 2003: 164], а также как инструмент формирования общественного мнения внутри данного социума и за его пределами. Исследователь отмечает: «Смещение ориентации в изучении языковых сторон процесса медиакommunikации со слова и предложения на медиатекст дает возможность изучать его через призму системного подхода, направленного на исследование целостных объектов. Системный подход диктует необходимость рассматривать медиатекст как полифункциональное целое. Будучи целостным образованием, целенаправленно репрезентирующим реальность, медиатекст может рассматриваться как система, складывающаяся из вербальных и невербальных компонентов. То есть медиатекст функционирует как полифункциональная система и характеризуется сложными отношениями подобно многим объектам реальности. Изучение этих отношений позволит наиболее адекватно раскрыть социально-регулятивную и когнитивную природу медиатекста» [Там же: 154].

В работе Н.В. Чичериной медиатекст рассматривается как основное средство формирования медиаграмотности в процессе профессионального языкового образования и исследуется с позиций медиа и языковой педагогики и методики. К специфическим характеристикам медиатекста исследователь относит следующие:

1) многомерность (у других авторов – многоплановость, гетерогенность, полифоничность, интегральность), под которой понимается комбинирование и интеграция разнородных компонентов (вербальных, визуальных, аудитивных, аудиовизуальных или других) в едином смысловом пространстве текста;

2) языковое наполнение, детерминированное ориентацией на массовую аудиторию;

3) динамический характер, связанный с незаконченностью и процессуальностью медиатекста и во многом определяемый многоаспектностью контакта автора и его аудитории;

4) социально-регулятивную природу, обусловленную их прагматической направленностью и незначительными возможностями верификации репрезентируемой информации [Чичерина 2008: 12-17].

В.В. Прозоров предлагает рассматривать медиатекст с двух позиций: с точки зрения его создателей и с точки зрения его потребителей [Прозоров 2004: 109]. В первой позиции медиатекст выступает как разножанровый масс-медийный продукт, осмысление которого должно происходить в объеме газетно-журнального издания, теле- или радиоканала, которые создают единое художественно-образное пространство для общения с аудиторией. С точки зрения массовых потребителей, все многообразие медиатекстов, продуцируемых различными средствами массовой информации, воспринимается как единый, более или менее связный, цельный журналистский текст. Таким образом, в концепции В.В. Прозорова медиатекст получает расширенное толкование. По его образному определению, текст СМИ – это текст-река, в которую «можно входить бесчисленное количество раз, окунаться вновь и вновь, а когда отвлекают другие интересы или занятия, можно быть уверенным, что река эта течения своего не прервет. Она постоянно ждет нашего возвращения» [Там же: 111]. Такое определение подчеркивает одну из наиболее актуальных характеристик медиатекста – неразрывную взаимосвязь с другими текстами СМИ, составляющими современную медиакартину мира.

Д.Г. Богушевич считает, что медиатексты принадлежат к открытому неограниченному классу сообщений, в которых социум «совпадает» с одним из участников эпизода [Богушевич 1998].

Наиболее полно концепция медиатекста раскрыта в работах Т.Г. Добросклонской. Исследователь выделяет такие существенные параметры, как:

1) способ производства текста (авторский – коллегиальный);

- 2) форма создания (устная – письменная);
- 3) форма воспроизведения (устная – письменная);
- 4) канал распространения (средство массовой информации – носитель: печать, радио, телевидение, Интернет);
- 5) функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика, реклама);
- б) тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопику [Добросклонская 2014].

Для описания медиатекстов имеет значение то средство массовой информации, в рамках которого данный текст создан и функционирует. Каждое средство массовой информации (печать, радио, телевидение или Интернет) характеризуется особым набором медийных признаков, которые оказывают существенное влияние на языковые особенности текста. Так, в газете или журнале словесная часть текста может быть усилена графическим оформлением и иллюстрациями, на радио – голосовыми возможностями и звуковым сопровождением, на телевидении – видеорядом.

Различие имеющихся взглядов на природу медиатекста позволяет утверждать, что понятием *медиатекст* в современной лингвистике обозначается сложное, многогранное, многоаспектное явление. Взгляд на медиатекст как на «тот рубеж, на котором знаковая система получает выход в социальную и историческую практику» [Барт 1978: 449], позволяет рассматривать языковую репрезентацию представлений реципиента об окружающем мире как результат воздействия текстов СМИ на их сознание.

Важное значение для теории медиалингвистики имеет положение о том, что «правильность восприятия текста обеспечивается не только языковыми единицами и их соединением, но и необходимым общим фоном знаний, коммуникативным фоном» [ЛЭС: 507].

Американский исследователь и журналист А. Белл полагает, что существуют четыре фактора, обуславливающих интерес к изучению текстов СМИ:

- 1) СМИ предоставляют легкодоступный материал для исследований и преподавания;
- 2) язык СМИ влияет на использование языка людьми в языковом сообществе, а также на отношение людей к использованию языка;
- 3) исследование дискурса СМИ позволяет выявить социальные значения и стереотипы, отраженные в языке и коммуникации;
- 4) СМИ влияют на формирование и выражение культуры, политики и общественной жизни [Bell 1995: 23].

Специфика средств массовой информации и коммуникации обусловлена не только их собирательной природой, отражающей собирательность объекта, проблематики, массового «автора» и массового читателя, но и их функциями, главнейшие из которых – информационная и воздействующая – сочетаются с рядом других, например, функцией социальной связи – то есть комментирование и интерпретация происходящего, поддержка существующих норм и властных отношений, социализация, формирование общественного мнения; функцией обеспечения преемственности – выражение образцов доминирующей культуры, поддержание общности социальных ценностей; функцией мобилизации – организация кампаний в связи с актуальными целями в политике, экономике, социальной сфере.

С начала XXI века площадкой для динамичного развития средств массовой коммуникации становится интернет. Появляются электронные газеты, и актуальным становится вопрос об отличиях между печатными и электронными газетами.

Отличия обнаруживаются на структурном (внешнем, формальном) уровне. Э.А. Лазарева и Е.В. Горина перечислили следующие особенности представления информации в интернет-изданиях (газетах): 1. Перед адресатом только список названий разделов и рубрик, поэтому адресат не может увидеть газетный текст в целостности. 2. Объем сведений в электронном издании больше, чем в печатном аналоге, адресату требуется больше времени и сил, чтобы удержать в памяти прочитанные материалы, поэтому по сравнению с

печатной газетой электронный контекст сложнее понять. 3. Текст в интернет-издании имеет зыбкую структуру, более подвижную и меняющуюся, в силу постоянно обновления и изменения рекламы и иллюстрации. 4. Заголовки в интернет-изданиях являются самостоятельными компонентами, существующие отдельно от текста, и это единственное, что видит адресат. Заголовок здесь – это «не столько заголовок, сколько отсылка к будущему тексту, к содержанию публикации, к новой волне рекламы, к внутреннему информационному полю, к новой странице». 5. Иллюстрации сопровождают практически каждый материал. 6. Адресат может принимать активное участие в публикации (голосовать, оценивать материал и т. д.) [Лазарева 2012: 210-214].

Многие отличия электронных СМИ от печатных связаны с техническими и программными возможностями, которые представляет интернет. А.А. Градюшко называет среди них оперативность, интерактивность, мультимедийность, персонализированность, гипертекстовость, возможность архивирования, трансграничность [Градюшко 2012: 23-26]. С.Л. Кушнерук описывает такое свойство текста электронных СМИ, как «нелинейное представление структуры текста и межтекстовых связей, что открывает для реципиента возможность выбора и самостоятельного конструирования текстового пространства» [Кушнерук 2007: 141]. По мнению исследователя, читатель даже может испытывать давление со стороны адресанта: гиперссылки подсказывают ему, какова связь данного материала с другими, и препятствуют самостоятельному установлению таких связей [Там же].

Кроме того, появляются отличия в приемах, используемых в печатных и электронных СМИ. Обычно речь идет о том, что копилка приемов журналиста в электронном издании пополняется новыми приемами. В процессе сравнительного анализа печатных и электронных материалов Ю.Ф. Шпаковский отметил, что «в интернет-журналистике очень часто пользуются приемами, которые не характерны для традиционных СМИ: активное использование иностранных слов, использование цифрового материала, насыщение материала фактами и ссылками на другие источники» [Шпаковский

2013: 81]. А.А. Градюшко отмечает, что «интернет – особенная среда, для которой свойственен особенный язык и контент» [Градюшко 2012: 17]. В связи с этим в языке электронных СМИ используются элементы разговорного синтаксиса [Элатик 2016], экспрессивно-стилистические средства – каламбуры, телеграфный стиль, риторические конструкции, прецедентные феномены [Кузина 2019] и другие языковые приемы.

Несмотря на значительные отличия, электронные и печатные публикации имеют много общего. Данные черты выделяют Э.А. Лазарева и Е.В. Горина: соблюдение концепции СМИ (жанры, рубрики, разделы, язык и стиль и т. д.); сохранение структуры (наличие основной новости, выделение главного шрифтом и т. д.); повторение содержания; важная роль заголовка как средства привлечения внимания адресата; действие в тексте «общих категорий текста: целостности, связности, отдельности, системности, модальности, завершенности»; присутствие единого текста всей газеты [Лазарева 2012: 214-215].

В целом можно говорить о том, что электронная газета, не отрицая языковых и структурных особенностей печатного издания, формирует на их базе в виде надстройки новые особенности, используя при этом технические возможности сети интернет. В результате можно «говорить о формировании новой подсистемы средств массовой информации» [Градюшко 2012: 23].

Таким образом, современные исследователи к особенностям газетного текста относят следующие: 1) индивидуализация; 2) сближение с языком художественной литературы в использовании приемов создания образности и выразительности (выразительно-изобразительные средства языка, свободная синтагматика, смешение разностилевых средств и т. п.); 3) коллоквиализация языка СМИ; 4) развитие оценочности, как правило, отрицательной; 5) сочетание контрастивных стилистических средств (литературное/нелитературное, книжное/разговорное, высокое/сниженное); 6) особое значение газетных заголовков и подзаголовков, которые выполняют функцию привлечения внимания читателя (рекламная функция). Кроме того,

электронные новостные материалы (газеты) также обладают своими особенностями по сравнению с традиционными СМИ.

1.2. Вопросы теории метафоры

1.2.1. Основные аспекты анализа метафоры

Вопросы теории метафоры на разных этапах развития языкознания рассматривали Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1990; 1998], М. Бирдсли [Бирдсли 1990], М. Блэк [Блэк 1990], Э.В. Будаев [Будаев 2004; 2006], В.В. Виноградов [Виноградов 1941; 1981], В.Г. Гак [Гак 1988], О.И. Глазунова [Глазунова 2000], С.Д. Кацнельсон [Кацнельсон 1947], Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1981], Б.А. Ларин [Ларин 1979], Н.А. Лукьянова [Лукьянова 1976], Е.В. Падучева [Падучева 2004], Дж. Серль [Серль 1990], Г.Н. Скляревская [Скляревская 1993], Ю.С. Степанов [Степанов 1997], В.Н. Телия [Телия 1988], А.П. Чудинов [Чудинов 2001; 2003а; 2003б; 2004], Д.Н. Шмелев [Шмелев 1964], Р. Якобсон [Якобсон 1990] и другие российские и зарубежные исследователи.

В лингвистике существует большое количество различных теорий метафоры, которые построены на трех основных подходах: семантическом, прагматическом и когнитивном – в зависимости от того, какие аспекты метафоры в них раскрываются.

Анализ феномена метафоры в семантическом аспекте представлен во многих теориях, которые обычно называют «теорией сравнения». В основе данной теории метафоры лежат идеи В.В. Виноградова, высказанные в его основополагающих работах по общетеоретическим проблемам значения слова. Определяющей в концепции В.В. Виноградова является мысль о зависимости семантики слова от его в первую очередь предметно-понятийной соотнесенности, а затем уже от словообразовательных, морфологических, синтаксических и стилистических факторов. Такое определение лексического значения как синтеза лингвистических и экстралингвистических факторов

лежит в основе современного рассмотрения метафорического употребления слова.

Известно, что при назывании того или иного понятия, обозначающего предмет, он воспринимается носителем языка в своих качественных проявлениях. Поэтому, очевидно, при метафоризации слово, изменяя свое значение, все же подспудно сохраняет семы основного номинативного значения. О таком сохранении вещественного значения в метафоризируемом слове образно пишет В.В. Виноградов применительно к пушкинскому стилю: «...Основное вещественное значение слова никогда не погасает до конца. Это значение всегда предполагается, как фон и фундамент дальнейших смысловых изменений слова» [Виноградов 1941: 21-22]. При восприятии метафоры на сохраненное подспудно в сознании значение наслаивается новое метафорическое значение, которое как бы приглушает другие смысловые оттенки основного значения, оставляет его на заднем плане, где-то на периферии сознания. Но и изменяясь, слово в составе метафоры всегда в скрытом виде несет эти смысловые оттенки. Здесь происходит как бы согласование по смыслу – образование метафоры на уровне семантики. Но и в согласовании на уровне семантики приглушенно сохраняется основное вещественное значение слова, изменяющего смысл в метафоре.

Ценность семантического подхода заключается в раскрытии «механизма формирования метафорического значения, как осуществление актов номинации и характеризующей предикации» [Глазунова 2000: 128]. Но, несмотря на указания некоторых исследователей на метафоричность самих процессов мышления, лежащих в основе метафоры как языкового средства, семантические теории не могут дать адекватного объяснения тому, что значит и как возможно мыслить об одной вещи как о другой.

Прагматический подход представляет собой другой важный взгляд на лингвистическую природу метафоры. В отличие от семантических теорий, проблема метафоры анализируется прежде всего в сфере употребления. При этом лингвисты обращают большое внимание на необходимость различать

значения слов и предложений и то, что имеет в виду, подразумевает говорящий, употребляя высказывание. С точки зрения этого аспекта, говорящий метафорически утверждает «S есть R», имея в виду «S есть R», и чтобы понять метафору, слушающий должен найти значение R. R – это то, что имплицитруется метафорой, признаки, имплицитно предсказуемые S. В основном исследователи выделяют две операции: поиск характерных, хорошо известных признаков R и последующий отбор из этих признаков тех, которые являются также возможными признаками и свойствами S [Серль 1990: 314]. При этом, согласно прагматическому подходу, метафоры объясняют не то, как появляются переносные (метафорические) значения слов, а то, каким образом метафоры понимаются в речи либо в тексте. Функцию метафоры можно определить как способ передачи смысла в акте коммуникации. Результатом процесса метафоризации является не возникновение нового значения у слова, выступающего в качестве обозначающего, а создание импликации, прямо не выраженного смысла высказывания.

Метафора – это тонкий инструмент психологического воздействия на адресата, поэтому авторы текстов СМИ часто используют метафоры для реализации своего коммуникативного намерения. С помощью метафоры выражается имплицитная оценка, подчиненная ведущей идее. Выбор определенной метафоры в тексте СМИ – это выбор определенной стратегии убеждения с помощью оценочной, идеологически нагруженной номинации, создающей и закрепляющей в сознании адресата нужный адресанту образ события.

Е.В. Святчик перечисляет следующие особенности газетной метафоры:

- 1) определенная стандартность, стереотипность, обеспечивающие сравнительно несложное декодирование метафоры со стороны адресата;
- 2) подчиненность коммуникативно-прагматической установке автора;
- 3) ориентированность газеты на определенную возрастную, социальную, профессиональную группу читателей;
- 4) сжатость, краткость, обеспечивающие экономию языковых средств;

5) эмоционально-экспрессивная, воздействующая, информационная, оценочная функции [Святчик 1997: 21].

Стремление изобразить события и явления действительности, сделать их предметом публицистического анализа, вызвав читательский интерес и эмоции, сопереживание, добиться приятия адресатом авторской оценки этих событий и явлений – все это определяет задачу образной конкретизации в газетном тексте. Образность – необходимый компонент текстов СМИ, и одна из ее важнейших задач – способствовать функции убеждения и воздействия. Публицистический образ органически «уживается» в текстах чисто информативных. Это связано с одним из конструктивных принципов языка СМИ, а именно принципом чередования экспрессии и стандарта.

С середины XX в. появился новый аспект анализа метафоры – когнитивный.

В.З. Демьянков пишет: «В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят <...> “репрезентации” знаний и процедуры их обработки. Обычно полагают, что репрезентации и соответствующие процедуры организованы модульно, а потому подчинены разным принципам организации» [Демьянков 1994]. Ученый утверждает, что «активность человеческой когниции не следует рассматривать <...> как функционирование единого и неизменного универсального механизма». Он пишет: «В <...> когниции заложены универсальные когнитивные стратегии. Человеческий опыт их использования приводит к накоплению “объектных” знаний и “оптимизирующих стратегий”». <...> Универсальные стратегии встроены в человеческий мозг, заданы самой его биологической структурой...» [Демьянков 1994]. Однако, он одновременно определяет язык как «общий когнитивный механизм», пишет, что «теоретики языка, причисляющие себя к когнитивистам, стремятся применить общий подход для описания и объяснения языковой когниции» [Демьянков 1994: 17]. Эта установка находит отражение в практике когнитивных исследований, в том числе в теории концептуальной метафоры, которая ставит своей целью представление закрытого множества когнитивных моделей, определяемых на

базе языковой сочетаемости, то есть синтаксических конструкций типа *время течет, охватил страх, привести к краху*.

Анализируя фразеологизмы в когнитивном аспекте, Д.О. Добровольский пишет, что ментальные образы, которые ассоциируются с метафорическими выражениями (в частности, идиомами), зависят не от значений конкретных конститuentов, но объясняются с точки зрения концептуальных моделей, которые принадлежат общей базе знаний языкового субъекта, поэтому идиомы одного и того же семантического поля можно описать с помощью небольшого числа концептуальных метафор [Добровольский 1996: 72].

Теория метафоры, по определению М.С. Лабащука, «должна быть <...> функциональной, действующей. Она должна быть теорией экспрессивно (мыслительно) и коммуникативно направленного субъекта. <...> Она с необходимостью должна включать опыт предметно-чувственной и коммуникативно-мыслительной деятельности» [Лабащук 2003: 113].

Механизм метафоры был выявлен Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, указавшими, что «сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф 2004], в этом смысле метафора – это не просто образное средство, связывающее два значения слова, а «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы» [Чудинов 2001: 36]. Дж. Лакофф и М. Джонсон называют эти две понятийные сферы «область-цель» и «область-источник». При описании этих двух областей исследователи пишут: «область-источник – этот тот самый элемент, на основе которого выполняется перенос. Область-источник интуитивно понятнее, конкретнее, и, как правило, связана с непосредственным физическим или пространственно первичным опытом человека, более детально известна обоим собеседникам» [Лакофф 2004: 30].

Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции общества, получили название концептуальных метафор. Концептуальная метафора – это

«разновидность метафорических номинаций, ведущей функцией которых является формирование концептов – вербализованных понятий, содержащих в образной форме наименование, представление субъекта номинации о свойствах и характере обозначаемого. Такая метафора одновременно дает денотату имя и предлагает определенный ракурс его видения» [Попова 2001: 56].

При таком подходе предложение *Your claims are indefensible* (Ваши утверждения недоказуемы, букв. *незащищены*) интерпретируется как отражение присутствующего в сознании говорящего представления о споре, дискуссии, коммуникации как о войне [Лакофф 2004: 26]. Концептуальная метафора СПОР – ЭТО ВОЙНА представляет собой, с точки зрения когнитивистов, своего рода порождающую модель, которая лежит в основе целого ряда метафорических знаков, например: *He attacked every weak point in my argument* (Он *напал* на каждое слабое место в моей аргументации), *His criticisms were right on target* (Его критические замечания *били* точно в цель).

В связи с этим когнитивисты пишут о моделирующей функции концептуальных метафор. Д. Росс трактует ее как «метафорическую экспансию» [Ross 1993: 38]. При такой теоретической установке задача исследователя сводится к тому, чтобы в результате анализа языкового материала представить серию когнитивных моделей типа: ЖИЗНЬ – ЭТО ДОРОГА, ЭМОЦИЯ – ЭТО КОНТЕЙНЕР, ЛЮБОВЬ – ЭТО ВОЗДУХ, ИНФЛЯЦИЯ – ЭТО РАСТЕНИЕ, КОЛИЧЕСТВО – ЭТО СУБСТАНЦИЯ.

Как отмечает А.П. Чудинов, метафора в когнитивной парадигме исследований – «это нечто совершенно иное, чем метафора в структурной, психолингвистической или какой-то иной парадигме» [Чудинов 2004: 80]. С точки зрения когнитивной лингвистики, метафора определяется как особый инструмент мышления, с помощью которого можно воспринимать и даже создавать новые или намного более сложные понятия на основе известных и конкретных понятий. Как утверждает В.Н. Телия, в этом направлении метафора рассматривается как «способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке

значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях» [Телия 1988: 3]. При этом, как указывает китайский лингвист Чжао Яньфан, «мозг человека отражает наш мир не так точно, как зеркало, а субъективно, и наш жизненный опыт глубоко влияет на знания о мире. Концептуальная лингвистика представляет собой такую науку, которая изучает влияние субъективного познания на язык» [Zhao Yanfang 2001: 10]. Метафора «отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов. <...> Эта способность играет громадную роль как в практическом, так и в теоретическом мышлении» [Арутюнова 1990: 15].

Э. МакКормак отмечает: «Рассматриваемые изнутри, метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы. Рассматриваемые извне, они функционируют в качестве посредников между человеческим разумом и культурой» [МакКормак 1990: 360] и выделяет три уровня сознания, порождающих метафору: познание, семантика и синтаксис, поверхностный язык. Соответственно цепочка метафорического процесса выглядит следующим образом: схватывание общих черт в процессе познания, языковое преобразование этого процесса и культурное закрепление метафоры в языке.

Как именно с помощью метафор осуществляется процесс познания? Метафора создается путем предикации объекту признаков источника. Значение метафоры определяется посредством вычленения этих признаков. Именно это и является целью метафоры, является тем новым, что она привносит в объект рассмотрения. Метафора, образованная вследствие подмеченного сходства, утверждает тождество. В этом ее гносеологическая сила. Лишенная связки подобия, она предиктирует новые признаки объекту. «Метафора статична; она отражает установившийся, лишенный внутренней динамики мир – мир сущностей. Метафора поэтому стремится уловить константные свойства объектов, их «душу», которую она благодаря своей образности делает

доступной чувственному восприятию» [Арутюнова 1998: 279]. Итак, в общем виде можно представить процесс привнесения метафорой знания следующим образом. Метафора преддицирует своему объекту какие-то признаки источника. Чтобы понять метафору, воспринимающий соотносит эти признаки с денотативным содержанием объекта и вносит их в него, потому что иначе метафора работала бы лишь как сравнение. В связи с этим уместно говорить о том, что «метафора трансформирует свойство (действительное или привнесенное) в смысл» [Бирдсли 1990: 210].

И.М. Кобозева специально отмечает следующую особенность когнитивного понимания метафоры: «согласно теории концептуальной метафоры “переносу” подвергается не изолированное имя (с присущим ему прямым номинативным значением), а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активируемая некоторым словом (фокусом метафоры) в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной конвенциональной структурой»; при этом «выбор признаков области источника для проецирования их на концепт области цели определяется, с одной стороны, целями говорящего (какие признаки концепта области источника он усматривает в денотате, конвенционально подводимом под понятие области цели), а с другой стороны, степенью когнитивной выделенности этих признаков (в противном случае метафора может быть неправильно понята адресатом)» [Кобозева 2002: электр. ресурс].

Концептуальная метафора в качестве важной части теории когнитивной лингвистики исследуется в последнее время в аспекте ее роли в образовании текста. Прежде всего акцентируется значимость метафоры как средства воздействия на адресата, в том числе в текстах СМИ: «Публицистическая метафора выполняет четкую прагматическую функцию – функцию убеждения, каузации адресата через яркие образы, оценочный подтекст, так как именно в метафоре, нередко становящейся символом, концентрируется основной смысл текста» [Клушина 2011: 26]. При этом метафора осознается не только как средство выразительности, но и как эффективный способ отображения

содержания текста в нужном автору ракурсе, ведь «объективно один и тот же фрагмент действительности может быть рассмотрен в разных аспектах и с разных точек зрения», и «подводя его под ту или иную категорию, автор уже на этом этапе осуществляет определенную интерпретацию действительности» [Кобозева 2008: 230].

Кроме того, в исследованиях последних лет актуализируется когнитивно-дискурсивный аспект анализа метафоры, общая идея которого заключается в том, что когнитивная метафора – это явление одновременно ментальное и дискурсивное. Когнитивно-дискурсивный аспект исследования метафоры применяется в исследованиях А.П. Чудинова [Чудинов 2003а], Э.В. Будаева [Будаев 2009], Е.Ю. Гловой [Глова 2010], Т.В. Андрюхиной [Андрюхина 2013], А.Р. Зарипова [Зарипов 2017], А.П. Чудинова, Э.В. Будаева, О.А. Солоповой [Чудинов 2020] и других лингвистов.

Э.В. Будаев, анализируя политическую метафору, пишет: «метафора, с одной стороны – феномен мышления, играющий важную роль в осмыслении и преобразовании политической действительности, а с другой – коррелирует дискурсивных факторов» [Будаев 2009: 113]. Е.Ю. Глова отмечает, что когнитивно-дискурсивный подход актуален, поскольку «метафора помогает понять мир и осмыслить окружающую действительность, а также служит источником того, о чем думает и как действует человек» [Глова 2020: 3].

А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова в монографии, посвященной когнитивно-дискурсивному исследованию метафорического моделирования в современной политической коммуникации, указывают на то, что «при таком подходе процесс метафорогенеза рассматривается как в контексте ментальных операций, так и в широком экстралингвистическом контексте» [Чудинов 2020: 5]. Данные изменения в подходе к когнитивной метафоре авторы оценивают как «дискурсивный поворот, то есть перенесение центра внимания исследователей с когнитивной базы на дискурсивные характеристики использования метафор» [Там же: 3]. Когнитивно-дискурсивный подход предполагает внимание к формированию метафоры под влиянием

мыслительных процессов человека и дискурсивных процессов в обществе, то есть под влиянием внутренних и внешних факторов. Когнитивная метафора, воспринимаемая в дискурсе, получает более точное научное толкование, при котором учитываются ее связи не только с языком и мышлением, но и с экстралингвистическим окружением.

Таким образом, в качестве основных аспектов анализа метафоры можно выделить семантический, прагматический и когнитивный. Семантический аспект предусматривает рассмотрение метафоры в рамках теории сравнения. Прагматический аспект диктует анализ метафоры с точки зрения ее употребления. Когнитивный аспект предполагает, что метафора является инструментом познания человеком окружающего мира. Ее сущность состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах другого. Подходы к метафоре постоянно уточняются и детализируются. Например, при когнитивно-дискурсивном подходе метафора анализируется не только как продукт ментальных операций, но и как явление дискурса, рассматривать которое необходимо в широком экстралингвистическом контексте.

1.2.2. Роль концептуальной метафоры в тексте

Современная публицистика – стиль, в котором тесно переплетаются формы устной и письменной речи, взаимно дополняя и обогащая друг друга. Важнейшим конструктивным принципом языка газеты является сочетание стандарта и экспрессии [Костомаров 1971]. Последняя достигается различными средствами, среди которых одно из ведущих мест занимает метафора.

В последнее время исследование метафоры переходит от уровня слов и фраз к уровню текста. Лингвисты показывают, что метафора может выполнять связующую функцию, а «следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий» [Баранов 2004: 9].

Одним актуальных вопросов теории концептуальной метафоры, на наш взгляд, является вопрос о ее роли в организации и развертывании текста, о соотношении текстовых и концептуальных структур. Китайский ученый Фэн Сяоху в своем труде «Метафора – основа мышления и рамка текстов» связывает концептуальную метафору с текстами, отмечая, что концептуальная метафора способна обеспечивать связность и цельность текста, она способствует восприятию текста как единого целого [Feng Xiaohu 2004: 25].

Исследования текстообразующей функции метафоры актуальны в современной лингвистике, они ведутся на различном материале. Н.Г. Шехтман на материале политических текстов делает вывод о том, что часто «в них ясно ощущается доминирование какой-то одной метафорической модели. В этом случае в тексте обнаруживается значительное число взаимодействующих метафор, соответствующих этой модели. И эта система метафор способствует восприятию текста как определенного единства, она связывает отдельные части текста в единое целое» [Шехтман 2008: 128].

Фэн Сяоху провел анализ того, как метафоры организуют китайские старинные тексты, в том числе он выдвинул термин «круг импликаций» и показал, как активизируемые метафорические области связывают разные части текста. По его мнению, у каждой метафоры есть свои импликации, эти импликации метафоры образуют «круг импликаций»; если любая импликация в этом круге была активирована, то и другие импликации будут активированы, и активизируемые импликации способны организовывать текст как единое целое [Feng Xiaohu 2004].

К.С. Филатов в своем исследовании показывает, что «метафорическое развертывание широко применяется в текстах, поскольку в самой природе метафоры заложен текстообразующий потенциал» [Филатов 2014: 187], по его мнению, рема и тема являются важнейшим организатором связности текста, движения мысли от предложения к предложению, и роль ремы в предложении зачастую выполняет метафора, которая представляет собой конструктивный элемент развертывания текста.

Диссертационное исследование К.С. Филатова «Метафора как способ развертывания журналистского текста» [Филатов 2015] стало значимым трудом в этой области, представляющим интересные наблюдения автора за использованием метафоры журналистами именно как текстообразующего средства. Исследователь вводит в научный обиход термин «метафорическое текстопорождение» [Там же: 3-4], подразумевая под ним способность метафоры становиться основой журналистского текста, служить инструментом текстообразования. Он связывает использование журналистами метафор с авторской интенциональностью: «...Система метафор, используемых в тексте, или даже одна базовая метафора выступают средством реализации авторского замысла (авторской интенциональности) текста» [Там же: 37]; то есть метафора позиционируется как способ воплощения в тексте намерений автора, касающихся в первую очередь привлечения внимания к сложным событиям, требующим анализа и размышления, а также собственно в анализе данных событий.

Именно поэтому, по мнению К.С. Филатова, «отражая главным образом познавательно-оценочную коммуникативную деятельность автора, метафоры почти не встречаются в информационных текстах» [Там же: 9]. Встречаются же они в текстах и фрагментах текста проблемного, полемичного характера, то есть «к метафорам журналист прибегает в том случае, когда ему нужно проблематизировать предмет речи или оценить его» [Там же: 63]. Более того, для метафор в СМИ характерны «идеологическая ангажированность, острая оценочность и воздействующая сила» [Там же: 54], востребованные в художественно-публицистических текстах, в памфлетах. С данным наблюдением К.С. Филатова нельзя не согласиться, и в ходе практического анализа газетных текстов мы убедились в его справедливости, что будет показано в главе второй. Несомненно, востребованность метафоры в аналитических текстах, а не в информационных связана с ее когнитивным характером, отражением с ее помощью мыслительных процессов, происходящих в сознании автора текста и его адресата.

Воплощаясь в журналистском тексте, метафора перестает быть простым образным средством языка, а превращается в «организующий всю текстовую конструкцию каркас» [Там же: 37]. Она помогает журналисту не только «осмыслить, познать описываемое явление» [Там же: 55], но и организовать его восприятие читателем, максимально точно передать свои мысли и свои трактовки происходящего адресату текста, чтобы вызвать у него адекватное (идеально – аналогичное авторскому) понимание информации. С помощью метафоры в тексте может последовательно выражаться оценка, в том числе политическая, и читатель, захваченный образом, для его понимания и трактовки которого он использует собственные когнитивные механизмы, по ходу развертывания метафоры в тексте «присваивает» оценки и выводы автора, начинает ощущать их как собственные.

Интересно наблюдение К.С. Филатова о том, что метафоры, развернутые в журналистском тексте, не могут быть языковыми, стертыми. Это либо яркие авторские метафоры, либо оживленные языковые, которые также начинают выглядеть ярко: «Оживление языковых метафор, как правило, происходит за счет расширения метафорического контекста, то есть метафорическое слово связывается с другими словами предложения через свое утраченное прямое значение, а не через косвенное» [Там же: 64]. Это в наибольшей степени справедливо по отношению к когнитивным метафорам. Действительно, их состав стабилен, модели устойчивы, но, будучи использованными в журналистском тексте, они никогда не звучат банально, поскольку для осмысления соотношения области цели и области источника применяются когнитивные механизмы сознания. О. А. Солопова совершенно справедливо отмечает: «часто стертая метафора, лишенная образности, воскрешает ее и генерирует другие метафорические образы, ассоциативно связанные с ней, что достигается за счет повторения или интенсификации метафоры с обогащением контекстной семантики, парадигматических и синтагматических отношений метафорической единицы с другими единицами контекста, синтаксической «упаковки» высказывания, интертекстуальных связей и других способов

акцентирования метафоры в тексте» [Солопова 2020: 165]. Когда метафора развертывается в тексте, она получает новое осмысление в любом случае, будь то авторская или языковая метафора, поскольку «метафора призвана привносить новое понимание описываемой ситуации в текст» [Филатов 2015: 72], то есть используется она с заранее выверенной целью взглянуть по-новому на то или иное явление действительности, событие, происшествие и т. д.

Проблемный характер когнитивных метафор К.С. Филатов связывает с тем, что они, «концептуализируя определенную проблемную область, предлагают вариант ее восприятия и осмысления» [Там же: 84]. Здесь ценно слово *вариант*, указывающее на самостоятельность и многоплановость мыслительных процессов читателя, включающихся в процессе осмысления предложенной автором метафоры. Несмотря на некоторую заданность читательской реакции (журналист ведет за собой и обуславливает мыслительные процессы адресата текста), эта реакция все же во многом самостоятельна именно потому, что представляет собой лишь вариант осмысления. Читатель понимает, что, наряду с этим вариантом, существуют и другие, и, если он принимает данный журналистом вариант, то делает это вполне осознанно (по крайней мере, в собственном понимании), что многократно усиливает воздействующую функцию текста.

В исследовании К.С. Филатова наибольшее внимание уделяется именно вопросам развертывания метафоры в тексте, вернее, развертывания текста с ее помощью, на ее основе. Исследователь обращает внимание на несколько закономерностей, встречающихся в данной сфере. Одна из них – способность метафоры охватывать все пространство статьи или его часть. Например, К.С. Филатов отмечает, что если метафора охватывает не все текстовое пространство газетной публикации, то ее развертывание чаще происходит в начале статьи [Там же: 67]. Действительно, именно в начале статьи журналисту необходимо наиболее сильно воздействовать на читателя. Здесь он задает возможные варианты осмысления события, настраивает читателя на реакцию определенного рода. В дальнейшем тексте метафора может напрямую не

разворачиваться, однако, будучи представленной в начале текста, она присутствует и здесь, влияя на мыслительный процесс читателя.

По мнению К.С. Филатова, метафора влияет на композицию текста, обосновывая те или иные его структурные элементы. В частности, фрагменты метафоры, заявленной в начале текста, часто в заголовке, требуют регулярного повторения в тексте, а затем – обобщения в конце текста, то есть композиция может стать кольцевой. При этом каждый элемент текста, отсылающий читателя к метафоре, занимает сильную позицию. Такая «композиционная схема устойчиво воспроизводима в текстах СМИ с разворачиванием метафор» [Там же: 92]. Она обладает доказанной эффективностью и достаточно часто используется журналистами. Элементы метафоры, последовательно воспроизводимые в тексте статьи, выступают как части ремы текста – микроремы.

К.С. Филатов считает, что в любом случае, как бы ни происходило разворачивание метафоры, «метафорические модели существуют в приведенном тексте не сами по себе, а как внутренне согласованная, неслучайная система» [Там же: 98]. И это внутреннее согласование метафорической модели, ее компонентов служит выстраиванию композиции текста, которая зависит от метафоры, основывается на ней. К примеру, в тексте может присутствовать одна область цели и несколько областей источника, а может наблюдаться обратное явление – соответствие одной области источника нескольким областям цели. Такие модели «создают неоднозначную, узорчатую картину смысла» [Там же: 99], в любом случае работающую на воплощение авторского замысла журналиста.

Из всех текстовых категорий К.С. Филатов соотносит с метафорой и ее разворачиванием в тексте в первую очередь категории связности и целостности текста. Он считает, что благодаря метафорам части текста связываются между собой в единое целое, в чем в первую очередь и состоит текстообразующая функция метафоры. При этом главенствующую роль, по мнению исследователя, играют метафорические модели, которые он относит «к числу

суперструктурных схем текста, определяющих его связность и целостность» [Там же: 131].

Исследователь затрагивает вопрос неметафорического окружения метафоры, в частности, отмечает, что в ряде случаев в тексте происходит «постоянное переключение с прямого прочтения на метафорическое» [Там же: 120], то есть метафора и неметафорическое окружение находятся в процессе взаимодействия и, при необходимости, может преобладать тот или иной текстовый компонент.

К.С. Филатов делает также ряд частных замечаний, которые важны с точки зрения представленного нами во второй главе практического исследования. Интересное замечание – рост в СМИ количества метафор в кризисные моменты истории: «...Как только возникает потребность осмыслить новое социальное явление, люди прибегают к метафорическому мышлению» [Там же: 75-76]. С этим наблюдением согласуется мысль автора о преобладании негативных оценок, выражаемых в тексте с помощью метафоры, над позитивными [Там же: 107], а также «разоблачительный характер» многих статей, в которых использованы метафоры [Там же: 108]. То есть в кризисные моменты истории появляется необходимость не просто описать что-то с помощью метафор, но и обвинить, обличить.

Еще одно замечание касается возможности интенсивного насыщения текста метафорами, при этом автор использует для характеристики частотности метафор в художественно-публицистических текстах метафору «сгущенность метафорического бульона» [Там же: 89], подразумевая, что основная метафора, выбранная автором для описания и оценки события, в тексте может дополняться другими метафорами, ассоциативно с нею связанными. Кроме того, К.С. Филатов отмечает, что «для большинства текстов с развертыванием метафор метафоричен уже заголовок» [Там же: 103]. Интересно также наблюдение автора о возможности сочетания в тексте статьи метафоры с другими средствами выразительности – градацией, гиперболами, трансформированными фразеологизмами, прецедентными высказываниями,

причем «стержневым тропом для этого текста все же являются метафоры» [Там же: 105].

Показательно, что К.С. Филатов связывает использование метафор с идиостилем автора, уровнем его речевого мастерства. Он пишет: «Удачное применение метафоры в качестве средства развертывания текста всегда маркирует высокий профессионализм журналиста» [Там же: 129]. Данные замечания оказываются важны для нас в ходе практического исследования, поскольку мы убеждаемся в их справедливости.

Тектообразующая роль метафоры изучается на материале различных текстов. Ю.В. Звездина на материале современной русской прозы делает вывод о том, что «с точки зрения композиционно-языкового аспекта метафора, метафорический словесный ряд являются компонентами языковой композиции произведения» [Звездина 2011: 13].

Н.Г. Шехтман анализирует текстообразующую роль метафоры в политическом тексте с помощью понятия образной когезии, она утверждает, что «развертывание в тексте метафорической модели (особенно при метафоричности заголовка) может быть важным средством создания образной когезии, отношений проспекции и ретроспекции, которые, в свою очередь, способствуют обеспечению связности политического текста и целостности его восприятия» [Шехтман 2008: 131].

Исследования концептуальных метафор и их роли в медиатексте актуализировались в науке последних лет. К.С. Иордан анализирует концептуальные метафоры в политическом дискурсе как средство формирования образа страны [Иордан 2017], А.А. Артамонова – метафоры с тематической доминантой «женское здоровье» [Артамонова 2018], А. Уянц – концептуальные метафоры в сфере спорта [Уянц 2017]. Исследователей интересуют возможности концептуальной метафоры как средства воздействия на читателей, например, в медийном экологическом дискурсе [Парахина 2018], особенности концептуальной метафоры в идиостиле конкретного журналиста [Носовец 2017] и многие другие вопросы. В зеркале концептуальной метафоры

пытаются осмыслить современное образование [Чудакова 2018б], образ Крыма [Пономарева 2018], реформирование пенсионной системы [Чудакова 2018а] и другие явления. Анализируется использование концептуальных метафор в речи отдельных персоналий, например, Дональда Трампа [Циммерман 2018], Майка Пенса и Тима Кейна [Медведева 2017а], Президента России В.В. Путина [Медведева 2017б] и др.

В «Словаре русских политических метафор» А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова дается определение «модели метафоры»: «Метафорическая модель – это понятийная область (область источника в когнитивной интерпретации метафоры), элементы которой (смыслы и сочетания смыслов) связаны различными семантическими отношениями <...>, причем каждый элемент модели соединен с другими элементами существенно более сильными связями, чем с элементами других понятийных областей» [Баранов 1994: XV]. Э.А. Лапиня тоже утверждает, что метафоры обладают моделирующей силой: «Метафора близка к понятию модели в своем общепознавательном смысле. Моделирование при этом понимается как сам процесс познания, ибо познать объект – значит создать его модель». С ее точки зрения, заимствуя какие-либо семантические признаки для описания объектов из определенной понятийной области, метафора вовлекает в процесс сравнения и другие семы этой области, некоторые из них могут оказаться релевантными объекту метафоризации. «Употребление метафор в определенной степени сходно с цепной реакцией, в силу того, что они образуют нечто вроде «кустовой» системы, и, выбрав один из элементов системы, человек вынужден отбрасывать те, которые некогерентны с ним» [Лапиня 1988: 137-138].

Концептуальные метафоры являются ключевыми словами публицистического произведения, организующими его текстовое пространство. Это доминанты текста СМИ, обеспечивающие его локальную и глобальную связность. Н.С. Валгина считает: «Локальная связность – это связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств). Глобальная связность – это то, что обеспечивает единство текста как

смыслового целого, его внутреннюю цельность» [Валгина 2004: 43]. Как отмечает Н.С. Валгина, «ключевые слова, становясь доминантными обозначениями, создают вокруг себя единый смысловой контекст, вовлекая в него другие слова, ситуативно связанные со словом-понятием, избранным в качестве ключевого» [Валгина 2004: 46].

По мнению А.П. Чудинова, развернутая концептуальная метафора способна быть включенной в состав средств, обеспечивающих связность и цельность текста [Чудинов 2003а: 111]. З.И. Резанова отмечает: «Окказиональность, “свежесть”, нестандартность ряда авторских метафор часто объясняется тем, что в процесс метафорического уподобления вовлекаются периферийные элементы соответствующего элемента поля» [Резанова 2002: 78].

Основа такого функционирования, возможность реализации связности и цельности текста обеспечиваются наличием глубинных связей единиц метафорического поля, задаваемого концептуальной метафорой. Внутреннее единство текстовых метафор в структуре текста задается их единством в структуре базовой концептуальной модели, наличием жестких родовидовых и метонимических конкретизаций [Резанова 2002: 77]. Варианты текстообразующих функций концептуальных метафорических моделей в русских политических текстах анализирует А.П. Чудинов, отмечая типы такого функционирования: развертывание в тексте одной доминирующей модели, параллельное развертывание в тексте двух-трех моделей, использование в тексте разнообразных моделей [Чудинов 2003а: 113-125].

Если в тексте развертывается одна доминирующая метафорическая модель, то такие «метафоры организуют текст, служат средством связи его частей, обеспечивающим целостность восприятия» [Чудинов 2003а: 113]. Модель становится в конкретном тексте доминантной. При этом в тексте могут присутствовать и другие, помимо доминирующей, метафоры, но их роль не так важна и они полностью подчиняются основному образу, играют на него, вписываются в него.

А.П. Чудинов разработал определенные критерии, по которым ту или иную метафорическую модель можно охарактеризовать как доминантную, играющую особую роль в организации соответствующего текста. К ним относятся:

- высокая частотность использования;
- развернутость, то есть представленность в тексте различных фреймов и слотов;
- рассредоточенность, то есть использование соответствующих метафор в различных частях текста;
- использование в наиболее сильных позициях текста (заголовков, эпиграф, первая и последняя фразы текста в целом и – в меньшей степени – его структурно-композиционных частях, формулирование тезиса, шрифтовые выделения и др.);
- использование не только стандартных, традиционных, но и ярких, индивидуально-авторских образов, привлекающих внимание читателей;
- детализация фреймов, их наполненность разнообразными метафорами, между которыми обнаруживаются разнообразные системные отношения (синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические);
- использование ресурсов интертекстуальности (прецедентные имена, тексты, события и высказывания);
- применение разнообразных стилистических фигур (антитеза, инверсия, парцелляция, разнообразные повторы, синтаксический параллелизм) [Будаев 2004: 195].

При параллельном развитии в тексте двух-трех метафорических моделей А.П. Чудинов отмечает возможность между ними как параллельных, так и оппозиционных отношений [Чудинов 2003а: 119]. Обе (или три) модели становятся доминантными, примерно равными в тексте. Таким образом могут сочетаться, к примеру, спортивная и военная метафоры, а выбор сочетающихся моделей «в значительной степени определен дискурсом» [Там же: 121].

Если в тексте используются разнообразные метафорические модели, то «анализ метафорической системы текста не позволяет выделить доминирующие» [Там же]. Количество моделей в данном случае вообще не ограничено, они могут разнообразными способами сочетаться друг с другом в тексте, сменять друг друга, по очереди выходить на передний план. Семантически такие метафоры должны быть в некоторой степени сопрягаемы, «как правило, удачно сочетаются метафорические модели, принадлежащие к одной исходной субсфере» [Там же: 124].

В структуре политического текста метафора может быть различными способами выделена. А.П. Чудинов выделяет три способа ее акцентирования: «за счет того, что находится в сильной позиции, которая уже сама по себе притягивает внимание адресата; <...> благодаря ее взаимодействию с разнообразными риторическими (стилистическими) фигурами (антитеза, повтор, инверсия, эллипсис и др.); <...> с использованием ресурсов интертекстуальности» [Там же: 125-144]. При этом каждое из средств акцентирования метафоры «используется не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими» [Там же: 145].

В развертывании метафоры в тексте большое значение имеет заголовок газетного материала. Как отмечает А.П. Чудинов, метафора, представленная в заголовке статьи, «раскрывается и развертывается в ее основном тексте» [Там же: 149]. При этом журналистами используются такие приемы, как «эффект обманутого ожидания, эффект усиленного ожидания и эффект оправданного ожидания» [Там же].

Таким образом, метафора связывает отдельные части текста и способствует его восприятию как единого целого. Многие исследования показывают, что метафорические проекции играют важную роль в текстообразовании. Системность метафоры и единство области источника и области цели наделяют ее текстообразующей функцией. В рамках концептуальной метафоры происходит взаимодействие доменов, и текст выстраивается в соответствии с разными моделями проекции.

Выводы

1. Текст является важнейшим объектом исследования в современной лингвистике. Его изучение связано с текстоцентрическим и антропоцентрическим направлениями лингвистики, с ориентацией на процесс порождения речи и на ее результат. Текст многофункционален, он предназначен для передачи и хранения информации, для формирования художественных образов, для коммуникации и воздействия на адресата. Текст обладает этическими смыслами, он психологичен. В тексте чрезвычайно важны не только содержательная сторона и грамматические особенности, но и актуальное членение – способы представления в нем уже известной и новой информации. Именно для передачи последней текст и создается, а инструментами ее репрезентации становятся разнообразные языковые средства, в том числе концептуальные метафоры.

2. Текст исследуется в современной лингвистике с точки зрения разных научных подходов – когнитивного, психологического, прагматического и др. Особенно важен когнитивный подход, при котором рассматривается трансляция посредством текста новых знаний, декодирование в нем концептуального пространства, передача компонентов языковой картины мира. В системе текстов выделяются медиатексты, для которых важно взаимодействие автора и адресата в социальном пространстве, публичность общения, направленность на сочетание информации и воздействия на адресата.

3. К категориальным признакам текста относятся целостность, связность, информативность, членимость, интеграция, последовательность, модальность, интертекстуальность и др. С их помощью текст становится единой последовательностью единиц (предложений, высказываний), связанных между собой по содержанию, по структуре и стилистически, выражающей единую мысль, имеющей прагматическую направленность.

4. Газетный текст представляет собой особую разновидность текста, для которого характерны специфические особенности: создание образа автора,

который коммуницирует с адресатом; наличие языковых особенностей, свойственных художественному стилю – образно-выразительных средств; наличие черт разговорного стиля; яркая оценочность, нередко отрицательная; сочетание литературных и нелитературных стилистических средств; большое значение газетных заголовков и подзаголовков, которые выполняют рекламную функцию. В последнее время сформировались электронные газеты, характеризующиеся по сравнению с традиционными СМИ интертекстуальностью, мультимедийностью, интерактивностью, использованием особых приемов, в том числе языковых, например, иностранных слов и терминов, и другими чертами.

5. Метафора представляет собой интереснейшее языковое явление, которое может быть изучено в различных аспектах – семантическом, прагматическом и когнитивном. С точки зрения семантики метафора понимается как механизм номинации и характеристики предмета, явления, качества, действия. С точки зрения прагматики в метафоре важны передача говорящим смысла и понимание этого переносного значения реципиентом в процессах коммуникации и убеждения.

6. Когнитивный анализ метафоры для настоящего исследования наиболее важен. Он предполагает понимание метафоры как инструмента познания человеком окружающего мира, как когнитивного механизма, с помощью которого соотносятся в восприятии говорящего различные концепты. Метафора является не просто средством образности и выразительности, но и ментальной операцией, позволяющей концептуализировать различные сферы мышления и соотнести их друг с другом.

7. С точки зрения когнитивного подхода рассматриваются концептуальные метафоры, которые имеют моделирующие функции и реализуются в конкретных когнитивных моделях: «жизнь – это дорога», «любовь – это воздух» и др. Концептуальные метафоры являются способами создания языковой картины мира, с их помощью говорящими характеризуются и осмысливаются наиболее сложные понятия и явления.

7. При метафорическом переносе осуществляется проекция одной концептуальной области в другую, своего рода экспансия концептов области источника (source domain), в результате которой происходит захват и освоение ими новой области – области цели (target domain). Она дает возможность носителю языка понять чрезвычайно сложные ситуации, феномены и абстрактные понятия.

ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМЫ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ТЕКСТА

2.1. Пространственная метафора и тема-рематическая структура как средства образования текста

Современные специалисты видят сущность актуального членения прежде всего в разграничении двух главных частей содержащегося в предложении высказывания: темы и ремы. Темой называют исходное в сообщении. Она выражает то, о чем сообщается. Ремой именуют самое существенное в нем; то, ради чего высказывание состоялось. Сочетание тем и рем определяют тема-рематическую структуру предложения и текста. От того, каким образом представлена в предложении тема (и представлена ли вообще), от того, как взаимодействует с нею рема, зависит коммуникативная эффективность каждого предложения и целого текста. Категории актуального членения (тема и рема) – «одни из главных организаторов связности текста, движения мысли от предложения к предложению» [Золотова 1979: 118].

Вслед за Дж. Лакоффом образ-схемы понимаются нами как динамические аналоговые репрезентации пространственных отношений и различных передвижений в пространстве [Lakoff 1990: 113]. Формирование образ-схем связано с процессами понимания и рассуждения человека. Образ-схемы повторяют отраженные в восприятии личности и постоянно наблюдаемые ею движения и модели поведения (построения чего-либо). Традиционно выделяют такие образ-схемы, как «цепь», «контейнер», «путь», «центр/периферия», «вместилище», «направление», «цикл», «притяжение» и др. Как отмечает А.С. Самигуллина, «любой носитель языка регулярно пользуется двумя дюжинами разнообразных образов-схем и их смысловых трансформаций» [Самигуллина 2008: 101]. Образ-схемы призваны выполнять объяснительную функцию, то есть связывать наблюдаемое человеком новое с тем, что уже

знакомо ему, освоено им и входит в сферу опыта. Сама идея основана на стремлении носителя языка познавать в общепринятых, знакомых категориях.

Чаще всего метафорические выражения (то есть область цели метафоры) оказываются в позиции ремы. В связи с этим К.С. Филатов ставит вопрос: «Какие семантико-синтаксические свойства метафоры формируют ее текстообразующий потенциал?» и отвечает на него: «Принципиальным в этом смысле является достаточно распространенная и устойчивая связь метафоры с позицией предиката в предложении» [Филатов 2015: 41]. Действительно, цель метафоры – подать новую информацию (что сочетается с такой категорией текста, как информативность), причем подать ее так, чтобы она стала понятной говорящему, ясной, доступной. Поэтому положение метафоры в рематической части высказывания абсолютно логично.

Л.Г. Бабенко выделяет пять типов тема-рематических структур (они названы выше, см. п. 1.1.1). В ходе проведенного нами анализа выяснилось, что в газетном тексте реализуются не все эти структуры и большинство текстов представлены несколькими основными типами, которые могут быть соотнесены с пространственными образными схемами.

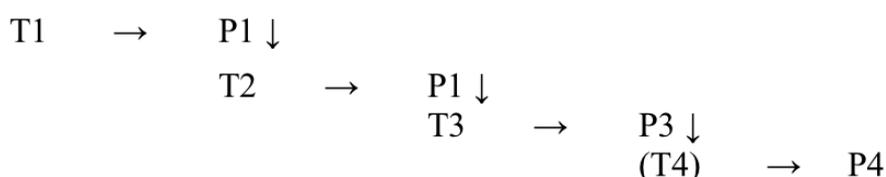
Нами выделено четыре модели текстов, построенных по различным образ-схемам.

1. Организация текстов по образ-схеме «цепь». Особенностью подобной тема-рематической структуры является то, что «в продвижении содержания рема предыдущего высказывания становится темой последующего высказывания» [Бабенко 2004: 310], поэтому структура таких текстов напоминает цепь с тесно связанными звеньями. Например:

Президент США Дональд Трамп не станет «раскрывать карты» по вопросу развития отношений с Россией, передает Reuters. Об этом на брифинге заявил официальный представитель Белого дома Шон Спайсер. «Президент держит свои карты при себе, это придает наибольшую эффективность его стратегии переговоров», – сказал он. Ранее сообщалось,

что Трамп пытается сменить политический курс за счет изменения лексикона (11.03.2017).

В этом тексте T1 – Президент США Дональд Трамп, P1 – не станет «раскрывать карты» по вопросу развития отношений с Россией. T2 – об этом (=P1), P2 – заявил официальный представитель Белого дома Шон Спайсер. T3 – он сказал (=P2), P3 – Президент держит свои карты при себе, это придает наибольшую эффективность его стратегии переговоров. T4 – нулевая, P4 – Трамп пытается сменить политический курс за счет изменения лексикона. Метафорические выражения в этом тексте находятся на позициях P1 и P3, которые играют важную роль в связности текста.

Как видим, в приведенном тексте представлена концептуальная метафора с семантикой игры – «политика – это игра», реализованная вербально посредством сочетаний не раскрывать карты, держать свои карты при себе. На наш взгляд, данная метафора не только привлекает внимание читателя, но и выражает отрицательную оценку описываемого автором текста события (такая оценка имеет своим источником в основном отрицательное отношение к карточным играм, закрепленное в ментальном коде говорящего и адресата), что соотносится с текстовой категорией модальности. Как подчеркивает А.П. Чудинов, при метафорическом моделировании «обычно сохраняется и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу читателя в процессе коммуникативной деятельности» [Чудинов 2003: 50]. Представление о карточной игре в языковом сознании носителя языка неоднозначно. С одной стороны, присутствует восприятие игры как заманчивого, привлекательного действия, которое доступно аристократам и богачам и является символом свободной, материально независимой жизни. С

другой – данный положительный момент восприятия нивелируется за счет понимания опасности игры, представлений об игромании как зависимости и культурного фонда знаний об играх, окончившихся негативно, финансовым и личностным крахом игрока. По мнению Н.Г. Мещановой, основной оценочный компонент в метафорах с семантикой игры – негативный: «нечестность, обман», «сокрытие истинных намерений» [Мещанова 2012: 6]. Отнесение области источника «игра» к области цели «политика» служит, таким образом, негативной оценке политики вообще и деятельности отдельных политиков в частности.

Несмотря на наличие в «цепи» четырех элементов, текст с точки зрения категории членимости не воспринимается как структурно однообразный. Это связано как с вариативностью построения входящих в него предложений и с нулевым характером одного из звеньев, так и (в первую очередь) с концептуальной метафорой, ставшей центром данного текста, определившей его развертывание и восприятие читателем.

В рассмотренном выше тексте при его тема-рематическом развертывании используется вторая схема, которую рассмотрим далее.

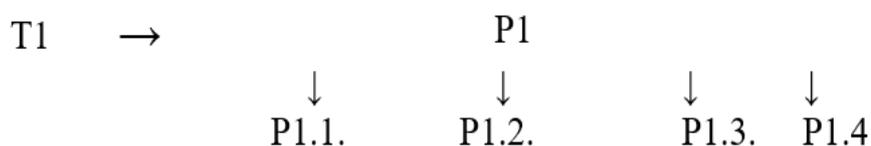
2. Организация текстов по образ-схеме «контейнер». Подобные тексты часто встречаются, если автору необходимо подробно описать и объяснить содержание какого-либо законопроекта, конференции, программы и т. д. Данная тема-рематическая структура образуется посредством одной темы и одной ремы, в которую далее «вкладываются» несколько различных рем. Идея «контейнера» как образ-схемы связана с восприятием говорящим своего сознания как «контейнера», который может быть заполнен разными вещами и таким образом достигает состояния целостности.

Например:

...Когда президент [Порошенко – В.Ц.] становится непопулярным, а выборы приближаются – начинается разброд и шатание: уже где-то и судьи не все указания исполняют, думают, ориентироваться на действующего президента или на других лошадок, и силовики думают, стоит ли им лезть на

рожон, и в ЦИК могут тоже найтись свои герои, которые решат поставить на кого-то другого (26.03.2018).

В данном отрывке Т1 – когда президент непопулярен, а выборы приближаются, Р1 – начинается разброд и шатание; и далее Р1 конкретизируется «вложенными» ремами: Р1.1 – не все указания исполняют; Р1.2 – думают, ориентироваться на действующего президента или на других лошадок; Р1.3 – думают, стоит ли лезть на рожон; Р1.4 – в ЦИК решат поставить на кого-то другого, в которой актуализируется метафора азартной игры (скачек) и связанного с ней риска.

Метафора здесь является развернутой, она продолжает рассуждение, начатое выше: «...Им ориентироваться на действующего президента или на других лошадок, у которых есть шансы пройти?». Показательно, что рема, передающая метафорический смысл, стоит на последней, завершающей позиции в ряду различных рем, «вложенных» в «контейнер» Р1. Таким образом формируется кольцевое построение метафоры, начальным элементом которой является процитированная выше фраза, а конечным – Р1.4. У метафорического высказывания появляется завершенность, и с его помощью журналист более убедительно доносит до читателей мысль о ненадежности президента Порошенко. Актуализируется такой смысл данной игровой метафоры, как «рискованность, опасность предпринимаемых действий» [Мещанова 2012: 6].

В организации образ-схемы «контейнер» важную роль играет перечислительный характер при введении в текст элементов Р1.1 – Р1.4. Перечисление придает высказыванию убедительность и создает ощущение того, что аргументов множество и их перечень может быть продолжен в любой момент, при необходимости. Метафорический же характер данных аргументов устраняет возможность однообразия структуры (что важно с точки зрения

категории членимости) и содержания (что важно с точки зрения категории информативности) текста.

3. Организация текстов по «параллельной» образ-схеме. В этой структуре тема-рематические комплексы, разворачиваясь параллельно в схожих синтаксических конструкциях, как бы не зависят друг от друга внешне, они словно привязаны к контексту. Например:

Последние два года высылка дипломатов превратилась в активный инструмент международной политической игры. Ранее сотрудники посольств – традиционное и главное связующее звено между властями мировых держав даже в условиях самой напряженной международной конъюнктуры – крайне редко становились жертвами резких решений (07.04.2018).

В данном тексте T1 – высылка дипломатов, P1 – инструмент международной политической игры; T2 – сотрудники посольств, P2 – редко становились жертвами резких решений.

T1 → P1

T2 → P2

Отметим, что в настоящем фрагменте текста одновременно реализуются несколько параллельных концептуальных метафор: овеществляющая метафора (*инструмент, связующее звено*), метафора игры, криминальная метафора (*становились жертвами*), объединенные единым семантическим ядром ‘произвольное негативное воздействие’. Такая сложная, многосоставная метафорическая структура, отражая один из вариантов членимости текста, предназначена для того, чтобы выражать негативную оценку описываемых событий автором и транслировать эту оценку адресатам текста.

И.А. Серегина и А.П. Чудинов отмечают: «...В период политических кризисов максимально активизируются метафорические модели со значительным агрессивным потенциалом, которые последовательно порождают милитарные, криминальные и зооморфные образы» [Серегина 2014: 252-253]. Если в пределах одного текста сконцентрировано несколько подобных образов,

например, игровой и криминальный, как в тексте, рассмотренном выше, то агрессивный характер модели умножается.

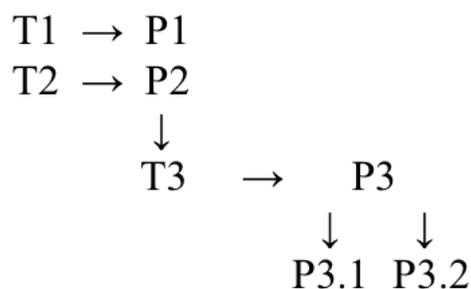
В приведенном примере показательно, что одна из метафор (*сотрудники посольств – связующее звено*) находится не в позиции ремы, что наблюдается чаще всего, а в позиции темы, что нарушает обычный порядок расположения метафоры в тексте. Такое расположение не случайно. В восприятии адресата речи тема – это известная и проверенная информация, не вызывающая сомнений, поэтому к такой метафорической модели у читателя будет особенное, доверительное отношение. Если содержание информации, представленной в реме, читатель осмысливает и оценивает, то, информация, содержащаяся в теме, – не вызывает у него сомнений, принимается как данность. То есть роль сотрудников посольств как связующего звена между властными структурами разных стран подается как устоявшаяся. Таким образом, данная метафора способствует реализации такой категории текста, как информативность.

4. Организация текстов по «комплексной» образ-схеме. В тексте могут реализовываться несколько образ-схем (тема-рематические структуры текста с обобщенной темой, расчленяемой благодаря конкретизации исходной темы). Сочетание различных моделей построения текста позволяет говорящему более творчески и вариативно подходить к репрезентации концептуальной метафоры в тексте. Например:

Теперь Евросоюз на своих плечах будут тащить два главных европейских локомотива – Германия и Франция, которые сегодня и без того уже стараются экономить. В пятницу бюджетная тематика станет главной и на встрече лидеров ЕС. Они также будут искать пути сокращения бюджетных расходов, а также трат на поддержку различного рода финансовых проектов в странах Восточной Европы (22.02.2018).

Данный текст построен по образ-схеме «параллельной» + «цепь». Т1 – Евросоюз, Р1 – на своих плечах будут тащить два главных европейских локомотива – Германия и Франция, Т2 – бюджетная тематика, и Р2 – станет

главной и на встрече лидеров ЕС. Далее P2 становится T3 – они (лидеры ЕС), P3.1 – будут искать пути сокращения бюджетных расходов. P3.2 – трат на поддержку различного рода финансовых проектов в странах Восточной Европы.

Метафоры в данной схеме представлены в компонентах текста P1 и P3.1, то есть по сути в тексте присутствует кольцевая метафорическая структура. Первая метафора является овеществляющей и конкретизирующей, с ее помощью такие сложные и отвлеченные действия, как работа Германии и Франции по развитию, в том числе финансовому, Евросоюза, предстают перед читателем в виде сильного и конкретного образа – локомотива, который *тащит* (значит с трудом передвигает) тяжелый железнодорожный состав.

Исследователи выделяют железнодорожную метафору в особый тип метафоры, относят ее к «субтекстовым элементам, помогающим актуализировать имплицитное содержание повествования» [Молодцова 2018: 129]. Действительно, поезд и конкретно локомотив – очень сильный образ, который, с момента вхождения железной дороги в жизнь россиян, стал проявляться в русской литературе и культуре.

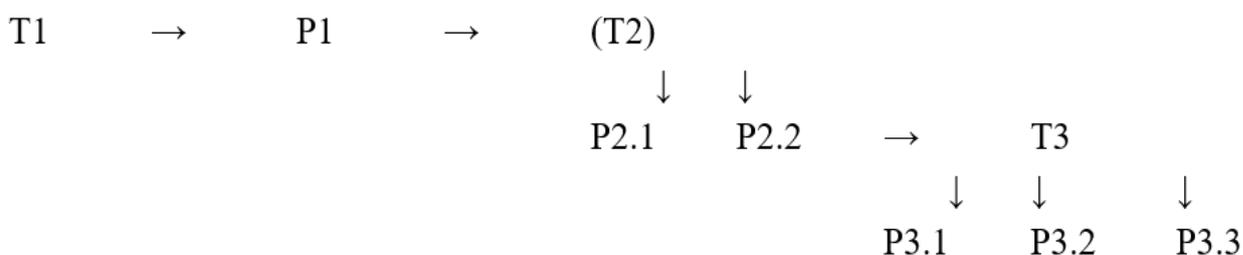
Кстати, образ локомотива применительно к наиболее экономически и промышленно развитым странам Западной Европы в анализируемом источнике СМИ встречается нередко. Например: «*Объемы потребления газа в Европе растут, особенно в тех странах, которые играют роль локомотивов европейской экономики*» (19.11.2018). При конкретизации чаще всего локомотивом называют именно Германию: «*...Уход Меркель вряд ли повлияет на положение Германии в ЕС, поскольку страна выполняет роль экономического локомотива Евросоюза*» (31.10.2018). Таким образом, можно

говорить о формировании устойчивого образа на основе концептуальной железнодорожной метафоры – образа «страна – экономический локомотив», в котором «источник» – железнодорожный образ – соотносится с «целью» – наиболее экономически развитой западноевропейской страной (странами).

Еще один пример «комплексной» образ-схемы:

*Самым важным событием в послании президента Федеральному собранию стало **приоткрытие завесы тайны** вокруг «идеального» российского оружия. Открытым текстом – ответ тем, кто в последние 15 лет «старается раздуть гонку вооружений», – Россия ее фактически **выигрывает**, а пока нас будут догонять – придумаем что-нибудь новенькое (01.03.2018).*

Данный текст строится по образ-схемам «контейнер» + «цепь». Т1 – самым важным событием в послании, Р1 – стало приоткрытие завесы тайны; после чего следует часть высказывания с нулевой темой (Т2) (это было сказано), Р2.1 – открытым текстом; Р2.2 – ответ тем, кто раздувает гонку вооружений; Т3 – ее (гонку вооружений), Р3.1 – Россия выигрывает, Р3.2 – нас будут догонять, Р3.3 – придумаем новое.

При этом в первой части текста (Т1 – Р1 – (Т2) – Р2) реализуется концептуальная метафора открытия, а во второй – (Т3 – Р3.1, Р3.2, Р3.3) – метафора соревнования, движения и победы. То есть метафорическая модель снова сложная, концентрическая с точки зрения структуры (компонента категории членности текста) и содержания (компонента категории информативности).

Концептуальная модель данной метафоры: *жизнь – соревнование*. При этом под понятием *жизнь* подразумевается *политика* (то есть на самом деле:

политика – соревнование), но концептуальная модель способствует восприятию читателем метафоры соревнования и победы именно применительно к жизни, в том числе к его собственной, что важно для читателя.

Одним из элементов метафоры соревнования является устойчивое выражение *гонка вооружений*, образовавшееся в советский период для обозначения наращивания военной мощи двумя участниками политического противостояния. В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой данный фразеологизм поясняется следующим образом: ‘усиленная подготовка к войне (в империалистических странах)’ [Словарь русского языка 1985: 330]. В данном объяснении отражены негативная коннотация этого процесса и отнесение его в первую очередь к империалистическим странам, а не к России. Негативная коннотация присутствует в тексте также посредством использования выражения в скобках и в сочетании с глагольной метафорой «раздувать гонку вооружений».

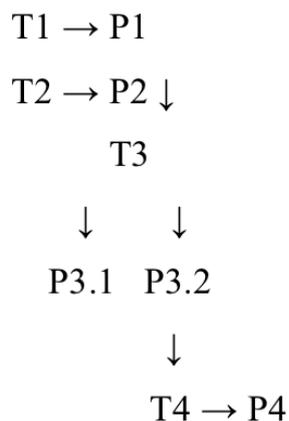
Несомненно, именно комплексные модели образ-схем наиболее оригинальны, поскольку их многообразие неисчислимо и возможны различные варианты комбинирования отдельных образ-схем в пределах комплексной модели. Рассмотрим еще один пример из статьи Д. Драгунского «Личные границы на замке» (18.10.2019):

Тут я спокойно говорю: «Простите, я вам перезвоню вечером, хорошо?» – «Хорошо». Ну что, отвалилась у меня голова? Язык отсох? Затрещали и погнулись мои «личные границы»?

И вообще, дорогие ревнителю «личных границ»! Из каких соплей и спичек они у вас сделаны, что их может снести простой звонок по мобильнику?

Если же они у вас и на самом деле такие хлипкие, то это серьезный повод обратиться к специалистам.

В данном тексте комбинируются образ-схемы параллельная, «цепь», «контейнер». Вначале мы видим параллельное построение, затем соединение по модели «цепь», затем – «контейнер», а затем – снова «цепь»:

T1 – «я спокойно говорю», P1 – собственно реплика с ответом на нее: «Простите, я вам перезвоню вечером, хорошо?» – «Хорошо». Следующая параллельно построенная часть текста уже включает в части ремы (P2) метафорическое выражение «личные границы». Затем эта рема превращается в тему T3 («они») с двумя новыми ремами P3.1 и P3.2, соответственно: «Из каких соплей и спичек **они** у вас сделаны» и «хлипкие». Последняя рема по модели цепи превращается в тему T4 «Если же **они** у вас и на самом деле такие хлипкие» с ремой P4: «...то это серьезный повод обратиться к специалистам».

Как видим, метафора представлена в компоненте P2, а затем еще в нескольких компонентах модели: T3, T4, что способствует ее развертыванию в тексте и увеличивает убедительность точки зрения, высказываемой писателем в статье. Это метафора пространственного типа: «личное пространство – границы», с помощью которой автор стремится доказать читателю, что человеку не стоит замыкаться в своем личном пространстве и бояться, что его сможет нарушить что угодно, даже какие-то мелочи.

Некоторые образ-схемы встречаются более редко, чем другие. Как показывает наш анализ, чаще всего наблюдаются образ-схемы «цепь», «параллельная», «контейнер». Однако в общей структуре комплексной модели могут наблюдаться и другие образ-схемы, которые, в силу редкости использования, являются очень эффективными.

Рассмотрим текст статьи «Остров стабильности и привлекательности Путина» О. Танас (21.06.2012). В ней развертывается географическая концептуальная метафора «Россия – остров стабильности», тема-рематическая

модель комплексная, а в основе комбинируемых образ-схем – схема «притяжение». Приведем основные части статьи – подзаголовок и один из ключевых абзацев:

*Владимир Путин на Петербургском форуме назвал меры, которые помогут России подняться со 120-го на 20-е место в рейтинге привлекательности для инвесторов: это омбудсмен по правам бизнеса, ревизия антимонопольного законодательства и честная приватизация. А по сравнению с развитыми странами **Россия – просто остров стабильности**, объяснил президент. <...>*

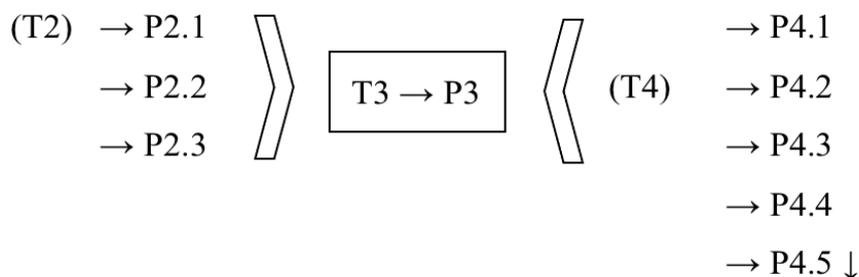
*На фоне кризиса в еврозоне **Россия выглядит островом стабильности**: за четыре года инфляция сократилась более чем вдвое – до 6,1% в прошлом году, а на начало июня – менее 4% в годовом выражении, госдолг составляет 9,2%, что ниже из всех стран «большой двадцатки», бюджет бездефицитный, экономика в прошлом году выросла на 4,3%, безработица в мае снизилась до 5,4%, перечислял Путин.*

Мы видим здесь концентрическое построение текста вокруг образа «Россия – остров стабильности», находящегося в центре и выступающего как элемент «притяжения».

Следует отметить, что при анализе метафоры в материале ставится значок <...>, символизирующий пропуск текста объемом от одного предложения до несколько абзацев, которые не имеют прямого отношения к нашему анализу.

Построим тема-рематическую модель:

T1 → P1 ↓

T5 (= T1)

Первой темой Т1 выступает фраза *«Владимир Путин на Петербургском форуме назвал»*, ей соответствует рема Р1 *«меры, которые помогут России подняться со 120-го на 20-е место в рейтинге привлекательности для инвесторов»*. Далее используется переход в виде «цепи» с нулевой темой, равной Р1 (*меры*), к следующему звену модели – контейнеру с тремя наименованиями данных мер: Р2.1 – *«омбудсмен по правам бизнеса»*, Р2.2 – *«ревизия антимонопольного законодательства»*, Р2.3 – *«честная приватизация»*. Из этой мысли делается вывод: *«Россия – просто остров стабильности»*, который является центром притяжения модели и представлен на ней как Т3 → Р3.

Данная образ схема повторяется в следующем абзаце одновременно как Т3 → Р3 и как Т4: *«На фоне кризиса в еврозоне Россия выглядит островом стабильности»*. Центральное положение этой мысли подтверждают еще 5 тезисов, расположенных по модели «контейнер»: Р4.1 – *«за четыре года инфляция сократилась более чем вдвое»*, Р4.2 – *«госдолг составляет 9,2%»*, Р4.3 – *«бюджет бездефицитный»*, Р4.4 – *«экономика в прошлом году выросла на 4,3%»*, Р4.5 *«безработица в мае снизилась до 5,4%»*. Показательно, что конечный элемент этой стройной, продуманной и логичной схемы придает кольцевую композицию. Это Т5 *«перечислял Путин»*, которое соответствует Т1 *«Владимир Путин на Петербургском форуме назвал»*.

Перед нами весьма необычная и оригинальная тема-рематическая модель комплексного типа, в основе которой лежит образ-схема «притяжение», включающая концептуальную метафору.

Убедительность текста, большие возможности концептуальной метафоры по его организации связаны именно с комплексной моделью, которую использует автор, комбинируя различные образ-схемы и добиваясь оригинального варианта развертывания концептуальной метафоры. В пределах комплексных моделей образ-схем способы текстуального развертывания метафоры никогда не будут повторяться. Это способствует тесной связи текстуальных категорий информативности и связности, а также актуализирует

категорию модальности, с помощью которой выражается отношение автора к описываемой им ситуации.

С помощью образ-схем, в структуру которых, отражая категорию членимости текста, входят концептуальные метафоры, говорящий переводит абстрактные понятия в сферу конкретного и доступного для восприятия. Однако образ-схемы не являются примитивными объяснительными моделями, и многообразие их типов, включающих метафорические элементы, это доказывает. Образ-схемы упорядочивают данные опыта говорящего и мотивируют схему его рассуждений.

Итак, мы убедились в том, что текстообразующая функция метафоры проявляется посредством актуального членения в различных образ-схемах (модель цепи, модель контейнера, параллельная и комплексная модели), которые вариативны и позволяют автору усилить выразительную силу метафор и реализовать свои интенции.

2.2. Метафорические проекции как текстообразующее средство

Метафорическое моделирование – выстраивание метафоры в когнитивном, концептуальном пространстве личности, метафорическая проекция – важны как для говорящего, так и для адресата речи. Это взаимно направленный процесс. Говорящий стремится с помощью метафоры передать важное для него концептуальное содержание, а слушатель/читатель воспринимает данное содержание, трактует, дешифрует его, познавая одновременно коннотации и ценностные смыслы, которые транслирует говорящий посредством метафоры.

В процессе метафоризации, согласно теории концептуальной метафоры, взаимодействуют две сферы – «источник» и «цель (мишень)». По характеристике основоположников теории концептуальной метафоры, «метафорическая модель интерпретируется как пара сущностей – соответствие между элементами источника и элементами цели» [Лакофф 2004: 12]. При этом

«происходит частичное структурирование цели по образцу источника – метафорическая проекция» [Лавренова 2013: 127]. Область цели становится в итоге более понятной, для чего, собственно, и конструируется концептуальная метафора.

С помощью различных моделей метафорических проекций передаются оценки, а «метафорическая оценка обладает значительным потенциалом воздействия» [Агафонова 2012: 6], поэтому в тексте СМИ можно наблюдать разнообразие метафорических моделей. Понимание их структуры, разворачиваемой в рамках категории членимости текста, и текстообразующей роли позволит более глубоко проникнуть в когнитивные процессы, влияющие на формирование пространства текста.

Проведем систематизацию моделей метафорической проекции как средства текстообразования в анализируемом интернет-издании. Можно выделить несколько моделей.

1. Модель экспансии метафорических проекций.

Структура текста, где выстраивается модель экспансии, обычно такова: утверждение области цели – утверждение области источника – импликация области источника. В начале подобных текстов назван фрагмент области цели как главное содержание этого текста. Потом появляется область источника, отображающая абстрактное понятие области цели, передаваемое с помощью более конкретного и знакомого понятия. После утверждения области источника ее импликации распространяются радиально в целом тексте. Таким образом, фрагменты текста оказываются тесно взаимосвязаны. В целом такую модель развертывания концептуальной метафоры можно назвать наиболее традиционной.

Рассмотрим текст Г. Бовта о современной информационной картине мира «Торговля вниманием, или как накормить тараканов», организованный по данной модели проекции. Уже из заголовка материала понятно, что здесь реализована структурная, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, метафора «голова –

это вместилище», в котором находятся тараканы (у каждого свои). Приведем фрагмент статьи:

*Задачей современных СМИ и их эрзацев (тех же соцсетей) становится не информирование, тем более не объективное информирование, а «кормление тараканов» в головах представителей разных сегментов аудитории. Вы верите во всемирный заговор (неважно, кого именно и против кого) – вот вам «постправда» и «постфакты», которые комфортно лягут на вашу паранойю. <...> Это можно рассматривать как форму манипуляции в том числе. К примеру, уже обсужденные сто раз «солберецкие туристы» Петров и Боширов дали **пищу для размышлений, вернее жвачку**, для самых разных категорий слушателей/зрителей (24.09.2018).*

В этом отрывке с помощью метафоры формально представлена только область цели – голова современного человека, потребителя информации, но с помощью импликаций «*“кормление тараканов” в головах*», «*“постправда” и “постфакты”*», *которые комфортно лягут на вашу паранойю*» и «*пища для размышлений, вернее жвачка*» мы можем установить область источника – «вместилище».

Метафорическая проекция выражает отрицательную оценку автором текста содержания современных СМИ, которая усиливается с помощью употребления еще одной концептуальной метафоры «общество – стадо» (*жвачку*, о которой говорится в тексте, жуют коровы) по отношению к массовому зрителю/слушателю. Благодаря импликациям на протяжении всей статьи сохраняется авторская оценка описываемых событий, тем самым обеспечивается связность и цельность текста.

Модель экспансии данного текста представлена на рисунках 2.1а и 2.1б.

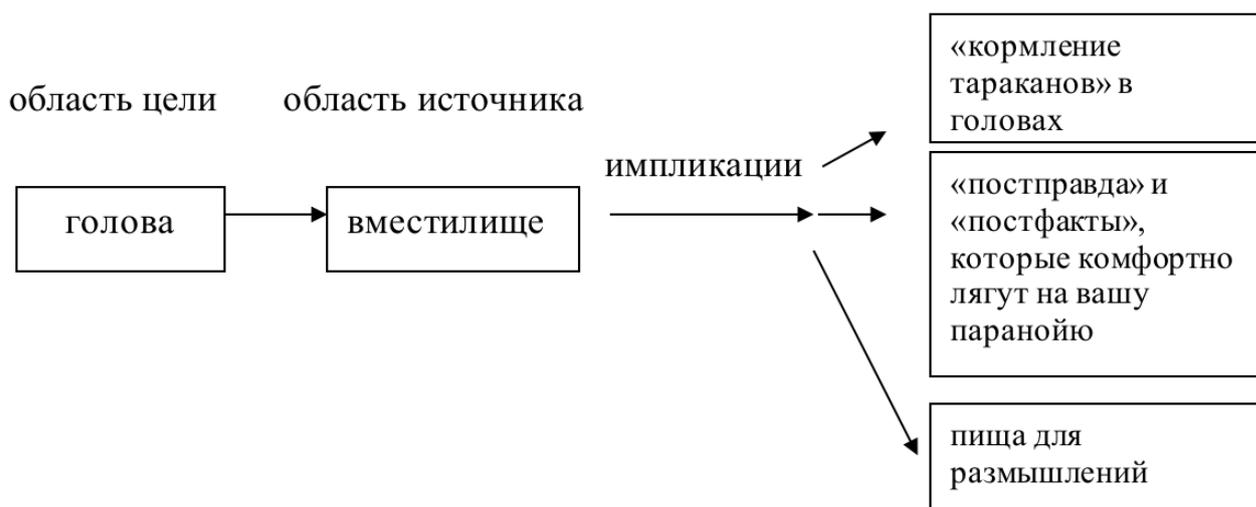

Рисунок 2.1а – Структура экспансии метафорической проекции

Рисунок 2.1б – Структура экспансии метафорической проекции

Таким образом, структура экспансии метафорической проекции не только организует текст, обеспечивая реализацию в нем категории членимости, но и определяет выполнение метафорой оценочной функции. Автор текста представляет головы (сознание) наших современников как вместилища, в которые вкладываются те или иные факты, не имеющие реального значения и отвлекающие от действительно важных событий. СМИ в этой ситуации представляются как система, поддерживающая обозначенный процесс всеми доступными ей средствами. В данном примере проекция взаимодействует с другой концептуальной метафорой: «общество – это стадо» как с второстепенной, относящейся к сфере импликации первой (основной)

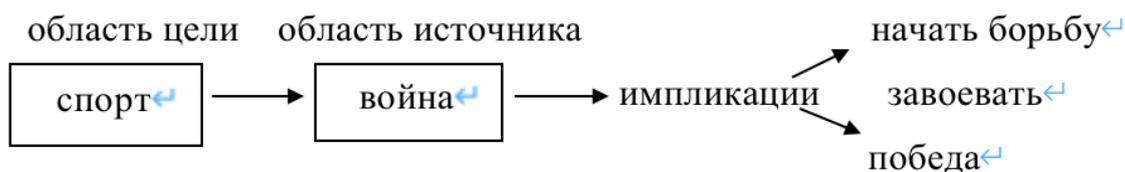
метафоры. Взаимодействие двух концептуальных метафор также значимо и «работает» на усиление оценочного плана текста.

Подобная модель проекции экспансии часто реализуется в текстах современных СМИ. Она одновременно проста с точки зрения модели развертывания и эффективна по воздействию на читателя. Рассмотрим еще один пример – из статьи «**Битва** за Олимпиаду: важнейший старт в карьере Авериных» (16.09.2019):

*Гениальные сестры Дина и Арина Аверины **начинают борьбу** на важнейшем турнире сезона – чемпионате мира по художественной гимнастике, где им предстоит **завоевать** квоты для участия в Олимпийских играх 2020 года в Токио. <...>*

*Сестра-близнец Дины – Арина – отличается более мягким характером и пока **завоевала** «лишь» три золота мировых первенств, без **побед** в многоборье.*

В начале этого текста названа область цели – «Олимпиада», шире – «спорт», одновременно появляется область источника – «битва», то есть «война». После утверждения области источника появляются импликации области источника – «начинают борьбу» и «завоевать» (повторяется неоднократно), «победа» и др., снова расположенные в тексте радиально. Структура данной метафорической модели представлена на рисунке 2.2.

Рисунок

2.2 – Структура экспансии метафорической проекции

Метафора в заголовке статьи актуализируется «военный» смысл стертых метафор путем включения в заголовок слова «битва», которое, во-первых, имеет стилистическую окраску и создает повышенный эмоциональный настрой, во-вторых, имеет в значении компонент интенсивность (битва – это крупное, решающее сражение), а также настраивает на восприятие экспансивного

развития информации в дальнейшем тексте статьи (что сочетается с информативностью как категорией текста) и на появление значительного количества импликаций.

Существует еще одна модель проекции экспансии, структура которой: «утверждение области источника – тщательное описание области цели». Приведем фрагмент из материала «Война или газ: о чем договорились США и Европа», посвященного переговорам о торговых пошлинах между президентом США Д. Трампом и главой Еврокомиссии Ж.-К. Юнкером.

Судя по всему, к охлаждению между Старым и Новым Светом бизнес готовился еще в прошлом году: по данным Eurostat, объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ЕС сократился в прошлом году почти в десять раз до €39 млрд. Годом ранее приток составил €370 млрд. И почти все это сокращение пришлось на американских инвесторов. «Предварительные оценки показывают, что американские фирмы вывели почти €274 млрд чистого капитала ПИИ с рынка ЕС», – отмечает статистическая служба Евросоюза. В свою очередь европейские инвесторы забрали из Америки €67 млрд. (26.07.2018).

Здесь реализована метафорическая модель «отношения стран – это климат» (предполагающая коннотации: «хорошие отношения – тепло, плохие отношения – холодно»). В тексте нарушена привычная последовательность компонентов концептуальной метафоры: «цель» – «источник», а значит получает оригинальное представление категория последовательности текста. Вначале нам представлена область источника – охлаждение между Старым и Новым Светом (климатическая ассоциация, с помощью которой явление должно быть лучше понято), затем с высокой степенью конкретизации описывается область цели (само явление). Задача такой инверсионной структуры – привлечь интерес читателей к сути процесса, сразу подсказать им способ постижения ситуации, о которой идет речь, задать модель метафорического осмысления. Структура рассмотренной модели представлена на рисунке 2.3.

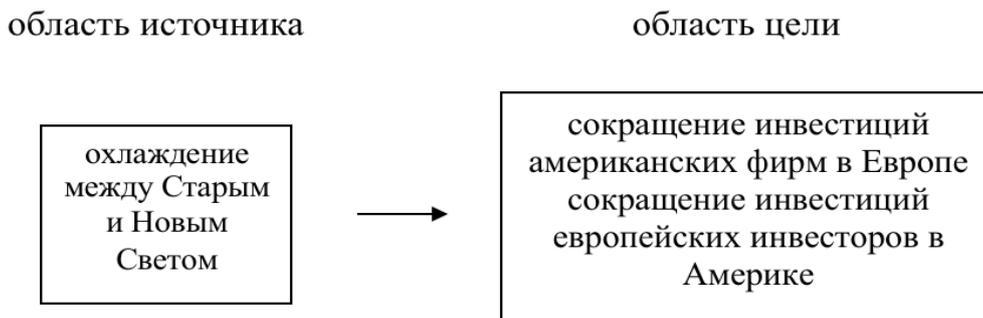

Рисунок 2.3 – Структура экспансии метафорической проекции

Рассмотрим еще один подобный пример:

*Экономика в 1990-е годы как бы **меняла кожу**. По моему мнению, этот период был очень растянут. Если бы он был короче, как в странах Восточной Европы, то, может быть, кризис имел бы менее драматические последствия. Я считаю, что главная проблема была в том, что принять достаточно радикальные, но краткосрочные меры было невозможно политически. Второе обстоятельство – полный слом существовавшей 70 лет тотально государственной, центрально планируемой экономики... (17.08.2018).*

Это высказывание А. Дынкина, который был в 1998 году советником председателя правительства России, об экономике страны в преддверии дефолта. В данном тексте реализуется концептуальная метафора зооморфного типа «Экономика – это живой организм». Персонафикация *экономика меняет кожу* трактуется как признак оздоровления организма. То есть реформирование экономики в результате данной концептуальной метафоры предлагается принимать как естественный процесс, подобно тому, как естественно и даже необходимо для змеи своевременно поменять кожу. Образы животного мира – сильный когнитивный инструмент, способствующий успешному метафорическому проецированию и транслированию оценки. Зооморфная метафора в политическом дискурсе нередко выступает как средство манипулятивного воздействия на сознание граждан [Посохова 2008: 88]. Кроме того, инверсионное расположение компонентов структуры концептуальной

метафоры, выступая как элемент категории членимости текста, служит дополнительным аргументативным средством. Проекция, характерная для рассмотренного примера, представлена на рисунке 2.4.

Рисунок 2.4 – Структура экспансии метафорической проекции

Итак, модель проекции экспансии можно разделить на два вида с точки зрения расположения компонентов метафорической структуры:

- а) область цели – область источника – импликации области источника;
- б) утверждение области источника – тщательное описание области цели.

2. Модель сокращения метафорических проекций.

В отличие от модели проекции экспансии, область источника в текстах, структурируемых с помощью проекции сокращения, не реализована на протяжении всего текста, а наоборот, наименование области источника появляется в конце текста и кратко обобщает то, о чем в нем рассказано. То есть структура проекции сокращения такова: «описание области цели – обобщение области источника». Например, в материале «Плохой, хороший, злой: как Илон Маск портит свой имидж» (18.07.2018) перечисляются случаи некорректного, вызывающего и порой оскорбительного поведения выдающегося инженера и предпринимателя в социальной сети Твиттер.

Бизнесмен Илон Маск известен своими безупречными PR-кампаниями, которые привлекают внимание и интерес миллионов людей по всему миру. Тем не менее, в своем твиттере миллиардер ведет себя раскованно и даже похамски, оскорбляя всех тех, кто осмеливается критиковать инженера.

«Газета.Ру» собрала несколько скандалов, после которых Маску бы стоило удалиться из социальных сетей. <...>

*Приведенные выше примеры могли бы сильно дискредитировать любого человека, но только не Илона Маска, чей кредит доверия пока слишком высок. Тем не менее, бизнесмену не стоит забывать, что с большой властью приходит большая ответственность, а все его твиты читают два десятка миллионов человек. Пока они верят Маску и прощают его эскапады, но нельзя не заметить, что порой миллиардер **ходит буквально по краю** (18.07.2018).*

Большая часть этого текста – это описание негативных примеров поведения Илона Маска и его собеседников, и только в последнем предложении обнаруживается метафора *ходить по краю* в значении – ‘сильно рисковать’, в данном случае – своей репутацией, имиджем. Данная метафорическая модель структурно представлена на рисунке 2.5.

Подытоживающая длинное описание негативных поступков И. Маска, метафора относится к модели «жизнь – опасность», причем автор публикации стремится подчеркнуть, что герой не только не хочет избежать обязательных жизненных трудностей, как это обычно делают в соответствии с их стремлением к безопасности, но и создает новые.

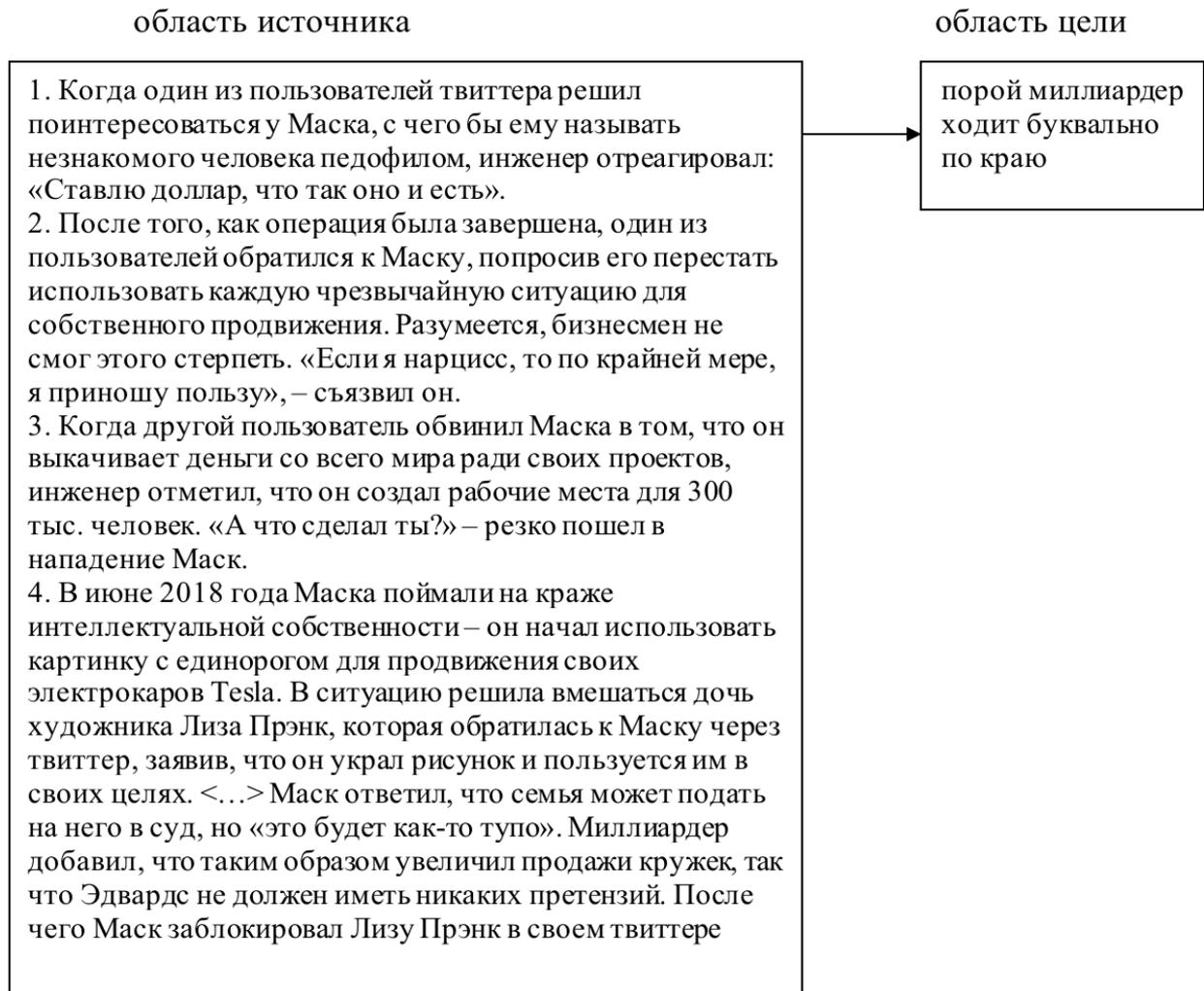

Рисунок 2.5 – Структура сокращения метафорической проекции

Значительная часть концептуальных метафор направлена на то, чтобы дать характеристику «цели» *жизнь* – наиболее сложному для ментальной сферы личности понятию. В данной модели мы видим стремление говорящего кратко и емко обобщить то, что происходит в жизни человека, с помощью метафорического осмысления. Концепт «жизнь» не может быть охарактеризован однозначно, в каждом случае для его осмысления привлекаются те метафоры, которые логичны именно для данного случая: «жизнь – путешествие (путь, дорога)», «жизнь – борьба», «жизнь – игра», «жизнь – строительство», «жизнь – текст», «жизнь – малина» и т. п. [Волкова 2018; Ли 2017]. В рассмотренном примере актуализирована модель «жизнь –

опасность», а структура проекции сокращения способствует расширению компонента «опасность» посредством различных импликаций.

3. Модель чередования метафорических проекций.

В текстах, структурируемых метафорической проекцией, может существовать не только одна область источника, соответствующая одной области цели. Иначе говоря, могут быть использованы две и более области источника для характеристики одной области цели. Структура модели проекции чередования: область цели – область источника¹ – область цели – область источника²; или область источника¹ – область цели – область источника² – область цели. Приведем пример из статьи о социалистических идеях американских политиков:

Сегодня большинство кандидатов-социалистов не скрывают, что свои идеи они противопоставляют идеям президента США Дональда Трампа, в котором видят свою главную мишень. Большинство его реформ направлены как раз на улучшение экономического положения богатых американских семей, считают противники Трампа из левого лагеря.

«Мы верим в революцию, пусть она случится и не сегодня. Но эта революция отнимет политическую власть у богачей, у тех, кто контролирует правительство. Сегодня, когда остальной мир находится в упадке, богатые наслаждаются многомиллиардными состояниями» (28.07.2018).

Область цели здесь представляет собой идеи тех, кто находится в настоящее время у власти. В тексте эксплицирована негативная оценка сложившегося положения с позиции социалистов, критикующих действующую власть. Эта мысль реализована с помощью различных метафорических проекций: в первом предложении – с помощью проекции метафоры «Политика – это война» (мы видим, что Трамп – «главная мишень»), а в последующих – посредством пространственной метафоры верх/низ (богачи контролируют власть, которая находится наверху, а остальной мир – в упадке, внизу). Разнообразие концептов, к которым апеллирует говорящий, и их различное пространственное расположение способствуют более точному

выражению мысли и укрепляет основное положение говорящего, его оценку деятельности политика. По сути, второй концепт, позже включаемый в текст, играет роль дополнительного аргумента.

Данная метафора представлена схематически на рисунке 2.6.

Рисунок 2.6 – Модель чередования метафорических проекций

Модель проекции чередования широко распространена в текстах издания «Газета.Ру» на политические темы. Особенно востребована она при развертывании концептуальной метафоры «политика – это война» в статьях, описывающих отношения России и США. Например, в статье «Телефон против кибервойны: США возвращают «горячую линию» с Москвой» (25.02.2019) область источника (война) названа уже в заголовке в виде лексемы *кибервойна*. У читателей поддерживается представление о разнообразии типов современной войны (ср.: информационная война, гибридная война и др.). Затем в тексте появляется область цели – деятельность американской разведки: *«Американская разведка намерена вернуться к использованию “горячей линии” с Москвой, чтобы оперативно решать вопросы в сфере кибербезопасности»*. Далее область источника и область цели постоянно чередуются: *предотвратить масштабную кибервойну между двумя государствами* (область источника) → *разведанные касательно того, что Кремль намерен вмешаться в исход выборов 2016 года* (область цель) → *Мы были сосредоточены на угрозах реальной инфраструктуре* (область источника) →

Соединенные штаты считают, что Россия вмешалась в избирательный процесс в США в 2016 году (область цели) → Гибридные российские угрозы (область источника) → Целью новой организации станет противодействие «российскому влиянию» во всех его проявлениях (область цели) и т. п. Заканчивается статья возвращением к области источника: *«Поэтому Соединенным Штатам важно искать каких-то внешних врагов, и Россия оказывается удобной мишенью»*, что обеспечивает кольцевую композицию и завершенность в развертывании концептуальной метафоры.

Таким образом, концептуальная метафора способна обеспечивать связность и цельность текста, и это ее свойство проявляется по-разному в разных моделях метафорической проекции – модели экспансии, модели сокращения и модели чередования. Соотношения разного типа между областью источника и областью цели каждый раз оригинально вводят концептуальную метафору в текстовое пространство.

2.3. Взаимосвязи импликаций метафоры при построении текста

При формировании метафорического выражения в сознании языковой личности взаимодействуют два явления, два субъекта – «основной» и «вспомогательный». М. Блэк отмечает: «Механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система “ассоциируемых импликаций”, связанных со вспомогательным субъектом. Эти импликации обычно есть не что иное, как общепринятые ассоциации» [Блэк 1990: 167]. То есть в сознании говорящего и воспринимающего речь актуализируются имевшиеся там ассоциативные планы, которые позволяют более точно представить метафорическое изображение объекта или процесса. В каждом конкретном случае импликации зависят от ситуации, от сознания субъектов, принимающих участие в процессе создания концептуальной метафоры, и от культурно-исторического фона, на котором разворачивается процесс метафорического представления.

Термин «импликации» используется в различных направлениях лингвистических исследований и не имеет однозначного толкования.

Во-первых, импликация представляет собой логическую операцию, направленную на извлечение смысла. В словаре терминов логики «импликация» определяется как «логическая операция, связывающая два высказывания в сложное высказывание с помощью логической связки, которой в обычном языке в значительной мере соответствует “если..., то...”» [Кондаков 1975: 168]. То есть при условии существования некоего А формируется (возникает, вытекает из него) некое В. Возникновение импликации в логическом смысле трактуется как естественное и обязательное для завершения логической операции и восприятия смысла.

Во-вторых, импликация осмысливается в комплексе логики и семантики. По мнению М.В. Никитина, разрабатывавшего лингвистическую семантику и стремившегося осмыслить логическую суть метафоры, метонимии, символизации и других явлений через процесс импликации в том числе, «импликация – мыслительная операция и тип мыслительных связей, основанный на отражении сознанием реальных линейных связей, зависимостей, взаимодействий вещей и признаков» [Никитин 2007: 169]. То есть в процессе импликации отражается закрепленное в сознании человека соотношение между понятиями, явлениями и др.

В-третьих, импликация получила когнитивное осмысление. А.А. Попова в кандидатской диссертации отмечает важность импликации для когнитивного, концептуального анализа: «Рассмотрение изучаемого явления в когнитивном аспекте позволяет выявить его концептуальные особенности на основе изучения взаимосвязей структур знания и опыта, участвующих в установлении имплицитивных зависимостей» [Попова 2006: 5]. То есть, с точки зрения когнитивной лингвистики, подразумевается наличие в мыслительном пространстве личности представлений, которые являются имплицитивными и могут актуализироваться при необходимости, если основной смысл будет предполагать их важность.

В-четвертых, импликация анализируется как языковое явление и в этом случае она понимается как подразумевание [Ахманова 1969: 174], то есть некий смысл, не выраженный в поверхностной структуре языковой единицы или текста, но присутствующий в них имплицитно и доступный для непрямого восприятия человека. Это наиболее общее толкование импликации, на основе которого лингвисты формируют дополненные и конкретизированные определения, имеющие отношение к различным аспектам языкознания.

Для современных исследователей языка и текста несомненно, что наличие импликаций, или имплицитность – это универсальное явление, характерное для всех языков и представляющее собой «неявное, опосредованное выражение части информации, отраженной в поверхностной структуре предложения и текста» [Одинцова 2016: 91]. Когнитивный подход позволил уточнить, что данные неявные смыслы связаны с сознанием говорящего и находятся в его пассивной базе, готовые актуализироваться в любой момент.

Внимание к импликациям, которое мы наблюдаем в современном языкознании, указывает на закрепление в науке представления о том, что язык передает гораздо больше информации, чем содержится во внешнем выражении мысли. Что-то всегда не сказано, пропущено, в любом тексте есть недоговоренность, но адресат чаще всего способен извлекать этот имплицитный смысл, причем быстро, одновременно с восприятием эксплицированной информации. Категория информативности текста получает, таким образом, новую интерпретацию, новый способ представленности в тексте. Д.В. Антошина отмечает связь импликации с теорией коммуникации и коммуникативными аспектами изучения языка. По ее мнению, термин импликация «применяется для обозначения информации, не представленной в высказывании явно, но выводимой при помощи общих принципов коммуникации» [Антошина 2018: 97-98], то есть в процессе общения между людьми. Когнитивное и коммуникативное восприятие информации связаны и взаимно дополняют друг друга: именно процесс коммуникации стимулирует

мыслительную деятельность и ведет к извлечению конкретных, важных для данного коммуникативного акта импликаций.

Импликация рассматривается лингвистами на материале слова, предложения, сверхфразового единства и целого текста. Понятие импликации стало важным в теории концептуальной метафоры, согласно которой у сферы-источника метафоры при его движении к сфере-цели возникают различные импликации [Lakoff 1980], выявление которых позволит более глубоко понять концептосферу автора. Для нас наиболее важным представляется изучение импликации метафоры с позиций целостности, связности, информативности, последовательности, модальности и других категорий текста, как элемента текстообразования.

В широком понимании импликация представляет собой подразумеваемый смысл. Между этим значением и понятием импликации в контексте когнитивной теории метафоры нет противоречия. Метафора, с помощью которой проецируются некоторые знания из области источника метафорического смысла на область цели, может выполнять связующую функцию, а «следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий» [Баранов 2004: 9]. Китайский лингвист Ляо Мэйчжэнь полагает, что помимо проекции двух областей метафоры, текстообразующую функцию выполняет проекция их подразумеваемых групп импликаций [Liao Meizhen 2014: 61-68]. К.С. Филатов в своем диссертационном исследовании делает вывод о том, что «основной единицей развертывания текста выступает, следовательно, не конкретная метафора, а метафорическая модель, которая за ней стоит» [Филатов 2015: 16]. Как видим, исследователями признается особая роль импликаций метафоры в формировании структуры текста, то есть в реализации категории членимости, и в развертывании текста, при этом конкретные модели и механизмы построения текста требуют своего анализа.

При анализе импликаций когнитивных метафор существует определенная сложность в выделении импликаций, поскольку они основаны на

«общепринятых ассоциациях» [Блэк 1990: 167], на имеющихся в сознании личности представлениях и понятиях, актуализируемых в связи с когнитивной метафорой. Это значит, что импликации допускают известную долю субъективизма со стороны исследователя, который обращается в первую очередь к собственным ассоциациям и представлениям, полагая, что они являются частью ассоциаций и представлений всего народа, неразрывно связаны с культурными смыслами. Такой подход мы наблюдаем в большей части исследований когнитивных метафор и их импликаций [Костенич 2017; Малый 2019; Плясулин 2019 и др.]. Данный подход будет использоваться и в нашем исследовании.

Рассмотрим, каким образом импликации метафоры участвуют в создании связности, целостности и других категорий текста, на материале публикаций электронного издания «Газета.Ру». Проанализируем пример¹:

*Эксперты говорят, что после прихода к власти в Греции левого правительства Алексиса Ципраса Россия надеялась воспользоваться этим в своих геополитических целях, но безуспешно. Скорее, считает Суздальцев, Ципрас, будучи «прекрасным популистом, использовал Россию как фактор давления на Евросоюз, это намеки Брюсселю: если вы нам не поможете, мы будем **играть на Москву**». <...> **Реверансы** в отношении России, по мнению Суздальцева, нужно рассматривать как **тактический ход** (27.05.2016).*

В данном фрагменте текста реализуется концептуальная метафора «политика – это игра». К области источника относится большое количество разнообразных импликаций, проецируемых на область цели. Если политика – это игра, то подразумевается и даже вполне определенно имеется в виду следующее (содержится в когнитивном пространстве говорящего и адресата):

- участники политического процесса обладают статусом игроков;
- игра ведется во имя политических интересов;
- способы достижения политических целей – это тактика игры;

¹ Анализ подобных примеров см. также в [Ван Цзянин 2016]

- средства достижения политических целей – это используемые в игре приемы;
- политическая победа – это выигрыш в игре;
- политические решения – это ходы в игре;
- использование недостойных способов достижения политических целей – это обман в игре, запрещенные приемы;
- игра по самой своей сути предполагает (хотя и не делает обязательной) возможность использования запрещенных приемов и др.

В этом фрагменте текста средствами прямой номинации обозначены импликации со сферой-целью «политика»: *воспользоваться, использовать, цель*. Лексема *играть* функционирует не только как средство номинации сферы-источника, контекст ее употребления (*играть на кого-что*) образует смешанное концептуальное пространство (blend, в теории ментальных пространств). Предлог *на* в подобных контекстах (*работать на кого-либо, тратить деньги на кого-либо* и др.) имеет следующее значение: ‘употребляется при обозначении лица, группы лиц и т. п., в чьих интересах совершается какое-либо действие’ [Словарь русского языка 1986: 322]. В данном случае актуализируются импликации «в политике, так же как в игре, участник может действовать не только в своих интересах, но и в интересах какого-либо из участников и тем самым против других», что также подчеркивается лексемой *давление* и конструкцией «*если... то*». Таким образом, целостность фрагмента текста, основывающаяся на импликациях, формируется благодаря синтагматическим средствам выражения связности.

Метафора «политика – это игра» сочетается еще с одной метафорой – «политика – это светская жизнь», репрезентированной в первую очередь с помощью имени существительного *реверансы*. Данное сочетание концептуальных метафор очень органично, так как светская жизнь в восприятии говорящего также ассоциируется с игрой и выводит говорящего еще на одну концептуальную метафору: «жизнь – это игра». Именно импликации, скрытые компоненты значения делают текст особенно значимым

и точно передающим когнитивное восприятие процесса. В результате создается представление о целостном игровом пространстве, участники которого в данном случае – политики, а в более широком понимании – все люди. Явной негативной оценки такого положения вещей мы не видим, и слушателю/читателю предоставляется возможность самостоятельно оценить наблюдаемый процесс политической и светской игры.

Схематически метафору и ее импликации мы представили на рисунке 2.7.

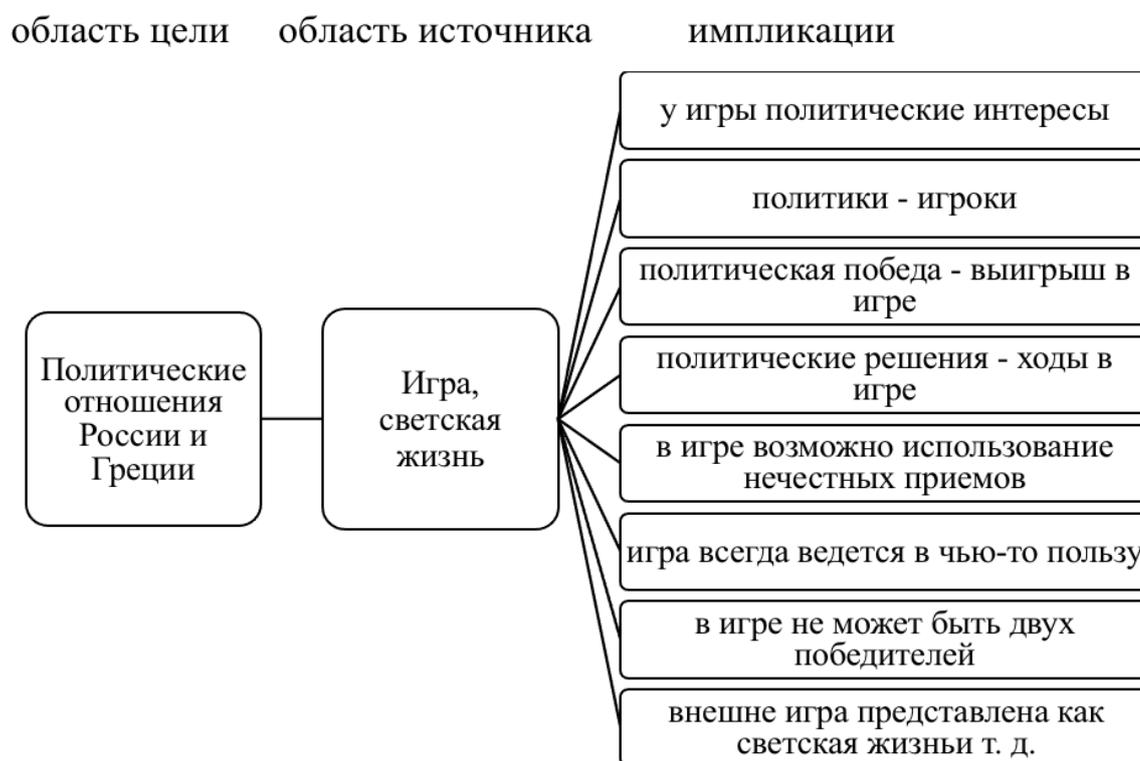

Рисунок 2.7 – Концептуальная метафора и ее импликации

Схема показывает, что процесс метафоризации разворачивается традиционным образом, однако именно импликации в наибольшей степени воздействуют на адресата речи. При этом воздействие импликаций безусловно, так как представление об игровом характере деятельности концептуально для всех участников коммуникативного процесса.

Примечательно, что в следующем фрагменте текста, в процессе реализации той же метафоры игры, акценты расставляются иным образом:

Подобного же мнения придерживается заведующий сектором исследований Европейского союза ИМЭМО Юрий Квашинин: «Когда Ципрас стал премьером, много говорили о том, что России удастся **разыграть греческую карту** и Греция выступит **лоббистом** российских интересов в ЕС».

Здесь реализуются импликации:

- способы достижения политических целей – это тактика, план игры;
- средства достижения политических целей – это используемые в игре предметы.

Благодаря лексемам *удастся* и *интересы* сохраняется важность смыслов «цель политических действий» на уровне импликаций сферы-цели. Связность текста обеспечивается словосочетанием *разыграть греческую карту*. Сохраняется метафора игры. Разные стороны политического процесса представляются как основной игрок (тот, кто разыгрывает карту; Россия) и как предмет игры (сама карта; Греция). Оцениваются различные возможности данных субъектов в политической деятельности и ее перспективы (прогнозируемые результаты) – выступление Греции в качестве лоббиста. С помощью лексемы *лоббист* текстовое пространство снова возвращается из сферы источника (игры) к сфере цели (политике).

Рассмотрим еще один пример:

Встал грудью: как Зюганов защитил Грудинина

*КПРФ собрала пресс-конференцию, посвященную 25-летию партии, однако Геннадий Зюганову вновь пришлось **отбиваться** от неудобных вопросов журналистов о кандидате Павле Грудинине. Корреспондент «Газеты.Ру» наблюдал за **пикировкой** лидера коммунистов с репортерами, которых, кажется, интересовали лишь счета Грудинина, а сам Зюганов заявил о **провале** в организации избирательной кампании (15.02.2018).*

В данном фрагменте текста реализуется концептуальная метафора «политика – это война (борьба)». Назовем возможные импликации этой метафоры. Если политика – это война, то:

- предвыборная кампания – это поле битвы, сражение, схватка;

– тактики и стратегии политической деятельности – это планирование военных действий;

– политические деятели и их союзники – это противники, соперники, даже враги;

– союзники одного кандидата в президенты – это штаб;

– действия соперников предвыборной кампании – это военные действия (атака, наступление, нападки, бой, отступление, мирные переговоры, капитуляция и т. п.);

– победа или поражение в выборах – это исход войны и др.

Примечательно, что область источника «война» близка области источника «игра». Говоря о политике как об игре, авторы часто используют лексику военной сферы (например, *тактика, стратегия*).

Текстовыми средствами репрезентации импликаций, связанных с войной, в приведенном отрывке стали лексемы *защитить, отбиваться, пикировка, провал* и т. п. Основная единица в этой системе – фразеологизм *встать грудью*, вынесенный в заголовок статьи, благодаря чему к нему привлекается особое внимание. Фразеологизм имеет значение ‘мужественно защищать (защитить) кого-либо или что-либо’ [Булыко 2007: 406] и связан своей семантикой со сферой-источником «война».

Особенностью концептуальной метафоры в данном случае и ее основной импликацией, на наш взгляд, является иронический и даже саркастический смысл, который получает метафора «политика – это война» в приведенном контексте. Начиная с заголовка во всем репортаже транслируется ироническое отношение к наблюдаемому событию, что способствует реализации в тексте категории модальности. Высокий смысл и патетика части военной лексики и фразеологии (*стать грудью, защитить*) контрастируют с ироническим осмыслением ситуации и второй часть лексики (*пикировка, отбиваться*). Передается импликация: «Политики ведут себя так, словно участвуют в военных действиях, а на самом деле выглядят смешно, а их действия кажутся неестественными, наигранными». Большое значение в формировании

ироничного звучания метафоры имеет также каламбур – переключка фразеологизма *встать грудью* с фамилией *Грудинин*.

Структурно метафора отличается от рассмотренной выше (рисунок 2.7) инверсивным положением областей цели и источника. Мы представили данную метафору и ее импликации в виде схемы на рисунке 2.8.

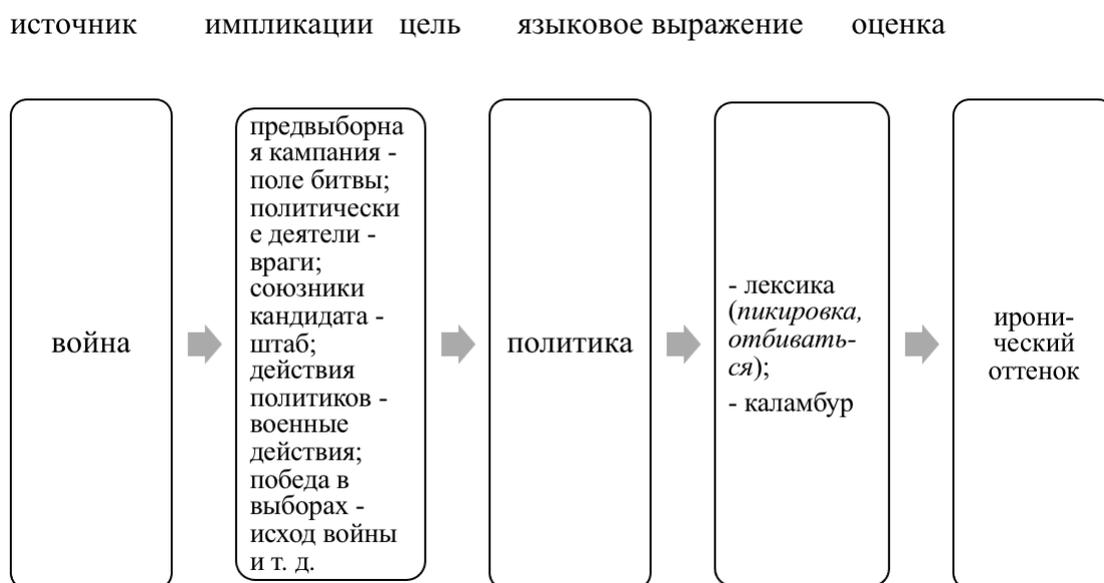

Рисунок 2.8 – Метафора «политика – война» и ее импликации

Как видим, процесс разворачивания метафоры в данном случае более сложен, основан на инверсионном использовании ключевых компонентов метафоры. Сложность связана с необходимостью для говорящего вводить в текст оценочный компонент (ироническую оценку происходящего).

Следующий пример интересен для нас тем, что одним из компонентов его образной структуры является понятие о метафоре:

Метафора названия заключалась в следующем: детский сад должен был стать не просто «фабрикой по шлифовке воспитанников», как писала последовательница Фребеля Аделаида Симонович, а скорее «садом для выращивания цветов жизни».

Дети, по мнению Фребеля, являются божьими растениями, цветами и основная задача учителя, как работника сада, выращивать их с особой любовью (27.09.2018).

В этом метафорическом фрагменте, представляющем собой начало текста, формально (лексически) представлена только область цели «дети» и ряд ее импликаций, позволяющий легко обнаружить область источника – «цветы жизни». Иначе говоря, в этом фрагменте реализована концептуальная метафора «дети – это цветы жизни», в результате чего активизированы подразумеваемые импликации. Если дети – это цветы жизни, то:

- дети – это растения, нуждающиеся в заботе;
- родители – это корни детей-цветов;
- семья – это почва, на которой растут дети;
- родители, воспитатели и учителя образовательных учреждений – это садовники;
- любовь – это инструмент садовника;
- воспитание – это выращивание растений;
- результат воспитания – это рост, созревание;
- взрослый человек – это плод, урожай;
- плохое воспитание – результат ошибки садовников;
- детский сад – это место для выращивания цветов и др.

Ключевой, текстообразующий характер рассматриваемой метафоры для данного текста подчеркивается тем, что автор возвращается к ней еще в одной сильной позиции текста – в конце:

Огромную роль в те годы сыграла самоотверженность «садовниц». Воспитатели и нянечки прилагали максимум усилий, чтобы садик стал для детей вторым домом, а группа – семьей.

Здесь мы видим, что повторяется импликация области цели «дети» (*садовницы*), и роль детского сада в жизни ребенка описывается снова метафорически (*садик – второй дом, группа воспитанников – семья*). Таким

образом раскрывается имплицитный смысл «детский сад – это почва, на которой растут дети».

Фитоморфная метафора в данном тексте выполняет также и прагматическую функцию: весь текст пронизывает положительная оценка учреждений типа детского сада, что стало возможным благодаря восприятию растениеводства как созидательной деятельности.

По мнению А. Биджиевой, «флористические метафоры формируют значительный фрагмент концептуальной картины мира» [Биджиева 2007: 56]. Они относятся к базовым, архетипическим метафорам, отражающим восприятие мира нашими предками. Фитоморфные символы присутствуют в культуре всех наций, так как связаны с мышлением древнего человека, воспринимавшего мир вокруг себя синкретично и представлявшего себя как его часть – как растение, в том числе.

В русском языке выражение «Дети – цветы жизни» функционирует как крылатое. В энциклопедии крылатых слов и выражений сказано: «Выражение сложилось на основе фразы “дети – живые цветы земли” из рассказа “Бывшие люди” (1897) писателя Максима Горького» [Энци. сл-рь крыл. слов и выр. 2005: 214]. Как известно, крылатые, устойчивые выражения постепенно утрачивают свою убедительную силу, так как образ стирается. Однако в анализируемом примере мы наблюдаем оживление данной концептуальной метафоры, ее развертывание в структуру текста, компоненты которого отражают категорию членности текста. Она начинает выполнять текстообразующие функции, актуализируя элементы мышления носителя языка, внося в текст образность и одновременно придавая мысли законченность и убедительность. Большую роль в этом играют импликации, основанные во многом именно на апелляции к крылатой фразе, закрепленной в сознании носителя языка.

Схематически мы представили данную метафору на рисунке 2.9.

область цели область источника

импликации

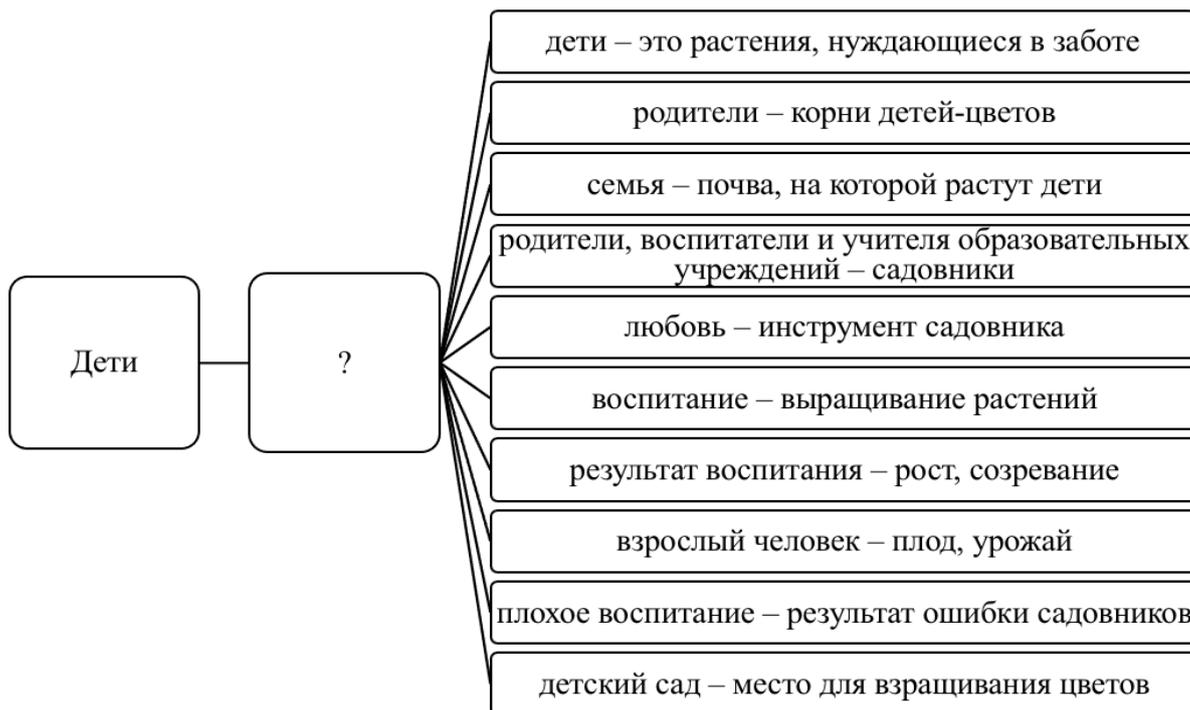

Рисунок 2.9 – Импликации метафоры с подразумеваемым источником

То, что источник не назван, никоим образом не влияет на восприятие метафоры. Смысл, который хотел донести до адресатов текста журналист, предельно понятен, благодаря многочисленным импликациям – как явным, так и скрытым, то есть содержащимся в когнитивном поле личности.

Рассмотрим еще один пример, в котором импликации метафоры играют важнейшую роль в формировании образа и представлении его в тексте:

*...Никакого старения – та же энергия, та же готовность работать, та же бешеная **скорость**, в том числе и за рулем (28.10.2018).*

Это фрагмент из воспоминаний об артисте Н. Караченцове «Лишь только жизнь одна», в котором реализована концептуальная метафора «жизнь – это путешествие». При этом область цели выражена лексически уже в названии статьи, а область источника «путешествие» не названа, но реализована одна из ее импликаций – жизнь является дорогой, по которой **движется** человек.

У метафоры «жизнь – это путешествие» множество импликаций. Если жизнь – это путешествие, то:

- рождение – начало пути;
- смерть – конец пути;
- достижение цели – достижение пункта назначения;
- трудности – препятствия на дороге;
- члены семьи, коллеги, друзья – попутчики и др.

Показательно, что из всех импликаций метафоры «жизнь – это путешествие» в тексте о Н. Караченцове вербально только представление о быстроте движения, с помощью лексемы *скорость*. Таким образом журналист стремится подчеркнуть активную жизненную позицию актера, стремительность его жизненного пути и его преждевременное, трагическое окончание.

Метафорическое осмысление жизни как пути, дороги, путешествия – это пространственная метафора. Анализ данной важнейшей для сознания человека концептуальной метафоры проводят Е.И. Отырба, Н.М. Щаренская, Ли Хо и другие лингвисты. Исследователи замечают: «Определяя жизнь как некий путь, наше сознание представляет человека странником на этом пути» [Отырба 2014: 114]; «При этом идея дороги может способствовать как негативной, так и положительной оценке» [Щаренская 2015: 296]. Подобно физическому перемещению в пространстве идущего человека, жизнь – это тоже перемещение, причем и во времени, и в пространстве. Однако сам образ вполне нейтрален, а конкретная реализация метафоры применительно к жизни определенного человека всегда индивидуальна. Так, для описания жизни Н. Караченцова наиболее важным моментом стало указание на скорость. Импликации позволили автору представить метафору кратко с тем, чтобы читатель самостоятельно осмысливал ее далее.

Интересно, что область цели «жизнь» в анализируемой статье «Лишь только жизнь одна» представлена и посредством других областей источника, например, она включена в метафору «жизненная сила – это вещество»:

Граф Резанов – это уже новый этап, время зрелости, силы, появился и драматизм, и меланхолия, хотя по-прежнему энергия в нем клокотала атомная.

Жизненная энергия (отвлеченное понятие) сопоставляется с конкретным видом энергии – атомной. Не случайно в качестве области источника выбран именно этот тип энергии: атомная (ядерная) энергия – наиболее сильная в настоящий момент. Образ атомной энергии коррелирует с понятием *силы*, входящим в область цели. Одновременно происходит перенос с неживого на живое, то есть субъекту метафорического описания – актеру – придаются качества, свойственные природной стихии, что делает его образ гиперболизированным, более сильным и ярким.

Мы видим, что в построении данного текста участвуют несколько концептуальных метафор с одной областью цели. В этом случае их текстообразующая роль становится наиболее очевидной, они эффективно служат созданию категорий связности и информативности текста, интеграции его компонентов, последовательности его частей.

Импlications концептуальной метафоры становятся особенно важными в том случае, когда метафора присутствует в тексте статьи в неразвернутом виде, например, в заголовке. В качестве примера можно рассмотреть статью *«Охота на журналистов: как прошла третья ночь белорусских протестов»* А. Поплавского (12.08.2020). В качестве области источника метафоры здесь выступает «охота», в качестве области цели – «действия властей по отношению к журналистам». Метафора, являющаяся ремой, занимает узловое положение, перед темой (нетипичное), усиленное, кроме того, расположением в заголовке. В тексте статьи расширенно представлена тема – описание действий властей: *«Журналистское преследование»*, *«преследование и атаки на журналистов со стороны силовиков»*, *«...Сотрудники правоохранительных органов оказывают серьезное давление на прессу»*, *«Так, журналистов избивают, задерживают, лишают аппаратуры для фото и видеосъемки, а также отбирают уже снятый материал»* и т. п. Область источника метафоры – «охота» – помимо заголовка, нигде не упоминается.

В этих условиях наиболее важными становятся импликации области «охота», апелляция к тем скрытым смыслам и отношениям, которые в восприятии носителя языка и культуры связаны с охотой:

- охота – это убийство незащищенных животных;
- охотник силен и разумен, и убийство им невооруженных существ нечестно по самой своей природе;
- охотник азартен, он любит убивать и постепенно входит в раж;
- у животных тоже есть право на жизнь;
- охотнику не особенно нужны мех или мясо животных, для него главное – сам процесс охоты.

Как видим, это негативные ассоциации, а значит, поместив слово «охота» в самое начало публикации, в сильную позицию текста, автор стремился пробудить их и вызвать у читателей сочувствие к журналистам, преследуемым белорусскими властями.

Хочется также обратить внимание на то, что некоторые метафоры (области источника) и связанные с ними импликации актуализируются в определенных ситуациях, в связи с какими-то событиями в мире. В 2020 году такой областью источника стали ассоциации, связанные с коронавирусом, карантином и самоизоляцией. Примеров в СМИ было множество, рассмотрим один из них – статью «Свобода на **карантине**» С. Новопрудского (31.07.2020).

В ней использован целый комплекс концептуальных медицинских метафор, отсылающих к ситуации с коронавирусом COVID-19:

- «люди – лабораторные крысы»: *«Мы остаемся в положении лабораторных крыс, на которых природа испытывает неизвестный вирус, при уникальной возможности круглосуточной безостановочной вирусной рекламы ужасов ковида через интернет»;*
- «ограничения (смерть) свободы – карантин»: *«...Два главных **трупа пандемии** – свобода и здравый смысл», «Это уже не медицинская маска, а полноценный **кляп**, которым заткнули рот свободе высказываний»;*

– «расизм и другие негативные явления – осложнения коронавируса»: *«Так называемая “новая этика”, прикрывающая сразу несколько проявлений животной природы человека, – прямое осложнение коронавируса».*

Все импликации, которые пробуждает в восприятии читателя эта очень проблемная статья, связаны с коронавирусом:

– коронавирус – опасный новый вирус, от которого нет лекарств и вакцин и который можно стать причиной смерти;

– коронавирус – обычная ОРВИ; есть заболевания намного страшнее – рак, СПИД, сердечно-сосудистые заболевания; на дорогах ежегодно погибают 1,35 миллиона человек;

– все намного хуже, чем рассказывают, от нас скрывают правду о коронавирусе;

– все не так уж страшно, наверное, но на всякий случай надо готовиться к худшему;

– коронавирус – причина целого ряда кризисов: экономического, гуманитарного, расового, культурного и т. д.

Эти импликации очень разнообразны, некоторые из них полностью противоположны, что делает восприятие проблем, поставленных в статье, крайне сложным и неоднозначным, еще более усиливая проблемный характер публикации. Отличительной чертой данных метафор и их импликаций является высокая злободневность. Спустя какое-то время они утратят актуальность и при перечитывании не будут вызывать у носителя языка данных ассоциаций. В любом случае, со временем импликации поменяются под влиянием произошедших событий и того, чем именно завершится в России и мире ситуация с коронавирусом.

Аналогичная ситуация наблюдается при освещении журналистами других актуальных событий, например, президентских выборов в Белоруссии в августе 2020 года. При этом авторов статей беспокоит в первую очередь то, как данные выборы отразятся на России и ее отношениях с Белоруссией. В одной из статей для характеристики данного события использована пространственная метафора

«движение Белоруссии на Запад – дрейф». Это статья *«Белорусский дрейф на Запад: что будет с обороной России»* М. Ходаренока (05.08.2020), и метафора обнаруживается уже в самом начале публикации, в заголовке. Есть в статье и военная метафора, характеризующая связи России и Белоруссии: *«Белоруссия – важный форпост на линии противостояния с НАТО»*, *«...Располагает ли Россия этим форпостом на самом деле?»*, *«Минск торпедировал все возможные российские усилия в этом направлении»* и т. п.

В статье в связи с использованием данных метафор актуализируются импликации:

- Россия и Белоруссия – дружественные государства;
- русские и белорусы – братья, причем Россия – «старший брат»;
- белорусы – миролюбивые, спокойные и терпеливые люди;
- после президентских выборов 9 августа 2020 года отношения двух стран могут измениться не в лучшую сторону;
- дружба с Белоруссией – один из факторов безопасности и обороноспособности России;
- Россия помогает Белоруссии, иногда в ущерб себе.

Основная часть данных импликаций такова, что мысль о вероятном обращении Белоруссии на Запад после выборов, высказанная в статье, воспринимается как предательство Белоруссии по отношению в России. То есть импликации играют важную роль в тех мыслях и оценках, которые транслирует журналист и которые он стремится донести до читателя.

Чем больше разнообразных концептуальных метафор представлено в тексте, тем более разнообразны импликации. Они начинают вступать в сложные отношения друг с другом, способствуя тем самым более глубокой характеристике области цели. Рассмотрим пример из статьи *«“Ее акции быстро растут”»: почему Россия нужна Европе»* А. Юранец (20.02.2020).

Статья посвящена политической тематике, и в ней встречается несколько концептуальных метафор: «политика – бизнес», «отношения государств –

климат», «политика – курс», «политика – цирк», «политика – война», «политика – движение», «политика – игра».

Экономическая метафора представлена уже в заголовке: «*“Ее акции быстро растут”*: почему Россия нужна Европе», что указывает на важность данной метафоры и ее определяющий характер в данном тексте. Она пронизывает и организует весь текст, то есть автор регулярно обращается к ассоциациям из сферы экономики. Например, заголовок части статьи: «*Акции России растут*», «*выход из ядерной сделки*» и др.

Климатическая метафора представлена в подзаголовке статьи: «*Киев вновь чувствует себя лишенным поддержки Европы после Мюнхенской конференции, на которой эксперты представили вариант мягкой заморозки конфликта в Донбассе, не утягивая интересы Украины. Риторика Евросоюза в отношении РФ действительно теплеет*». К данной метафоре автор возвращается в статье еще неоднократно: «*замороженные конфликты*» и т. п.

Далее в тексте встречаем морскую метафору: «*О необходимости смены курса на российском направлении уже не в первый раз высказался президент Франции Эммануэль Макрон*». Цирковая метафора представлена в одном из заголовков частей статьи: «*На мировой арене*». Во второй части текста актуализируется военная метафора: «*Коалиция противников во многом стала результатом совместных усилий России, Евросоюза и США...*». Здесь же присутствует метафора движения: «*Впрочем, украинский вопрос так и останется главным буксиром в развитии отношений Москвы и Европы*» и игровая метафора: «*Россию долго-долго не воспринимали как серьезного игрока, потом, когда поняли, что это игрок серьезный, мощь которого не стоит недооценивать, но и переоценивать тоже не стоит, конечно, отношение изменилось*».

Как видим, область цели у всех данных метафор едина – «политика» («отношения государств»), то есть, по сути все они нацелены на то, чтобы максимально эффективно, доходчиво для читателя и образно охарактеризовать

политические отношения России с другими государствами, ситуацию восприятия России и ее политики другими странами мира.

В связи с разнообразием концептуальных метафор, с помощью которых объясняется область цели «политика», в восприятии адресата актуализируется целый ряд импликаций (скрытых смыслов и характеристик политики). Для метафоры «политика – бизнес» это импликации:

- бизнесмен несет ответственность за свое дело, он самостоятелен и сам принимает сложные решения;
- бизнес требует предпринимательских способностей и умения рисковать;
- предприниматель свободен, у него широкий взгляд на проблемы;
- бизнес может в любой момент прогореть, а бизнесмен – разориться;
- бизнесмен умеет проигрывать и начинать все заново.

Для метафоры «отношения государств – климат» это импликации:

- климат достаточно устойчив;
- климат постоянно меняется, например, возможно глобальное потепление;
- климат независим от человека, это начало, которое сильнее человеческого;
- климат и погоду сложно предсказать, самый точные прогноз – на сегодня;
- практически каждое явление климата и погоды может быть охарактеризовано и хорошо, и плохо разными людьми.

Метафора «политика – курс» обладает в восприятии адресата текста следующими импликациями:

- корабль идет по морю определенным курсом, который устанавливается заранее и мало меняется в течение пути;
- изменение курса может вызвать негативные последствия и даже столкновение двух кораблей в море;
- моряки – достойные и психологически выдержанные люди;

- моряки хорошо ладят друг с другом;
- морская служба – это постоянное перемещение и контакты с самыми разными людьми, в том числе иностранцами.

Метафора «политика – цирк» порождает импликации:

- цирк – это постоянный праздник;
- цирк – это тяжелая работа;
- в цирке все не по-настоящему;
- цирк – закрытое сообщество, куда с трудом могут проникнуть чужаки;
- на арене цирка весь вечер клоуны.

В отличие от остальных метафор, коннотации метафоры «политика – война» в основном отрицательные, хотя положительные тоже присутствуют:

- война – это смерть и потери, предательство и разруха;
- война приносит людям разлуку и несчастья;
- на войне проявляются самые отрицательные качества человека, который стремится спасти себя любой ценой;
- на войне совершаются великие подвиги;
- во время войны наблюдается подъем патриотизма;
- люди ненавидят войны и боятся их повторения.

Для концептуальной метафоры «политика – движение» актуальны импликации:

- движение – это жизнь, развитие, здоровье;
- движение может утомить;
- есть «буксиры», которые помогают движению;
- есть «тормоза», которые движению мешают.

Импликации области источника «игра» мы уже приводили. Назовем несколько, относящихся к метафоре «политика – игра»:

- участники политического процесса обладают статусом игроков;
- игра ведется во имя политических интересов;
- способы достижения политических целей – это тактика игры;

– средства достижения политических целей – это используемые в игре приемы;

– политическая победа – это выигрыш в игре;

– игра по самой своей сути предполагает (хотя и не делает обязательной) возможность использования запрещенных приемов и др.

В каждой из концептуальных метафор мы видим импликации, положительные и отрицательные по коннотации, что, наряду с многообразием областей источника служит созданию сложной характеристики области цели «политика», также включающей и положительные, и отрицательные оценки.

Тексты такого типа, максимально насыщенные концептуальными метафорами с одной областью цели и разными областями источника (которых как минимум 7), встречаются нечасто. Однако именно в данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда импликации становятся важнее, чем собственно ассоциации. Особенно важно в этом случае наличие среди импликаций положительных и отрицательных, что усложняет восприятие объекта (области цели), делает его неоднозначным. Характеризуя область источника, импликации автоматически продуцируются на область цели, выявляя в ней противоречия. Именно это, по нашему мнению, и являлось целью автора статьи, стремящегося обнаружить и описать самые разные особенности российской политики на данном этапе развития страны. При этом, будучи распределенными в достаточно большом по объему тексте, метафоры и их импликации становятся сильными текстообразующими средствами, формируя целостность текста, служа интеграции его компонентов, обеспечивая последовательность развертывания информации и собственно информативность текста.

Данные импликации практически не выражены вербально, являются скрытыми и проявляемыми в восприятии читателей.

Итак, импликации концептуальной метафоры могут быть по-разному представлены в тексте, могут относиться к области цели и области источника, быть выраженными вербально или транслировать только подразумеваемые

смыслы. Особенно ценны и эффективны те импликации, которые подразумеваются, содержатся в ментальном пространстве носителей языка. Множество импликаций метафоры связано с когнитивной сферой говорящего и адресата, откуда они извлекаются в процессе осмысления концептуальной метафоры. Импликации становятся сильным средством, сообщаящим убедительность тем мыслям, оценкам и коннотациям, которые передаются в статье.

2.4. Интеграция метафоры и неметафорического окружения в пространстве газетного текста

Концептуальная метафора занимает не все пространство текста, взаимодействуя в процессе своего развертывания с неметафорическим окружением, в связи с чем на первый план выходит такая категория текста, как интеграция – объединение в его составе различных компонентов.

При анализе взаимодействия метафоры и неметафорического окружения актуальными являются понятия «буквализация метафоры» и «развернутая метафора».

В словаре-справочнике «Эффективное речевое общение» буквализация метафоры определяется как «стилистический прием, который состоит в том, что метафорическое выражение нарочито осмысляется и употребляется в прямом (буквальном, переносном) значении» [Сковородников 2014: 75]. Здесь же отмечается, что с помощью буквализации метафоры говорящий чаще всего добивается комического эффекта, поэтому она чаще всего встречается «в художественной литературе, в публицистике, в развлекательных жанрах, функционирующих в средствах массовой информации» [Там же]. А.П. Квятковский называет данное явление «реализацией метафоры» и пишет, что в процессе реализации «метафорическое выражение (в особенности известная, бытовая метафора) берется в прямом смысле и в дальнейшем приобретает очертания реального, внеобразного предмета, – возникает новое

осмысление этого выражения, имеющее порой юмористический и даже гротескный оттенок» [Квятковский 1966: 157].

Термин «буквализация метафоры» получил более широкое распространение, чем термин «реализация метафоры». Обычно буквализацию метафоры рассматривают как риторический и стилистический прием [Воробец 2017; Южанникова 2010]. В последнее время данный процесс начал изучаться в связи с когнитивным подходом к языку [Маслова 2017].

Развернутая, или расширенная метафора, по определению И.В. Арнольд, – это метафора, которая состоит из нескольких метафорически употребленных слов, создающих единый образ, т. е. из ряда взаимосвязанных и дополняющих друг друга простых метафор, усиливающих мотивированность образа» [Арнольд 2010: 124]. Использование развернутой метафоры чаще всего отмечается в поэтическом тексте, где «метафорическое выражение как образное подобие какого-то сложного жизненного явления раскрывается на протяжении большого отрезка или целого стихотворения» [Квятковский 1966: 156].

Для современных исследователей несомненна когнитивная природа развернутых метафор. О.Б. Мангова анализирует их как средство репрезентации операционных концептов [Мангова 2016], Е.Ю. Скороходова отмечает, что дидактическая и когнитивная функция в случае использования развернутой метафоры «реализуются одновременно, то есть новое для адресата речи явление не только называется, но и объясняется. В результате осуществляется также экономия языковых средств, что упрощает ментальные процессы» [Скороходова 2012: 124].

Рассмотрим модели взаимодействия метафоры и неметафорического окружения.

В ходе анализа текстового материала были выявлены такие модели интеграции метафоры (далее – *м* или *M*) и неметафорического контекста (далее – *нм*, *нмк* или *НМ*, *НМК*²), как модели тождества и модели противопоставления³.

² Запись заглавными буквами указывает на преобладание соответствующего смысла (метафорического или неметафорического) в тексте.

³ См. об этом также [Wang Jianing 2017].

Рассмотрим модели тождества:

1. Модель тождества $M = НМК$. Метафора и неметафорическое окружение в тексте равны, то есть одновременно и равноправно реализуются метафорическое и прямое значения языкового выражения. Кроме того, M и $НМК$ равнозначны по смыслу и совпадают в оценочном плане. Например:

*Дипломат **высокого полета***

*Захарова рассказала, как Лавров отпраздновал свой день рождения в **самолете***

*Свой 67-й день рождения российский министр иностранных дел Сергей Лавров встретил «**на высоте**», сообщила в фейсбуке официальный представитель МИД РФ Мария Захарова. Лавров отметил праздник **на борту самолета** из Японии в Москву – в очередной раз подчеркнув свой имидж профессионала, для которого работа **превыше всего**. «Газета.Ру» разбиралась в феномене Лаврова, который более десяти лет определяет лицо отечественной дипломатии (21.03.2017).*

Как видим, в тексте реализуется концептуальная пространственная (ориентационная) метафора «верх соответствует хорошему», с помощью которой дается положительная оценка деятельности министра. В то же время в тексте представлены соответствующие данной метафоре лексемы *полет, высота, борт, самолет* в буквальном значении. Происходит буквализация метафоры и столкновение (одновременно взаимное дополнение) метафоры и неметафорического окружения. Такая ситуация не могла не привести к формированию каламбура – игры слов и смыслов. Каламбурно, то есть одновременно и в прямом, и в переносном значениях, употреблены выражения *высокого полета, «на высоте», превыше всего*.

Основными текстообразующими средствами при формировании данной концептуальной метафоры становятся фразеологизмы: *птица высокого полета* – ‘влиятельный человек, занимающий видное положение в обществе’ [Булыко 2007: 350]; *быть на высоте* – ‘проявлять себя так, как нужно, как единственно возможно, правильно’ [Там же: 31]. Первый фразеологизм трансформирован:

слово *птица* заменено в нем на *дипломат*. Это сделано с целью более тесного слияния метафорических и неметафорических элементов текста, а также для привлечения внимания читателя к заголовку – сильной текстуальной позиции. Показательно, что во втором компоненте заголовочного комплекса использовано слово в прямом значении (*в самолете*) – компонент неметафорического окружения.

Как видим, метафорические и неметафорические компоненты намеренно чередуются: *М (высокого полета) – НМК (в самолете) – М («на высоте») – НМ (на борту самолета) – М (превыше всего)*. Метафорическая составляющая может показаться превалирующей (таких элементов в схеме больше, они занимают ключевые позиции (начальную и конечную), однако, как нам кажется, это все же тождество, так как метафорические элементы одновременно обладают и прямым, и переносным значением, используются каламбурно. Кстати, каламбур служит снятию с сообщения оттенка претенциозности и излишней торжественности (что порой бывает свойственно рассказам о жизни людей власти и о торжественных событиях, связанных с ними), а также придает информации игровой и одновременно праздничный смысл (ведь речь идет о празднике – дне рождения).

На наш взгляд, концептуальная метафора в данном примере развернута очень удачно, гармонично. Ее использование продумано и говорит о языковом мастерстве журналиста. Мы видим здесь наиболее слаженное взаимодействие *М* и *НМ* в тексте. Схематически данная метафора представлена на рисунке 2.10.

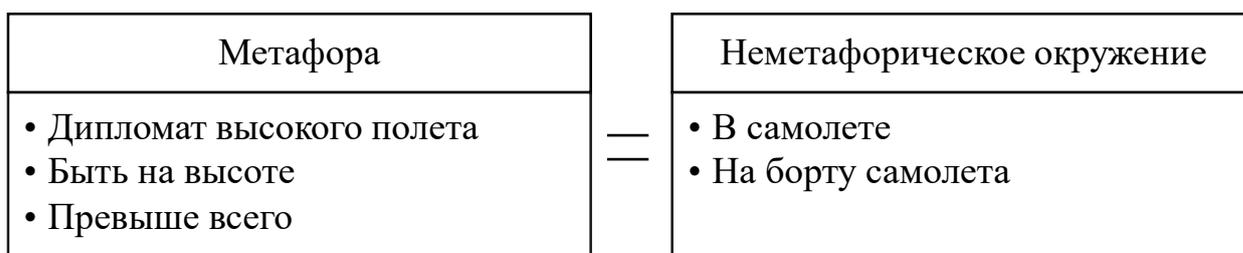

Рисунок 2.10 – Модель тождества $M = НМК$

Рассмотрим еще один пример подобного типа:

Первый советский вертолет: взлеты и падения Ми-1 (20.09.2018).

Это заголовок статьи, в которой подробно изложена история создания первого советского вертолета Ми-1. История машины представлена в виде череды успехов и неудач в ходе разработки инновационной для своей эпохи летательной машины. Взлеты и падения вертолета в буквальном смысле ознаменовали собой удачные и неудачные опыты конструкторов.

Как и в предыдущем примере, здесь реализована ориентационная концептуальная метафора, однако она заявлена только в заголовке статьи, а в самом тексте о взлетах и падениях говорится в прямом смысле. В языковом плане концептуальная метафора не разворачивается, но в текстуальном она равна всей информационной части публикации, позволяя тексту, таким образом, более эффективно реализовывать категорию информативности. То есть здесь тоже можно говорить о ситуации тождества $M = НМК$. M здесь – заголовок, а $НМК$ – весь текст статьи. Их равенство наблюдается не на уровне объема (статья, естественно, больше по размеру, чем заголовок), а на уровне смысла. Метафора заявлена в названии статьи, и весь следующий за нею текст читатель будет воспринимать в метафорическом смысле. То есть рассказ о каждом достижении будет ассоциироваться с двумя значениями слова *взлет*: ‘действие по значению глагола взлетать’ [Ефремова 2000] и ‘стремительный подъем в развитии науки, искусства и т. п.’ [Там же]. Аналогично будет восприниматься рассказ о каждой неудаче конструкторов и испытателей вертолета.

Анализируя ориентационную концептуальную метафору «верх – низ», О.О. Петрова отмечает: «...Метафоры, отражающие ориентацию вверх, характеризуются позитивным социально-статусным, эстетическим и этическим содержанием. Метафоры, ориентированные вниз, имеют отрицательное по отношению к первым метафорам содержание» [Петрова 2014: 268]. Ориентационная метафора данной публикации отличается от аналогичной метафоры в предыдущем примере также тем, что здесь представлена не только

плоскость «верх – это хорошо», но и грань «низ – это плохо». В статье рассказывается не только об успехах, но и о проблемах вертолета, его падениях в прямом смысле. Такой подход делает изложение более драматичным, полным, насыщенным.

Ориентационная метафора «верх – низ» анализируется многими лингвистами, в том числе на материале спортивного дискурса, где с ее помощью дается характеристика побед и поражений спортсменов [Белютин 2010], в кинотексте, где ориентационная метафора служит утверждению ценностных смыслов [Ли 2018], в экономических текстах, где ориентационная метафора связана с представлением реалий экономического кризиса [Калугина 2012] и в других тематических типах текстов. Как видим, эта концептуальная метафора особенно востребована в тех сферах, где необходимо ярко и точно описать успехи или поражения субъекта (дипломата, создателя вертолета, спортсмена, киногероя, экономической системы и т. п.). Данная метафора связана в когнитивной сфере говорящего с наблюдениями за поведением животных (полетами птиц), за перемещением небесных тел (движением солнца). Она восходит к древним представлениям человека, прочно закрепилась в религиозной картине мира. Представление о том, что «вверх» – это хорошо, а «вниз» – это плохо, связано, по нашему мнению, с наблюдением за покорением вершин. Действительно, когда человеку удастся подняться в гору все выше – это его успех, если оно сорвался и летит вниз, то успех исчезает и приходит поражение. По крайней мере, он возвращается назад, на исходную точку, откуда началось восхождение.

Наше внимание привлекают тексты, в которых взаимодействие концептуальной метафоры и неметафорического окружения наиболее эффективно и продуманно. Это в первую очередь именно тексты, в которых они тождественны ($M = HM$), причем во всем пространстве текста. Такова структура статьи «Атака на Россию: Мэй объединяет Европу», опубликованной 22.03.2018. Она построена на метафоре «жизнь (политика) – это война», заявленной, как видим, уже в заголовке. В статье обсуждается так называемое

«дело Скрипаля» – ситуация с отравлением бывшего разведчика Сергея Скрипаля и его дочери. В отравлении, как говорится в статье, западные политики подозревают и даже обвиняют Россию. С характером события и его оценкой западными политическими кругами и СМИ связан выбор журналистом именно военной метафоры.

Метафора разворачивается в тексте, и на всем его пространстве элементы метафоры (образы) симметричны с неметафорическим окружением – описанием тех событий, которые ассоциируются с военными действиями. Таким образом строится подзаголовочная часть текста:

*Британский премьер Тереза Мэй собирается использовать проходящий в Брюсселе саммит ЕС для того, чтобы **выработать единую позицию по отношению к «российской угрозе» и призвать европейцев к жестким шагам против России** в связи с «делом Скрипаля».*

Практически каждому «военному» выражению во всем тексте соответствует его своевременное, параллельное и даже симметричное пояснение. Соотношение элементов текста, представляющих *М* и *НМК*, представлено нами в схеме (рисунок 2.11).

<i>М</i>	<i>НМК</i>
<ul style="list-style-type: none"> • <i>атака на Россию;</i> • <i>выработать единую позицию по отношению к «российской угрозе»;</i> • <i>сплотив ее [Европу] против России;</i> • <i>назвать Россию «стратегическим врагом» Европы;</i> • <i>недружественные действия</i> 	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Мэй объединяет Европу»;</i> • <i>призвать европейцев к жестким шагам против России</i> • <i>вновь сблизиться Европой;</i> • <i>британские дипломаты ведут активную работу в различных европейских странах, стремясь убедить их руководство в правдивости своей версии;</i> • <i>сомневается, что европейцы предпримут какие-то шаги без наличия реальных доказательств</i>
и т. п.	

Рисунок 2.11 – Симметричное расположение *М* и *НМК* в модели тождества

Целью журналиста является убедить читателей в том, что со стороны Великобритании имеет место агрессивная деятельность, однако не все европейские политики согласны с Великобританией. Еще одна мысль, которую проводит автор статьи, – идея невинности России и пустых, бездоказательных обвинений в ее адрес. Симметричная, тождественная метафорическая модель в данном случае становится наиболее адекватной целям журналиста.

2. Модель тождества $m = НМК1, НМК2, \dots$. В данном случае реализуемая метафорическая модель соответствует неметафорическому окружению, доминирующему при выражении основного смысла текста. Например:

Холодный год для Лукашенко

Чего ждать от российско-белорусских отношений в 2017 году

*К концу 2016 года белорусско-российские отношения достигли **точки замерзания**. Из множества появившихся за год **конфликтов** фактически **не был разрешен ни один**. <...> К концу 2016 года политические отношения Минска и Москвы достигли **рекордного похолодания**. Причем ни в Москве, ни в Минске **не видят перспектив и путей их улучшения**. Обе стороны остались при своих обидах и **не идут на компромиссы**. В декабре Россия так и **не согласилась** ни на один белорусский вариант разрешения «нефтегазового кризиса», **перенеся переговоры** о поставках углеводородов на 2017 год. Минское руководство, в свою очередь, **арестовало** трех российских журналистов на своей территории, а президент страны Александр Лукашенко **демонстративно проигнорировал саммиты ОДКБ и ЕАЭС**, где Москва играет лидирующую роль.*

*Для Лукашенко, видимо, опасения **испортить отношения** с Россией уже неактуальны. Они **уже испорчены**, и потому белорусский лидер ощущает большую свободу маневра (06.01.2017).*

В заголовке и первой части текста часто повторяются языковые средства со значением «похолодание», реализуется доминирующая метафорическая

модель «отношения стран – это климат» («хорошие отношения – тепло, плохие отношения – холодно»). Последующее развертывание неметафорического фрагмента текста относится к области цели, объяснению причин, в результате которых ухудшились отношения (*перенести переговоры, конфликты не разрешены, не идти на компромиссы, демонстративно проигнорировать саммит* и т. п.). Несмотря на тождество метафорической модели и основного содержания текста, мы полагаем, что последнее преобладает в передаче смысла текста. Если в заголовке и начальной части текста наблюдается полное соответствие $M = НМК1, НМК2, \dots$ (акцент именно на отношениях *двух* стран, где отношения осмысливаются как холодные), то во второй части текста и в последнем (важном, заключительном) абзаце акцент делается лишь на одной из сторон, то есть имплицитно выражается мнение автора об отрицательном влиянии на Белоруссию ухудшения отношений с Россией.

Схематически данное соотношение метафоры и неметафорического окружения можно представить следующим образом (рисунок 2.12).

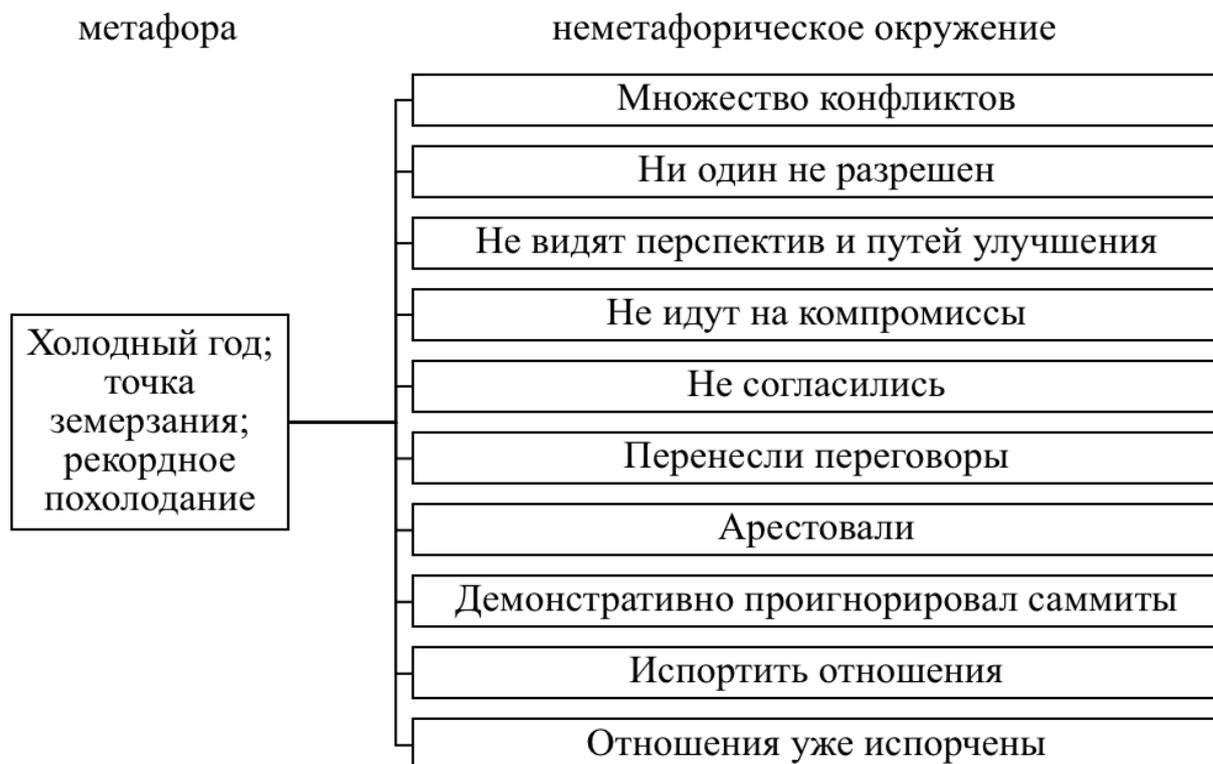

Рисунок 2.12 – Модель тождества $m = НМК1, НМК2, \dots$

Для того чтобы уравновесить в данном тексте *М* и *НМ*, журналисту было достаточно вернуться к концептуальной метафоре в заключительном абзаце и завершить статью климатической метафорой (Например, «*Еще немного, и в отношении двух стран наступит ледниковый период, для выхода из которого может понадобиться эпоха*»). По нашему мнению, в этом случае текст стал бы более убедительным, а мысль автора приобрела бы завершенность. Концептуальная климатическая метафора требует особого, внимательного отношения журналиста к своему разворачиванию в тексте. Она может стать очень эффективной и сделать сообщение и рассуждения в высшей степени убедительными, если журналист проявит внимание к компоновке метафоры и неметафорического окружения.

Климатические концептуальные метафоры в политической сфере используются достаточно часто, они помогают здесь «упорядочивать новый опыт через призму уже известного, сопоставлять различные политические объекты, конструировать и создавать социальную действительность» [Керимов 2014: 69] и обладают большой эффективностью именно для изображения политической динамики, например, «потепления» или «похолодания» в отношениях между странами.

Климатические метафоры применительно к политической сфере используются в анализируемом издании «Газета.Ру» достаточно часто. Например, в публикации «Саммит Путина и Трампа: кто пытается сорвать встречу» читаем:

*Накануне этой встречи в США уже обострились дискуссии вокруг российской повестки, которые определяют общую **атмосферу переговоров**. Она, в свою очередь, может повлиять на конкретные направления американо-российских отношений: от Сирии и санкций до восстановления доступа к зданиям, которые были закрыты для дипломатов двух стран на фоне **политического похолодания** (20.06.2018).*

Как видим, журналисты обычно стремятся к симметрии в построении климатических метафор, к тождеству *М* и *НМ*.

Рассмотрим еще один пример:

Дохлый номер: гаишникам запретили снимать госномера

Автоэксперт оценил новый указ о запрете снимать номера с машин

Указом президента России Владимира Путина сотрудникам ГИБДД запретили снимать госномера с автомобилей. Соответствующий документ был опубликован на официальном сайте правовой информации. Примечательно, что эта норма была прописана в КоАП еще в 2014 году. Как отмечает эксперт «Газеты.Ру», госномера машин уже 4 года никто не снимает, а нынешние изменения всего лишь юридически ничтожная корректировка (17.09.2018).

Заголовок статьи включает в себя и прямое значение слова *номер* – ‘планка, ярлык с изображением какой-либо цифры (как документ, знак регистрации и т. п.)’ [Ефремова 2000], и переносное значение – ‘из ряда вон выходящий поступок, случай’ [Там же], входящее в состав метафорического выражения *дохлый (глухой) номер* ‘о безнадежности, отсутствии результата, бесперспективности’ [Белко 2000]. Прямое значение обусловлено темой текста, тем, что в статье говорится о *номерах государственной регистрации автомобилей*; переносное употребление – авторская оценка описываемых явлений (новый указ «О внесении изменений в положение о Государственной инспекции безопасности дорожного движения» на деле ничего не изменил, только достиг соответствия с другими нормативно-правовыми актами).

Область *М*, представленная в заглавии, гораздо меньше по объему и значению, чем область *НМ*, представленная в самой статье. При этом журналист ограничивается метафорой в заголовке (это действительно яркое название каламбурного характера) и не развивает ее в самом тексте статьи. По нашему мнению, возвращение к образу, данному в заголовке, например, в конце статьи, сделало бы метафору более эффективной. Современные журналисты понимают важность названия материала, так как в публикации

электронного СМИ оно является гиперссылкой. Переход по гиперссылке означает прочтение статьи (и успех ее автора, рейтинг которого в редакции, как правило, зависит от количества таких переходов), поэтому название должно быть ярким и привлекать внимание читателя. Однако о необходимости продолжать в самом тексте заявленную в названии мысль (разворачивать метафору) журналисты не всегда помнят.

Концептуальный характер данной метафоры обусловлен обращением журналиста к сфере «смерть», важной в когнитивном пространстве личности. Смерть характеризуется в данном случае разговорным прилагательным (вульгаризмом) *дохлый* и становится компонентом области источника, моделируемой на область цели – действия человека.

Преобладание неметафорического окружения над метафорой, его большая доля в тексте могут быть связаны с характером описываемого политического события и отношения к нему со стороны журналиста, а также прогнозируемого им отношения общества (то есть категорией модальности текста). Например, в статье «Непотопляемый: почему растет рейтинг Порошенко» (25.02.2019) активно использована метафора «политика – это игра». В тексте она представлена в виде метафорического фрагмента лишь один раз: *«Неудивительно, что его ключевые оппоненты, в первую очередь – Юлия Тимошенко, обвиняют президента в нечестной игре»*. Однако весь смысл статьи состоит именно в том, чтобы описать нечестные действия Порошенко как его обычное политическое поведение. То есть неметафорическое окружение состоит, в соответствии с текстовой категорией последовательности, в последовательном описании действий нечестного политического игрока: *«...Без фальсификаций действующая власть не победит на выборах», «...Главный успех кампании президента заключается в том, что ему удалось консолидировать национал-патриотический электорат», «В распоряжении Порошенко также есть и другой козырь, которым не может похвастаться ни один другой кандидат: админресурс»* и т. п.

Концептуальная метафора занимает сильное положение в тексте, является его структурной основой (в соответствии с категорией членимости текста) и, благодаря неметафорическому окружению, проявляется на всем протяжении текста. При этом явно (вербально) она представлена только один раз, что говорит о несимметричности *м* и *НМ* при их равенстве.

Интересно, что в заголовке статьи мы видим еще одну концептуальную метафору: «жизнь (политика) – это плаванье», которая реализована посредством эпитета *непотопляемый*. Данная метафора не находит никакого развертывания в тексте статьи, однако ее сочетание с метафорой «политика – это игра» состоит в том, что обе они имеют отрицательную коннотацию и служат созданию негативной оценки деятельности Порошенко.

3. Модель тождества $M = nm1, nm2, \dots$ Здесь, реализованная метафорическая модель соответствует неметафорическому окружению, однако метафора доминирует при выражении основного смысла текста. Например:

*Путин потребовал **перекрыть каналы** нелегальной миграции*

*Президент России Владимир Путин потребовал **перекрыть каналы** нелегальной миграции в страну, передает ТАСС. При этом он уточнил, что Россия будет **принимать тех, кто хочет здесь жить и работать, соблюдая законы**. «Мы создаем цивилизованную **прозрачную среду** для тех, кто хотел бы жить и работать в России, но, безусловно, соблюдая наши законы, уважая традиции и культуру нашей страны», – заявил Путин. По его словам, «при этом **каналы нелегальной миграции, любые факты нарушения миграционного законодательства должны решительно пресекаться**». Ранее Путин заявил о необходимости **поставить заслон** на границах России на пути контрабанды и нелегальной миграции (09.03.2017).*

В данном отрывке смысл наличия/отсутствия преграды репрезентируется концептуальной метафорой (*перекрыть каналы, поставить заслон/прозрачная среда*) и неметафорическими средствами (*принимать тех, кто хочет здесь жить и работать, соблюдая законы/факты нарушения миграционного*

законодательства должны решительно пресекаться). Тем не менее, метафорические выражения со значением создания преграды доминируют количественно и в смысловом плане, а также занимают сильные позиции текста (заголовки и последняя фраза). Таким образом, автор подчеркивает идею противодействия нелегальной миграции, в то время как идея содействия легальной миграции остается на периферии.

На рисунке 2.13 мы выполнили схему такой модели тождества.

Рисунок 2.13 – Модель тождества $M = NM1, NM2, \dots$

О данном преимуществе метафорической формы выражения мысли при воздействии на реципиента, по сравнению с неметафорической, говорит А.П. Чудинов: «Хорошо известно, что образная форма привлекает внимание адресата и способна сделать высказывание более действенным» [Чудинов 2003а: 65]. О том, что миграция в целом позитивна и будет продолжаться (не запрещается) при условии ее законного характера, сказано в середине текста и без метафоры. А о том, что нелегальная миграция будет пресекаться, сказано с помощью метафор, в начале и конце текста. Противопоставление легальной и нелегальной миграции в данном контексте стирается, и у читателя создается общее впечатление о том, что против миграции появились новые жесткие меры, нацеленные на ее прекращение.

Как видим, преобладание M над NM не случайно, а связано со смыслом и идейным содержанием текста.

Следующий пример снова возвращает нас к концептуальной метафоре «жизнь – война»:

Вернули права условно: российский спорт под прицелом WADA

WADA восстановило права Российского антидопингового агентства (РУСАДА), которое теперь снова может полноценно функционировать и оценивать пробы спортсменов. Однако это еще не конец: российская организация может повторно лишиться официального статуса, если не успеет выполнить в срок новые требования Всемирного агентства... (20.09.2018).

В приведенном фрагменте условия восстановления прав Российского антидопингового агентства репрезентируется концептуальной метафорой (*под прицелом*) и неметафорическими средствами (*надо предоставить независимому эксперту доступ в Московскую антидопинговую лабораторию; придется предоставить WADA электронную базу данных Московской лаборатории...*). Метафорическое выражение *держат под прицелом* является фразеологизмом и имеет следующее значение: ‘сосредоточивать внимание на ком, чем-либо; наблюдать, следить за кем-либо’ [Федоров 2008: 194]. В тексте оно репрезентировано языковыми единицами с общим значением наблюдения, пристального внимания: *придется предоставить WADA электронную базу данных...; сотрудники Всемирного агентства планируют полностью проанализировать данные из этой базы...; модернизация деятельности РУСАДА была проведена под надзором двух независимых экспертов из WADA и т. д.* Таким образом, вынесенная в заголовок метафора эксплицируется на протяжении всего текста, и автор признает реалистичность выполнения требований международной организации, в том числе приводя положительную оценку проведенной работы, высказанную вице-премьером России по вопросам культуры и спорта О.Ю. Голодец.

При этом метафора *прицела* в тексте больше не вербализуется. Подразумевается, что все, о чем рассказывает журналист, происходит именно под пристальным вниманием международной организации, то есть под

прицелом, однако серьезность шагов, предпринятых российской стороной, не допускает метафорической и каламбурной вольности более одного раза – в заголовке. В смысловом плане текст оказывается симметричным, хотя в плане объема область *M* уступает области *HM*.

Кроме того, реализации прагматической функции метафоры в тексте способствуют модели противопоставления.

4. Модель противопоставления $HM = (M)1 M2 \leftrightarrow HM$. Подобная модель наблюдается в текстах, где одно языковое выражение можно интерпретировать как в прямом, так и в метафорическом смысле, и где один из смыслов противопоставляется основному тексту. Например:

Япония переходит границу

Япония сможет осуществлять военные операции за рубежом

Профильный комитет нижней палаты парламента Японии одобрил проект закона, в соответствии с которым вооруженные силы страны могут вести боевые действия за границей. Противники законопроекта считают, что он противоречит конституции страны и может втянуть ее в военные конфликты по всему миру. <...> В настоящий момент идет глубокая перестройка политики Японии в области безопасности, – говорит Дмитрий Стрельцов, – в направлении того, что в Японии называют «нормальной страной», неотягченной никакими ограничениями. Происходит постепенный отказ от концепции «нацифистской страны» (15.07.2015).

Метафорическое выражение *переходить границу* используется в заголовке статьи как фразеологизм со значением ‘нарушать своим поведением меру дозволенного, установленного, принятого в обществе’ [Федоров 2008: 465]. В тексте происходит буквализация метафоры и наблюдаются отношения его противопоставления с неметафорическим утверждением в последнем абзаце: «перестройка <...> в направлении того, что в Японии называют “нормальной страной”». При буквальной интерпретации данной фразы она согласуется с остальным текстом. Вследствие того, что сочетание было

вынесено в заголовок, мы не можем интерпретировать его как свободное словосочетание, в результате чего создается «эффект обманутого ожидания». Скорее всего, мы имеем дело с имплицированной оценкой законопроекта автором статьи как нарушающего нормы (обратим внимание на лексемы *мера* в семантическом поле фразеологизма и *норма* в тексте статьи).

Метафора в данном тексте имеет каламбурное звучание, так как слово *границы* понимается и в прямом значении ('условная линия, определяющая пределы государственной территории, разделяющая смежные государства; рубеж' [Ефремова 2000]), и в переносном ('то, что отделяет, отличает одно от другого, разграничивает что-либо; грань' [Там же]), в том числе в составе фразеологической единицы. В пространстве каламбура *НМ* становится равным *М1* и в то же время (уже как *М2*) противостоит *НМ*. При этом свойственного обычно каламбуру юмористического звучания не наблюдается, так как отношения между метафорической и неметафорической частями высказывания являются более сложными. Более того, в данном тексте мы видим такую текстовую категорию, как интертекстуальность, представленную посредством метафоры и каламбура «*Япония переходит границу*». В данном выражении присутствует отсылка к общим фоновым знаниям журналиста и читателей – информации об участии Японии во Второй мировой войне.

Лексема *граница* в качестве источника метафоры дает автору возможность размышления над понятием нормы и соответствия ей действий разных стран. В семантику слова *граница* входят элементы 'предел, грань, область соприкосновения, связь', позволяющие актуализировать смысл соблюдения / несоблюдения нормы, перехода / неперехода границ. Импликации, которые транслируются из области источника метафоры в область ее цели, благодаря сложному соотношению и противопоставлению метафоры и неметафорического окружения, следующие:

- граница существует, чтобы отделять;
- граница установлена нормой;
- границу нельзя переходить;

– тот, кто перешел (планирует перейти) границу, нарушает норму.

Рассмотрим еще один пример с данной моделью противопоставления *М* и *НМ*:

1030 лет православия: как Россия несет этот крест

Крещение Руси: как страна обрела веру

28 июля исполняется 1030 лет со дня крещения Руси. В этот день «Газета.Ру» вспоминает, почему князя Владимира не прельстили 70 жен, как японец Николай посетил Соловки, кто разрешил верующим вступать в гражданский брак и зачем каменщик заживо похоронил 25 человек (28.07.2018).

Христианский крест играет важную роль в религиозных представлениях верующих людей, имея историческое и символическое значение и подчеркивая их бесконечную приверженность религии. Метафорическое выражение *нести свой крест* означает ‘терпеливо переносить страдания, испытания, тяжелую судьбу’ [Булыко 2007: 270]. Концептуальная метафора «жизнь – крест» является разновидностью метафоры «жизнь – страдание», она предполагает смысл: «В течение жизни человеку приходится претерпевать немало страданий, и этот процесс можно сравнить со страданиями Христа». Е.М. Панкова отмечает, что концепт «крест» включает «осмысление креста как тяжелой судьбы по аналогии с мученической смертью на кресте Христа» [Панкова 2017: 165].

В приведенном примере мы видим столкновение данного значимого для русской культуры метафорического смысла концепта «крест» с неметафорическим окружением. При интерпретации фразы «*Россия несет этот крест*» в тексте возникают коннотации, противоположные исходной. Неметафорическое окружение опровергает метафорический смысл. Приводятся факты популистского смысла, призванные не поразить читателей невероятными примерами святости, а удивить их и (прикладная цель) направить на прочтение статьи: «*Почему князя Владимира не прельстили 70 жен, как японец Николай посетил Соловки, кто разрешил верующим вступать в гражданский брак и зачем каменщик заживо похоронил 25 человек*».

В ходе противопоставления *НМ* и *М* актуализируется неоднозначная оценка данного явления современными исследователями, формируется иронический смысл, который переносится на фразу «нести свой крест», а значит, и на факт крещения Руси. Данная метафорическая модель представлена на рисунке 2.14.

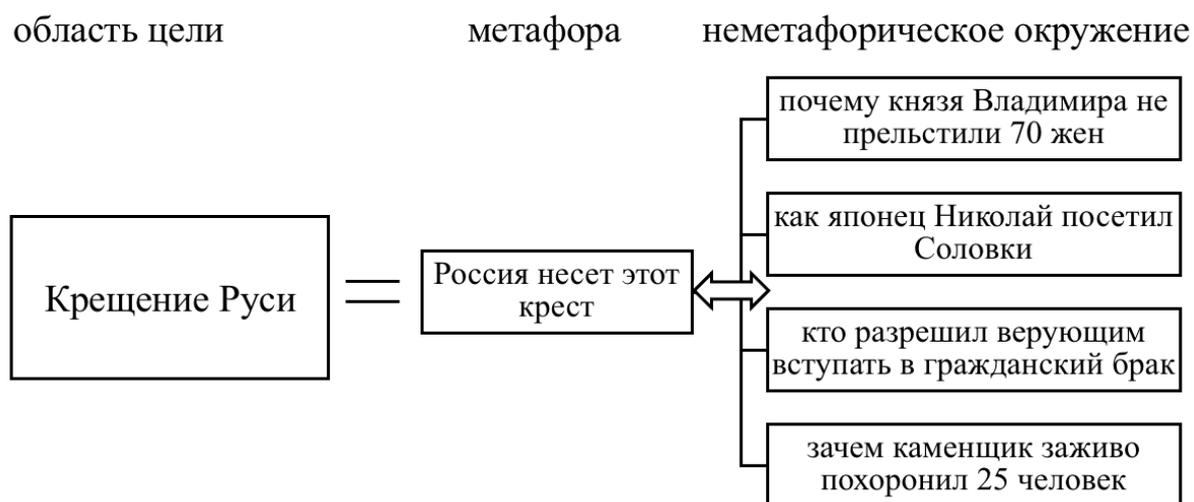

Рисунок 2.14 – Модель противопоставления $НМК = (M)1 M2 \leftrightarrow НМК$

5. Вторая модель противопоставления: $НМ1 = M \leftrightarrow НМ2$. Это достаточно сложная модель, в которой метафорическое выражение может быть понято в двух непрямых смыслах, каждый из которых соответствует одному элементу неметафорического окружения и противоречит другому. Например:

НАТО зачищает контакты с Россией

Генсек НАТО заявил о важности контактов с Россией

Генсек НАТО Йенс Столтенберг заявил о важности поддерживать контакт с Москвой в период напряженных отношений. Вместе с тем альянс продолжает рассматривать Россию в качестве одной из основных угроз и действовать вопреки интересам Кремля (23.03.2017).

Автор употребляет два метафорических значения глагола *зачистить*: техническое – ‘делать чистым, снимая изоляцию, окалину’ [Ефремова 2000] и военное – ‘устранить кого-либо, представляющего опасность’. Метафорический и неметафорический контексты строятся вокруг лексемы *контакт*, также

воспринимаемой в различных значениях: ‘соприкосновение проводников в электрической цепи’ и ‘политические, научные, торговые и т. п. связи’ [Там же]. В заголовке заявлен метафорический смысл, связанный с техническим, специальным употреблением данных слов, в самом тексте они употребляются в другом значении. При этом есть значительный элемент текста, в котором противопоставлено заявление (*о важности поддерживать контакт*) и реальная ситуация (*альянс продолжает рассматривать Россию в качестве одной из основных угроз*). Такое противопоставление не случайно. Несомненно, именно оно и было целью автора текста. То есть с помощью противопоставления сфер *М* и *НМ* журналист передает собственное отношение к ситуации, оценивает ее, способствуя формированию модальности как текстовой категории.

Метафора (*зачищать контакты*) оказывается в центре данного текста, вокруг нее формируются оценочные смыслы по отношению к описываемой ситуации. И именно с ее помощью журналист показывает, как заявление политика противостоит реальной политической ситуации и, по-видимому, реальной мысли политика. То есть одной из целей метафор такого типа является донесение до читателя информации в виде скрытых смыслов, которые он в ходе восприятия текста декодирует. Информативность как категория текста при этом получает новое и более эффективное выражение.

В данном случае манипулятивная функция СМИ получает прекрасную реализацию с помощью развернутой в тексте концептуальной метафоры, причем воздействие на читателя происходит не прямо, а опосредованно, то есть является особенно эффективным. Схематически такое соотношение *М* и *НМ* мы представили на рисунке 2.15.

Рисунок 2.15 – Модель противопоставления $NM1 = M \leftrightarrow NM2$

Вообще противопоставление метафоры и неметафорического окружения – не очень часто встречающийся в тексте СМИ прием. Модель тождества наблюдается чаще. Как и любое противопоставление, оно позволяет говорящему создать контраст, парадокс, произвести столкновение в тексте элементов, логически несовместимых. Такое противопоставление особенно эффектно в заголовках. Например: «*Оружие для диктаторов: как США предают демократию*» (24.02.2019). Здесь в пределах одной краткой заголовочной фразы происходит столкновение лексемы *оружие*, репрезентирующей в тексте концептуальную метафору «политика – это война», и лексемы *демократия*, представляющей неметафорическое окружение и не допускающей в своей коннотативной сфере прямого соотношения с понятием войны. Этим способом журналист подчеркивает лицемерный характер демократии США, только декларирование демократических ценностей, но не соответствие им.

Противопоставление может быть завуалированным, что делает его еще более эффективным. Например: «*“Думал, это крест”*: за что судили экс-советника Трампа» (22.02.2019). Это заголовок статьи, в которой осуждаются действия советника президента Трампа, принявшего на фотографии в инстаграмме изображение мишени за изображение креста. В заголовке указана только лексема *крест*, однако противопоставление происходит, и очень яркое: символ *крест* связан со сферой «вера», а символ *мишень* – со сферой «война», эмоционально и оценочной полностью ей противоречащей. В статье осуждаются действия советника президента, подчеркивается его лицемерие, так

как перепутать совершенно разные символы, по мнению автора текста, невозможно, а также указывается на милитаристский характер деятельности американских политиков.

Противопоставляемые компоненты могут находиться в пределах как разных метафорических и тематических сфер, так и одной. Например: «*Такое “перемирие”*: в Донецке убили Александра Захарченко» (31.08.2018). В данном заголовке фигурируют два вербальных компонента, представляющих концептуальную метафору «политика – это война», – лексемы *перемирие* и *убили*. Они резко противопоставлены, и на этом контрасте основана вся эмоциональная составляющая статьи. Хотя оба элемента относятся к одной сфере, они обозначают разные явления, не совместимые между собой, контрастирующие даже в зоне «война», и столкновение их в заголовке позволяет журналисту передать читателю информацию о лицемерии украинских властей, говорящих о перемирии, но продолжающих одобрять убийства. Выделение лексемы *перемирие* кавычками является графическим средством, подчеркивающим поддельное использование данного военного термина. Как видим, в сфере описания политических событий контраст с использованием элементов военной метафоры обычно формируется для передачи информации о лицемерии властей, заявляющих о миролюбии, но продолжающих милитаристские действия. Информативность как категория текста с помощью метафоры становится еще более выраженной.

Таким образом, нами были выявлены следующие виды взаимодействия концептуальной метафоры и ее неметафорического окружения (отражающие действие категории интеграции текста): модели тождества и модели противопоставления. Каждая из этих моделей служит объединению в одно целое частей текста и передаче адресату различных прагматических смыслов.

2.5. Общая характеристика материала исследования

По результатам проведенного в разных аспектах исследования можно представить некоторые количественные данные.

Практическое исследование роли концептуальной метафоры в организации текста СМИ проводится нами на материале интернет-издания «Газета.Ru». Материалом исследования стали публикации, в первую очередь статьи на политические темы, за 2016-2020 гг. Привлекались к анализу и статьи, опубликованные в предыдущие годы. Общее количество проанализированных статей – более тысячи, в тексте работы проанализировано более тридцати.

Тексты интернет-издания «Газета.Ru» изучались методом сплошной выборки, в результате было выявлено, что концептуальная метафора на текстообразующем уровне наблюдается примерно в 15 % текстов. То есть из рассмотренных нами 1000 текстов около 150 оказались построенными на основе концептуальной метафоры. Данное соотношение может быть представлено в виде диаграммы (рисунок 2.16).

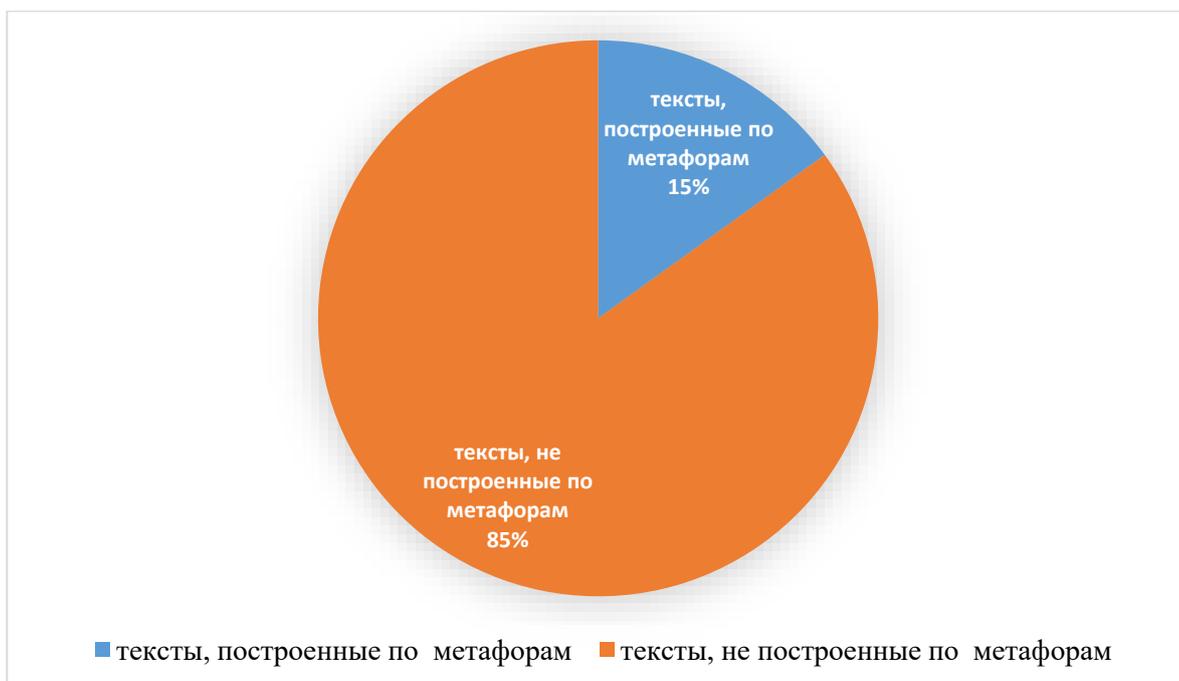

Рисунок 2.16 – Количество текстов с концептуальной метафорой в интернет-издании «Газета.Ru»

Из рассмотренных 850 текстов, не построенные по метафорам, примерно 320 текстов включали метафору только в заголовке (иногда она повторялась в подзаголовке), но затем развертывания метафоры в тексте не происходило. Например, заголовок статьи *«Обложить пошлинами: США развязывают валютную войну»* (08.02.2020) демонстрирует использование журналистом концептуальной метафоры «экономика – война». Еще раз данная метафора звучит в подзаголовке: *«Не исключено, что это регулирование положит начало валютной войне»*, однако в самом тексте статьи автор рассказывает о мерах Министерства торговли США без отсылки к когнитивным планам восприятия информации. Тексты такого типа не анализировались нами, поскольку для нас необходимо было не только выявить случаи использования концептуальных метафор в публикациях, но и увидеть их текстообразующий потенциал.

Надо отметить, что мы анализировали тексты разного плана – и новостные публикации, и аналитические из рубрики «Мнения». Данная рубрика издания «Газета.Ru» включает авторские статьи журналистов, писателей, политологов, в которых они проводят анализ той или иной проблемы и высказывают собственное мнение о ней. Если брать публикации, представленные в этой рубрике, отдельно, то несложно заметить, что количество текстов с концептуальной метафорой в текстообразующей функции здесь выше. Причем часто метафора не заявлена в заголовке или подзаголовке текста, но затем она обнаруживается в его структуре и начинает влиять на восприятие информации читателем. В целом количество текстов с концептуальной метафорой в структуре в текстах рубрики «Мнения» интернет-издания «Газета.Ru» составляет около 35 %.

Нашей целью при работе с отобранным материалом стало с опорой на теории актуального членения и образ-схемы выявить закономерности встраивания метафорических моделей в структуру текста. Следующим этапом нашей работы с материалом стало выявление текстов с различными тематическими моделями развертывания концептуальной метафоры. Нами

было обнаружено, что в 7-и текстах используется образ-схема «цепь», в 6-и – образ-схема «контейнер», в 5 – «параллельная» образ-схема, а большая часть текстов (14) строятся на основе «комплексной» образ-схемы. Эти данные представлены нами в диаграмме на рисунке 2.17.

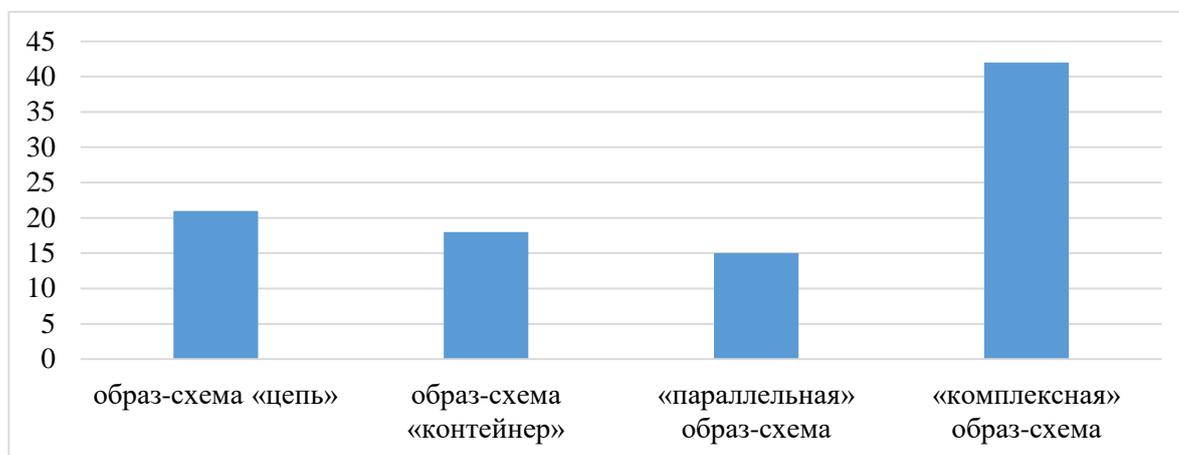

Рисунок 2.17 – Количество моделей текстов, построенных по различным образ-схемам

Таким образом, мы видим, что в большей части текстов присутствует комплексная модель тема-рематического развертывания концептуальной метафоры. Это свидетельствует о том, что для автора более приемлемо соединение различных моделей с тем, чтобы более полно раскрыть смысл метафорического сопоставления и более понятно для читателя представить характеризуемый объект.

Поскольку нам было необходимо проанализировать модели метафорических проекций, по которым компоненты концептуальных метафор взаимодействуют в тексте, то мы провели изучение материала с данной точки зрения и выявили, что чаще всего журналисты обращаются к модели проекции экспансии (45 примеров), второе место по количеству занимают тексты с моделью проекции чередования (36 примеров), а модель проекции сокращения встретилась нам с 15 примерах. Данные количественные параметры представлены в диаграмме на рисунке 2.18.

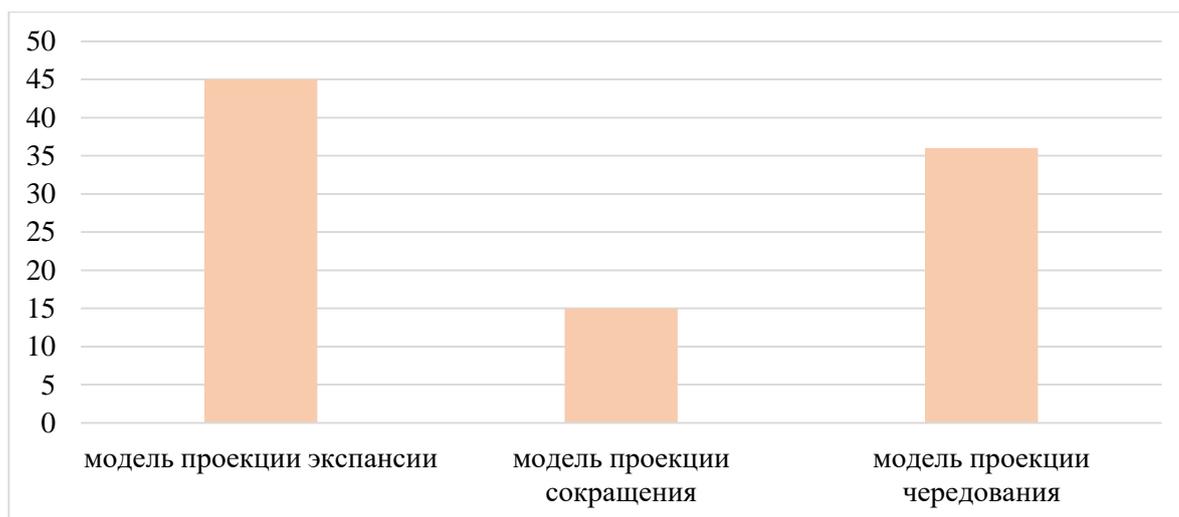

Рисунок 2.18 – Количество моделей текстов, демонстрирующих разные метафорические проекции

Представление о количестве моделей в анализируемом материале позволяет более обдуманно подходить к их анализу, более осознанно проводить анализ и оценивать его результаты.

В задачи нашего исследования входило также исследование интеграции метафоры и неметафорического окружения, которое может осуществляться по нескольким моделям. Всего было выявлено 5 моделей: 3 модели тождества и 2 – противопоставления:

- Модель тождества $M = НМК$
- Модель тождества $m = НМК1, НМК2, \dots$
- Модель тождества $M = нmk1, нmk2, \dots$
- Модель противопоставления $HKM = (M)1 M2 \leftrightarrow НМК$
- Модель противопоставления $НМК1 = M \leftrightarrow НМК2$

Количественно значительно преобладали тексты, построенные по первой модели. Статистические параметры основных моделей представлены нами на рисунке 2.19.

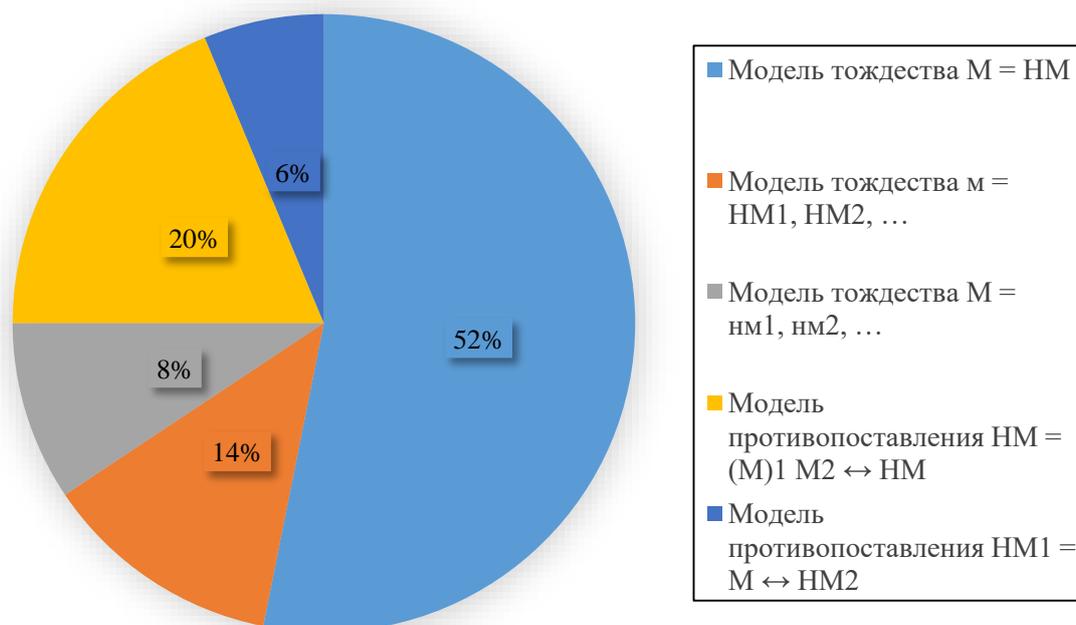

Рисунок 2.19 – Количество текстов с разными моделями интеграции метафоры и неметафорического окружения

Тематические разновидности концептуальных метафор не были предметом нашего изучения в данной работе, однако вопрос о тех областях цели и областях источника, которые сопоставлялись в языке СМИ, также актуален, мы постоянно его затрагиваем в ходе исследования. Поэтому мы рассмотрели анализируемые тексты с точки зрения видов концептуальных метафор. Результаты представлены нами в таблице 2.1.

Таблица 2.1 – Виды концептуальных метафор в проанализированном материале

Вид метафоры	Типичные метафорические модели	Количество / %
Пространственная (ориентационная)	«верх – хорошо, низ – плохо» «богатые – верх, бедные – низ» «жизнь – путешествие (дорога)» «голова –местилище»	22
Милитарная	«политика – война (борьба)» «законы – оружие»	15
Игровая	«политика – игра»	11

Спортивная	«жизнь – соревнование»	7
Зооморфная	«общество – стадо» «экономика – живой организм»	7
Фитоморфная	«жизнь – малина» «дети – цветы жизни»	7
Метафора дома	«страна – дом»	5
Транспортная	«страна – локомотив»	5
Онтологическая	«прошлое – ресурс» «война – ресурс» «жизнь – строительство»	5
Морбиальная	«законы – эпидемия»	3
Криминальная	«люди – жертвы»	1
Географическая	«люди – болото», «Россия – остров»	1
Другие виды	«жизнь – опасность», «жизнь – крест», «новые законы – “золотая лихорадка”»	11

Как показывает данная таблица, преобладающими видами метафоры в тексте СМИ являются военная и игровая, которые вместе составляют почти четверть от общего количества примеров. Достаточно активно создаются журналистами метафоры движения и пространственные (ориентационные) метафоры. Остальные разновидности концептуальных метафор также очень важны в когнитивном пространстве текста, хотя и встречаются реже.

Проведенный количественный анализ рассматриваемого в настоящем исследовании материала позволяет нам сделать исследование более репрезентативным и осознанным.

Нашей целью станет в дальнейшем исследовании установить, каким образом концептуальная метафора реализуется в тексте и влияет на его категориальные признаки: целостность, связность, информативность,

членимость, интеграцию, последовательность, модальность, интертекстуальность.

Выводы

Во второй главе была проанализирована текстообразующая функция метафоры сквозь призму теории актуального членения, теории образ-схемы, теории проекций и импликаций метафоры, посредством анализа взаимодействия метафорических моделей и неметафорического контекста.

1. Были выявлены несколько моделей текстов, тема-рематические структуры которых соотносятся с разными образными схемами: модель цепи, центробежная, контейнера, параллельная, комплексная. При этом мы увидели, что тема-рематическая структура текста взаимодействует с метафорическим способом отображения элементов содержания статьи, а также установили, что в позиции ремы чаще всего оказываются метафорические выражения. Если же происходит постановка метафорического выражения в позицию темы, то в результате данного процесса эта часть информации преподносится как известная и не вызывающая сомнений, что может усиливать манипулятивное воздействие на реципиента. Разнообразие образ-схем и их тема-рематические реализации в тексте служат оформлению концептуальной метафоры, придают ей завершенность, а высказываниям, выстроенным с ее помощью – убедительность.

2. С точки зрения внутренней структуры текста в текстообразовании важную роль играют метафорические проекции. Системность концептуальной метафоры, тесная связь и единство области источника и области цели, а также возможность установления разнообразных соотношений между ними наделяют ее текстообразующей силой. В рамках концептуальной метафоры происходит взаимодействие доменов, и текст выстраивается в соответствии с разными моделями проекции, среди которых нами выявлены и охарактеризованы следующие: модель экспансии, модель сокращения, модель параллельности и модель чередования. Наиболее распространена модель экспансии – движение от

области цели к области источника с его импликациями, в других моделях построение вариативно и допускает различные способы сочетания области цели и области источника концептуальной метафоры. В каждом случае говорящий руководствуется критериями эффективности речи и стремится оказать на адресата наиболее действенное эмоциональное и оценочное влияние.

3. В структуре концептуальной метафоры выделяются две разновидности импликаций – связанные с областью источника метафоры и связанные с областью ее цели. Если мы представим проекцию между областями как прямую линию «из точки А в точку В», то проекция между кругом их импликаций будет сетью, образованной многочисленными линиями, распределенными в тексте. Благодаря этим линиям, фрагменты текста находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Чаще всего в тексте эксплицитно представлена область цели и некоторые из ее импликаций. Актуализация в сознании реципиента импликаций области источника (или областей-источников) метафоры эффективна для создания связности и целостности текста на уровне передачи содержательной информации (для создания информативности текста) и на уровне оценки.

4. Импликации концептуальной метафоры – это компоненты смысла, как реализуемые в тексте вербально, так и подразумеваемые. Они соотносятся с представлениями о концептах, имеющимися в когнитивном поле говорящего. Текст связывается данными импликациями, как многочисленными и очень крепкими нитями.

5. При сопоставлении способов интеграции в тексте концептуальной метафоры и неметафорического окружения было выявлено, что реализуются две модели – модель их тождества и модель противопоставления. В моделях тождества метафорический смысл соответствует неметафорическому окружению. Оба элемента модели могут быть равноправными при выражении основного смысла текста либо один из них может доминировать. В моделях противопоставления наблюдается буквализация метафоры, и одно языковое выражение может быть интерпретировано как в метафорическом, так и в

прямом смысле (либо в разных метафорических смыслах). Модели противопоставления используются, если журналисту необходимо сформировать у читателя противоречивое восприятие информации, представленной посредством информативности текста, и показать, в соответствии с категорией модальности текста, причем скрыто, неявно, свое негативное отношение к описываемым фактам и вызвать такое же отношение у реципиента. Каждый из данных смыслов соответствует одному элементу неметафорического окружения и одновременно противоречит другому. Настоящие модели важны для развертывания текста. Они служат созданию его целостности и связности, а также участвуют в формировании прагматического эффекта. С помощью данных моделей автор текста транслирует читателю как явный смысл текста (в рамках категории информативности), так и скрытые смыслы и оценки (в рамках категории модальности).

ГЛАВА 3. КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ МЕХАНИЗМОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

3.1. Анализ текста «образцовой» структуры

Рассмотрев различные виды анализа функционирования концептуальной метафоры в газетном тексте (формирование тема-рематических структур, метафорических проекций, взаимосвязи импликаций метафоры, взаимодействие метафоры с неметафорическим контекстом), мы считаем необходимым произвести комплексный анализ целого текста, в котором попытаемся учесть все данные виды анализа. Такой анализ способен обеспечить комплексный подход к текстообразующей роли в газетном тексте концептуальной метафоры.

Отметим, что комплексный анализ текстообразования как процесса, основанного на каком-либо параметре, реализуемом посредством целого ряда составляющих (в нашем случае на развертывании концептуальной метафоры), редко становится предметом исследований лингвистов. В этой связи можно выделить работы М.Я. Дымарского, в частности, его монографию «Проблемы текстообразования и художественный текст» [Дымарский 2001], где автор рассматривает тема-рематическую структуру сверхфразового единства. Он выделяет понятие «сквозная тема-рематическая перспектива» [Там же: 88], подразумевая, что тема-рематические законы построения текста едины, и те тема-рематические модели и схемы, которые мы видим в начале текста, вполне распространяемы на его перспективное строение. Развертывание текста (сверхфразового единства) имеет, по мнению автора, сквозной характер и «поддерживается тема-рематической перспективой» [Там же: 241].

Рассмотрим текст статьи А. Десницкого «*Ненастоящее прошлое. Битва исторических обид*» (Газета.ру, 04.09.2019). В статье говорится о пропагандистском стремлении представить прошлое России как череду

сражений, в которых страна неизменно побеждала: *«Главное, конечно, рассказать, что на нас всегда все напали, но мы всегда всех побеждали и освобождали, а они все об этом вдруг забыли, сволочи неблагодарные».*

Для передачи этой мысли журналист использует в тексте целый комплекс концептуальных метафор: «противоположные осмысления истории – война» (военная метафора), «прошлое – ресурс» и «война – ресурс» (онтологические метафоры), «страна – локомотив» (железнодорожная метафора), «история – соревнование», «война – соревнование» (спортивная метафора), «история – живое существо» (онтологическая метафора), «история – схема» (технологическая метафора).

Значительное количество метафорических моделей, наименование области цели каждой из которых представляет собой рему, обусловило сложную тема-рематическую структуру рассматриваемого текста. Текст организован по «комплексной» образ-схеме, сочетающей различные модели построения текста: «веерную» модель, «параллельную» модель и модель «цепи». В этом тексте веерная структура представляет собой строение с повторяющейся стабильной темой и разными ремами. В структуре «параллельной» тема-рематические комплексы, разворачиваясь параллельно в схожих синтаксических конструкциях, как бы не зависят друг от друга внешне, но они привязаны к контексту. Особенностью модели «цепи» тема-рематической структуры является то, что «в продвижении содержания рема предыдущего высказывания становится темой последующего высказывания» [Бабенко 2004:310]. В каждом из этих случаев в тексте по-разному реализуется категория членности.

Приведем наиболее значимые фрагменты из текста, которые помогут понять способы развертывания концептуальных метафор в нем (шрифтом выделены метафорические выражения):

*В 1992 году вышла книга американского историка Фукуямы о конце истории. Если предельно упростить, ее смысл таков: демократия и либерализм окончательно победили во всем мире, так что **история как борьба***

наций, идеологий и личностей подошла к концу. <...>. Четверть века спустя отечественные охранители ответили на это «Ха!» и втянулись в **войну исторических нарративов**.

<...> **Великое прошлое – вот наша новая нефть**. Оно призвано стать **главным ресурсом и стеновым хребтом государства**.

<...> Поражение Третьего Рейха для немцев – повод не для скорби и уж тем менее для неуклюжего ревизионизма, а для благодарной радости: только после этого поражения могла появиться нынешняя **мирная и демократическая Германия, экономический локомотив Европы, а не ее оккупант**.

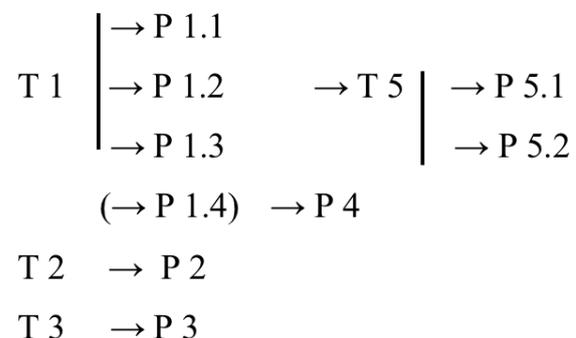
<...> **Живая история** гораздо интереснее **пропагандистской схемы**.

<...> Думаю, в недалеком будущем обе **мировые войны** будут видеться в Европе чем-то вроде **двух раундов Еврогражданской (Второй Тридцатилетней?)**, в ходе которой демократы и либералы победили милитаристов и расистов, причем не только в Германии, но и у себя дома.

<...> Самое печальное тут даже не в том, что перед соседями по глобусу неудобно. Такие **войны за историю** мешают прежде всего нам самим. Они предполагают, что у нашей страны невнятное, мутное настоящее и никакого внятного, интересного будущего, зато великое, блистательное, прекрасное прошлое, которое нужно всеми силами оберегать от нападков и при малейшей возможности повторять. Причем прошлое это – в основном история героических предков и их победоносных войн.

<...> Недавно на экраны вышел пронзительный и страшный фильм «Дылда» о Ленинграде осени 1945-го. О двух девушках, так и не вернувшихся с той самой войны, которой мы привыкли гордиться, отсылкой к которой привыкли отвечать на любые неудобные вопросы. <...> тех, кто твердит про «можем повторить», кто говорит о самой страшной в нашей истории **войне как о ресурсе** и поводе для гордости – водил бы на этот фильм строем и с песней, по три раза каждого.

Тема-рематическую структуру данного текста, отражающую использование к нем концептуальных метафор, можно представить следующим образом:

Здесь Т 1 – это тема, которую можно обозначить как «история (прошлое)» и которая является областью цели при центральном для статьи концептуальном проецировании: «противоположные осмысления истории – война», «прошлое – ресурс», «прошлое – основа». Она является основной в данном тексте, и для ее репрезентации применяется целый ряд метафор с различными ремами: Р 1.1 – «война» (*втянулись в войну исторических нарративов*), Р 1.2 – «ресурс» (*Великое прошлое – вот наша новая нефть*), Р 1.3 – «основа» (*Оно призвано стать <...> стеновым хребтом государства*). Данную структуру можно охарактеризовать как «веерную» модель. Она играет в тексте определенную роль для передачи смысла и формулировки вывода.

Параллельная связь устанавливается между Т 1 → Р 1.1 + Р 1.2 + Р 1.3 и Т 2 → Р 2 (*нынешняя мирная и демократическая Германия, экономический локомотив Европы, а не ее оккупант*). Параллельность проявляется в том, что нет тесной связи с описанной выше моделью с единой темой «история (прошлое)», однако в данном высказывании снова реализуется мысль о противостоянии различных интерпретаций исторических событий.

Аналогичным образом, параллельно присоединяется структура Т 3 → Р 3 (*обе мировые войны будут видаться в Европе чем-то вроде двух раундов Еврогражданской*). Эта спортивная метафора «война – соревнование» выражает мысль о том, что со временем, по прошествии десятилетий и

столетий после войны, у человечества появляется бесстрастное умение осмыслить историческое значение каждой конкретной войны и увидеть положительные результаты победы демократических сил. Параллельность проявляется в том, что в данном высказывании снова реализуется мысль о различных интерпретациях исторического прошлого.

Казалось бы, также параллельным способом присоединяется структура $T 4 \rightarrow R 4$ (*живая история интереснее пропагандистской схемы*), но на самом деле здесь снова имеет место развитие темы 1, причем обозначение истории как живого организма ставится в позицию темы как само собой разумеющееся для автора, а собственно в позицию ремы ставится предикат *интереснее*, что противопоставляет мнение автора тому пропагандистскому мнению, которое он также вводит как подразумеваемое, этот элемент мы обозначили на рисунке скобками: «история – схема».

Важной для понимания сути данного текста и его основной мысли является перемещение в позицию темы элементов текста, реализующих метафорическую модель «история – ресурс» (*такие войны за историю; тех, кто говорит о самой страшной в нашей истории войне как о ресурсе*), тогда как в позиции ремы оказываются оценочные суждения автора: $T 5 \rightarrow R 5.1$ *такие войны за историю мешают*; $T 5 \rightarrow R 5.2$ *тех, кто говорит о самой страшной в нашей истории войне как о ресурсе и поводе для гордости, водил бы на страшный фильм о войне* (подразумевается: чтобы переубедить), что мы наблюдаем в конце текста как вывод, как итог своеобразного метафорического рассуждения. Таким образом, в результате продуманной тема-рематической структуры с использованием метафорических фрагментов текст приобретает тематическую и идейную целостность.

При анализе данного текста с точки зрения метафорической проекции в нем отчетливо видна модель проекции экспансии, наиболее традиционная, наиболее эффективная и хорошо способствующая репрезентации авторских оценок по сравнению с другими моделями метафорической проекции, выделенными нами, такими как модель сокращения и модель параллельности.

Структура текста, где выстраивается модель экспансии, обычно такова: утверждение области цели – утверждение области источника – импликация области источника. В начале подобных текстов назван фрагмент области цели как главное содержание этого текста. Потом появляется область источника, отображающая абстрактное понятие области цели с помощью более конкретного и знакомого понятия. После утверждения области источника ее импликации распространяются радиально в целом тексте.

Основная область цели здесь – «история, осмысление войн и побед в прошлом». То есть для характеристики данного явления и его значения для мировоззрения русского народа и даже его менталитета собственно и создавалась статья. Основная область источника – «ресурс». Это очень важная для русского миропонимания область источника, так как страна богата природными ресурсами, в первую очередь нефтью, и подразумевается, что ресурсы очень важны, являются определяющими. Большая важность, заложенная в понятие «ресурс», помогает с его помощью оценить различные явления, в данном случае прошлое и конкретно – войну как элемент этого прошлого. Импликациями метафоры являются высказывания, которые поясняют область источника и делают более доступной для восприятия саму метафору «война в прошлом – ресурс». Они радиально распространяются в тексте, служат более точной передаче смысла и взаимосвязи текстовых фрагментов. Модель проекции экспансии данного текста можно представить схематически (рисунок 3.1).

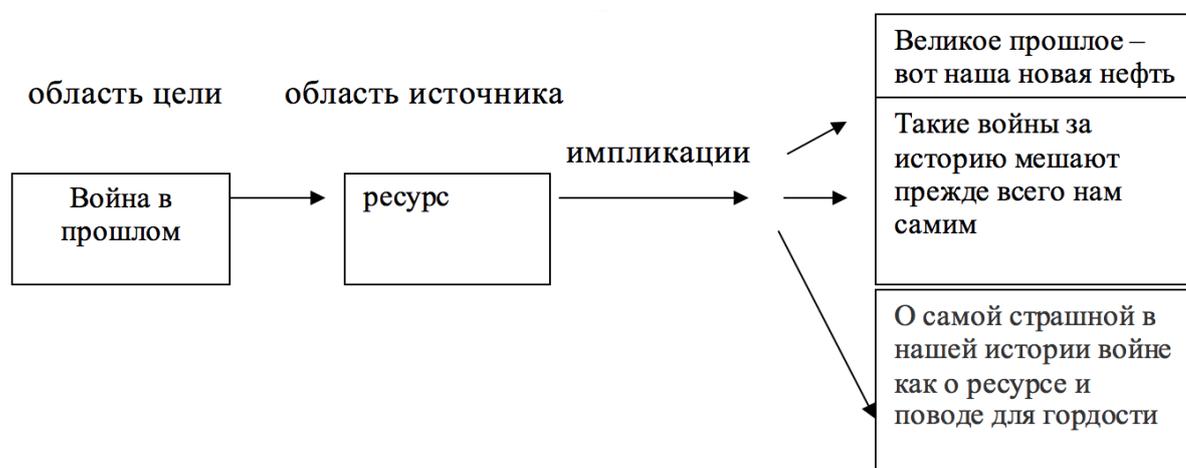

Рисунок 3.1 – Модель экспансии метафорической проекции

Для концептуальной метафоры и ее развертывания в тексте очень важны импликации, в процессе выявления которых отражается закрепленное в сознании человека соотношение между понятиями, явлениями и др. Импликации, понимаемые нами в концептуальном смысле, как следствия из концептуальных метафор, отражают знания и опыт людей, участвующих в создании и восприятии текста вообще и концептуальной метафоры в частности. Импликации связаны с сознанием говорящего, из которого они и извлекаются по мере надобности для характеристики того или иного явления, понимания и трактовки того или иного смысла.

В анализируемом тексте различные импликации не только появляются у говорящего и вместе с ним реципиента при движении от сферы-цели к сфере-источнику метафоры, но и играют значительную роль в формировании структуры текста, в его организации, обретении им членности, последовательности, информативности, целостности и связности.

К области источника «ресурс» можно отнести большое количество разнообразных импликаций, проецируемых говорящим и адресатом на область цели, например:

- Россия – страна с огромными природными ресурсами;
- нефть и другие природные ресурсы – огромное богатство;
- в обладании Россией огромными природными ресурсами есть справедливость;
- ресурсов много, и их можно свободно расходовать, не задумываясь о развитии других сторон экономики;
- экономика страны строится на ресурсном основании, это сырьевая экономика;
- так как ресурсов много, то развивать другие отрасли экономики, кроме ресурсной (передовые технологии, инновации, промышленность, сельское хозяйство), у многих нет никакого желания;
- использовать ресурсы, ничего не вкладывая, нечестно;
- сырьевую экономику в ближайшем будущем ждет крах.

В перечне импликаций отчетливо видны импликации двух оценочных групп: «Природные ресурсы России – это хорошо; благодаря им страна является великой, ее уважают в мире» (первые 5 пунктов) и «Природные ресурсы России – это случайный фактор; они тормозят развитие страны» (последующие пункты). В этом сложность анализируемого текста: концептуальная метафора, на основе которой он построен, может быть по-разному понята и, главное, оценена различными группами адресатов. В воспринимающей его аудитории явно будут те, кто придерживается позитивного взгляда на обладание Россией богатыми природными ресурсами, и те, кому это обладание кажется несправедливым и тормозящим развитие страны.

Поскольку импликации, относящиеся к области источника, автоматически переносятся говорящим и адресатом на область цели, то в целом в тексте актуализируется мысль, которую можно сформулировать следующим образом: «Война используется нами как ресурс подобно тому, как используется для организации экономики нефть и другие природные ресурсы – без понимания их истинного значения, без труда по их созданию. Вместо того чтобы производить какие-то новые ресурсы (что трудно, требует приложения энергии, ума, большого труда), используется (и не очень честно) уже имеющийся ресурс, данный исторически (состоявшиеся в разное время войны)». Эта трактовка смысла опирается на негативный взгляд на ресурсное положение России, и это взгляд автора статьи, который он стремится донести до своих читателей, в первую очередь, с помощью метафорического проецирования. Однако среди читателей обязательно будут те, кто с ним не согласится и выработает собственную точку зрения: «Наши предки действительно победили в войне с фашизмом и спасли в той войне весь мир, который и сегодня должен, во-первых, быть нам за это благодарен, во-вторых, бояться нас, так как “можем повторить”. Забывать об этой и других войнах нельзя, а использовать эту память как ресурс вполне естественно».

Данное противостояние смыслов отчетливо присутствует в тексте, несмотря на то что позиция журналиста совершенно ясна и выражена однозначно. Именно это и делает статью очень интересной, проблемной, дискуссионной. Как нам кажется, проблема, заложенная в понятие «ресурс» и определяющая существование противоположных в оценочном плане импликаций, использована автором статьи осознанно.

Еще одним аспектом комплексного анализа развертывания концептуальной метафоры в газетном тексте является рассмотрение ее соотношения с неметафорическим окружением в пространстве статьи.

Метафора пронизывает все компоненты рассматриваемого текста, но не заполняет его. Значимое место в статье занимает неметафорическое окружение, от особенностей взаимодействия которого с метафорой зависит ее текстовое развертывание. На наш взгляд, взаимодействие метафорического контекста (*МК*) и неметафорического контекста (*НМК*) в тексте таково, что между ними устанавливаются отношения тождества (в отличие от другого возможного типа отношений – отношения противоположности). Каждому компоненту основной метафоры «война в прошлом – ресурс», представленной в тексте, соответствует симметричное неметафорическое окружение, роль которого – пояснить, проиллюстрировать значение той или иной частной метафоры или основной метафоры текста.

В тексте метафорические элементы представлены как тезисы, которые затем последовательно (в соответствии с текстовой категорией последовательности) разъясняются с помощью неметафорических. Разъяснения более многословны, поэтому по объему *НМК* больше *МК*, однако по распространению в тексте, по текстообразующей роли они тождественны. На рисунке 3.2 представлена схема, отражающая отношение *МК* и *НМК* в статье. Здесь приведены только основные элементы *НМК*.

Метафора	Неметафорическое окружение
<ul style="list-style-type: none"> • «история – война» (Заголовок «<i>Битва исторических обид</i>», «<i>история как борьба наций</i>) • «прошлое – ресурс» («<i>Великое прошлое – вот наша новая нефть. Оно призвано стать главным ресурсом и стеновым хребтом государства</i>») • «история – схема» («<i>Живая история гораздо интереснее пропагандистской схемы</i>») 	<p style="text-align: center;">=</p> <ul style="list-style-type: none"> • История человечества связана с войной («<i>пятьсот с лишним лет тому назад русские победили татар на реке Угре</i>», «<i>семьсот пятьдесят лет назад татары победили русских</i>», «<i>кажется, никакого более важного дела для всей нашей страны просто не существует...</i>») • Чтобы использовать силу истории, можно трактовать прошлое так, как хочется («<i>Главное, конечно, рассказать, что на нас всегда все нападали, но мы всегда всех побеждали и освобождали, а они все об этом вдруг забыли, сволочи неблагодарные</i>») • Пропаганда предлагает ряд устойчивых трактовок исторических событий («<i>И если такая схема еще может быть объяснена нуждами государств, относительно недавно возникших на карте, то Россия с ее более чем тысячелетней историей в примитивных агитках точно не нуждается</i>»)

Рисунок 3.2 – Модель тождества $MK = НМК$

Модель тождества $MK = НМК$ очень эффективна как с точки зрения текстообразования, так и с позиций воздействия на восприятие читателя. Она помогает журналисту вводить метафорические аргументы последовательно (соблюдая требования категории последовательности текста), подробно и убедительно разъясняя каждый с помощью неметафорического окружения и лишь затем следуя далее.

Очень активно в тексте представлена лексика, связанная с войной. Это объясняется тем, что «война» – это одновременно и область источника в метафоре «противоположные осмысления истории – война» и область цели в

метафоре «война – соревнование» и в метафоре «война в прошлом – ресурс». Это слова и выражения: *битва*, «*демократия и либерализм окончательно победили*», «*борьба наций, идеологий и личностей*», «*втянулись в войну*», «*русские победили татар*», «*татары победили русских*», «*памятные даты Второй мировой*», «*для общей победы*», «*в развязывании Второй мировой*», «*жертвы карельского Сандармоха*», «*финским оккупантам*», «*историю Катынских расстрелов*», «*на нас всегда все нападали, но мы всегда всех побеждали и освобождали*», «*не то, как семьдесят пять лет назад англичане и американцы побили немцев после того, как немцы побили поляков и французов*», «*объединенные силы демократии победили нацизм*», «*поражение Третьего Рейха*», «*после этого поражения*», *оккупант*, «*обе мировые войны*», «*демократы и либералы победили милитаристов и расистов*», «*“нашенские” побили “ихних”, и всегда бивали, и будут бить впредь*», «*две мировых войны (или единая Еврогражданская)*», «*от этой кровавой архаики*», «*нас оккупировали*», «*Грузия была захвачена*», «*называется не оккупацией, а аннексией*», «*оккупирован Израилем*», «*в яркой взаимной вражде*», «*наша территория была оккупирована*», «*мундир гренадера*», «*красное знамя*», «*в Первой мировой, революции, гражданской и Второй мировой*», «*добровольно сражались*», «*войны за историю*», «*история героических предков и их победоносных войн*», «*о Ленинграде осени 1945-го*», «*не вернувшихся с той самой войны*», «*“перейти на мирные рельсы”*», «*ходить строем*», «*о самой страшной в нашей истории войне*», «*строем и с песней*». Только слово *война* звучит в тексте 7 раз, столько же раз использован корень *побед-* в составе слов *победили, победа, победоносный*.

Хотя в большинстве случаев данные слова и выражения используются в прямом значении и связаны с наименованием реалий войны, они одновременно относятся и к метафоре, и к неметафорическому окружению, представляя собой те единицы, на основе которых формируется пространство текста.

Рассмотренный текст является в достаточной степени образцовым в плане его метафорической структуры и особенностей развертывания концептуальной

метафоры. Тема-рематическая структура отличается сочетанием параллельной модели и модели «цепи» и дает возможность выделения в структуре текста наиболее значимой метафоры «война – ресурс»; метафорическая проекция имеет черты проекции экспансии; импликации представлены набором суждений противоположной оценки, что определяет высокую проблемность содержания и положительно влияет на читательский интерес; метафора и неметафорическое окружение взаимодействуют по модели тождества. Журналистом умело использованы текстообразующие возможности концептуальной метафоры, и в результате сформировался текст с четкой структурой, имеющий значительный воздействующий потенциал, эффективно представляющий категории членимости, последовательности, информативности, целостности и связности текста.

Итак, первый рассмотренный текст является в достаточной степени образцовым в плане его метафорической структуры и особенностей развертывания концептуальной метафоры. Тема-рематическая структура отличается сочетанием параллельной модели и модели «цепи» и дает возможность выделения в структуре текста наиболее значимых метафор «противоположные осмысления истории – война» и «прошлое – ресурс»; метафорическая проекция имеет черты проекции экспансии; импликации представлены набором суждений противоположной оценки, что определяет высокую проблемность содержания и положительно влияет на читательский интерес; метафора и неметафорическое окружение взаимодействуют по модели тождества. Журналистом умело использованы текстообразующие возможности концептуальной метафоры, и в результате сформировался текст с четкой структурой, имеющий значительный воздействующий потенциал.

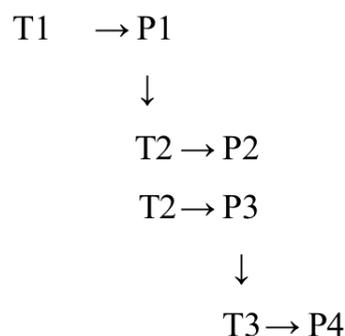
3.2. Анализ текста «проблемной» модели

Рассмотрим с точки зрения функционирования концептуальной метафоры еще один текст, в котором способ развертывания метафоры и формирования на ее основе текста будет несколько иным.

Статья А. Колесникова «*Заборный протест*» (Газета.ру, 16.04.2019) посвящена теме запрета на протесты граждан, вопросу о новых законах, издаваемых по этому поводу, и реакции простых людей на данные законы. Ее подзаголовок «*Андрей Колесников о том, как общество защищается от государства*» сразу же вводит в текст основную метафору: «отношение общества и государства – война».

В начале статьи журналист рассказывает о факте: на одном из интернет-ресурсов было опубликовано «*нечто, проявляющее неуважение к государству в неприличной форме*», объясняет, что нечто – «нанесенная на... стену нецензурная надпись» в адрес важных государственных лиц и что после публикации фотографии этой надписи на заборе ресурс сразу же был заблокирован, а соответствующая фотография мгновенно исчезла. Данный случай и становится поводом для обсуждения новых запретительных законов, издаваемых в современной России.

С точки зрения тема-рематической структуры текст организован по «комплексной» образ-схеме, в которой сочетаются модель цепи и параллельная модель:

Такая тема-рематическая структура в наибольшей степени соответствует основной функции данного текста – информативной (читатели получают

информацию о новых законах и способах их действия). Однако эта же структура способствует действию таких текстовых категорий, как последовательность и модальность: через последовательность приводимых аргументов журналист ведет читателя к пониманию собственной точки зрения, своего взгляда на происходящее.

T1 в данном случае – «отношения общества и государства» (область цели), а P1 – «война» (область источника). Способами языковой реализации данного соотношения темы и ремы являются выражения: *«общество защищается от государства»*, *«неуважение к государству в неприличной форме»*, *«государство вышло на него и уже действует – по закону или незаконно»*, *«все превентивно самоцензурируются и заранее разоружаются перед партией и правительством»*, *«Клишасом и его товарищами по законотворческому оружию»*, *«наказывать чиновников за неуважение к гражданам»*, *«ощетинившиеся охраной органы государственной власти и управления РФ всех уровней»* и др. Автором используется лексика, указывающая на агрессивное / защитительное поведение представителей разных сторон описываемого конфликта.

По модели цепи P1 «война» преобразуется в T2 «законы». То есть передается такая мысль: средствами (оружием) войны между государством и обществом становятся новые законы, которые принимаются государством. Данная тема реализуется в двух параллельных метафорах, то есть в комплексе с моделью цепи начинает включаться параллельная модель. T2 → P2 – это медицинская метафора «рестрикционные законы – эпидемия», T2 → P3 – экономическая метафора «новые законы – “золотая лихорадка”».

Согласно первой метафоре, действия государства (*«Вот уже шесть последних лет законотворчество идет преимущественно по пути политических ограничений»*) оцениваются журналистом как *«эпидемия рестрикционных законов»*. Эта метафора помогает журналисту сделать достаточно смелый вывод: *«...Эти законы еще и антиконституционны, в чем никогда в жизни не признаются те, в чьи обязанности входит осуществлять*

экспертизу предлагаемых к принятию нормативных актов». Для пояснения своей мысли и в качестве дополнительного аргумента журналист приводит пословицу *«Закон что дышло – куда повернешь, туда и вышло»*, вынесенную в сегмент текста, выделенный крупно. Таким образом он прибегает к такой категории текста, как интертекстуальность – отсылка к фоновым знаниям читателя. В рамках данной метафоры в тексте передается характеристика: *«Непроходимый абсурд бурного запретительного законотворчества последних лет»*. Сопоставление *«бурного запретительного законотворчества»* с эпидемией помогает подчеркнуть его быстроту, постоянное усиление и иррациональность.

Вторая метафора, относящаяся к области цели «законы», реализуется в тексте посредством следующих предложений: *«Мы привыкли всерьез оценивать эту невероятную регуляторную “золотую” (для некоторых) лихорадку. Потому что ее последствия крайне серьезны: люди в тюрьмы садятся, штрафы платят, катаются в автозаках»*. Автор транслирует таким образом мысль, что государство запрещает не только с целью собственно запрета, но и с целью пополнения бюджета с помощью штрафов за нарушение многочисленных запретов. Прибегая к выражению *«золотая лихорадка»*, журналист снова реализует в статье текстовую категорию интертекстуальности (данная текстовая категория является одной из основных в структуре текста и тесно связана с метафоризацией). Сочетание имеет значение ‘возбуждение, возникающее под влиянием жажды наживы в связи с открытием новых золотых россыпей’ [Федоров 2008: 347] и отсылает к фоновым знаниям читателя об ажиотаже, появлявшемся в местах, где в XIX веке находили золото, в первую очередь в Калифорнии.

Тема-рематическая структура T3 → P4 является завершающей и представляет собой формулировку вывода всего текста, которую можно представить следующим образом: *«забор – рупор народа»*. Вербально эта мысль передается фразой предпоследнего абзаца: *«Если каналы обратной связи власти с людьми перестают действовать или “текут” исключительно в*

одном направлении – от правоохранительных и надзорных органов к гражданину, но не обратно, основным средством этой обратной связи станет *забор*». Важнейшим элементом здесь является слово *забор*, с помощью которого итоговая часть текста связывается с начальной, в том числе с заголовком «Заборный протест», и образуется эффект кольцевой композиции как на вербальном, так и на смысловом, в том числе на метафорическом уровне.

Анализ моделей метафорической проекции в данном тексте показал, что здесь, как и в предыдущем тексте, представлена наиболее распространенная метафорическая модель – модель экспансии метафорической проекции. Все элементы текста (в том числе метафорические), в соответствии с данной моделью, подчинены цели расширения и уточнения основного смысла, транслируемого стержневой концептуальной метафорой.

Стержневой метафорой анализируемого текста является: «отношение общества и государства – война». Данная метафора и ее импликации представлены на рисунке 3.3.

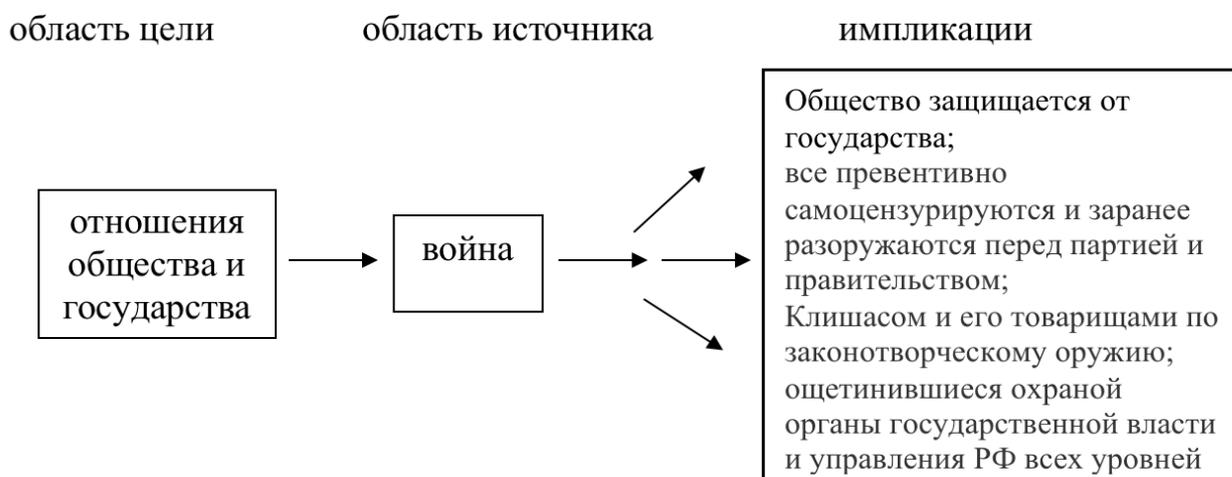

Рисунок 3.3 – Модель экспансии метафорической проекции

Импликациями метафоры являются высказывания, которые поясняют область источника. В данном тексте они равномерно распределены, то есть представлены в различных частях текста, показывая таким образом, что данная концептуальная метафора является основной в тексте, охватывает все его

пространство, получает все новые импликации по ходу развития мысли автора и одновременно с введением им в текст других метафор. Посредством модели проекции экспансии в тексте реализуется категория последовательности: каждая из импликаций является следующим звеном к цепи аргументов автора, одновременно служа убеждению читателя и связывая воедино компоненты текста.

Помимо вербально выраженных импликаций метафоры в тексте у сферы источника метафоры при его движении к области цели возникают имплицитные, подразумеваемые смыслы. Именно они становятся наиболее важными для понимания оценочного поля статьи и для формирования текстовой категории модальности.

В ходе развертывания структуры проекции экспансии, представленной на рисунке 3.21, в сфере области источника «война» формируются следующие импликации метафоры, проецируемые на область цели «отношения общества и государства»:

- война предполагает существование непримиримых противоречий между участниками, в данном случае – между обществом и государством;
- война предполагает насилие и навязывание противнику своей воли, ограничения его свободы;
- война начинается, если стороны не смогли или не захотели договориться;
- противостояние общества и государства не может быть равным: государство занимает заведомо более сильную позицию;
- государство ведет себя агрессивно и провоцирует ответные военные действия со стороны общества;
- законы становятся оружием в борьбе государства с обществом;
- общество вынуждено защищаться от государства;
- лишенное другого оружия, общество применяет в качестве оружия «заборный протест» – неприличные надписи на заборах.

Как видим, имплицитные смыслы способствуют более глубокому и точному пониманию мысли автора текста. Они становятся теми звеньями, с помощью которых интегрируются остальные компоненты текстового пространства, а также выражается важнейшая текстовая категория авторской модальности.

Особенно интересным в анализируемом тексте является способ интеграции метафоры и неметафорического окружения. Мы сталкиваемся здесь с моделью противопоставления, не так часто формируемой в современных газетных статьях.

Итоговый смысл противопоставляется начальной мысли, идее, которая кажется превалирующей в начале текста. В ходе развертывания метафоры формируется противоположная оценка описанного в ней явления, а элементы метафорической структуры текста становятся теми средствами, которые способствуют формированию противоположной мысли.

Сам заголовок текста *«Заборный протест»* кажется читателю изначально наполненным негативной коннотацией (в нем присутствует разговорная окраска, ирония и даже ассоциация с разговорно-сниженной лексемой *подзаборный*). Одновременно заголовок, с помощью лексики *протест*, несет информацию о том, что речь в статье пойдет о каком-то конфликте. Выражение, использованное в заголовке текста, призвано показать действия «заборных протестантов» с негативной стороны, тем более что они изображают на заборе *«нечто, проявляющее неуважение к государству в неприличной форме»*, и это нарушает закон.

При этом уже в первом абзаце заложена мысль о том, что не все так однозначно. Для этого автор использует начало в форме измененного прецедентного текста: *«Гул затих. “Пакет Клишаса” вышел на подмости...»*. Этот фрагмент является отсылкой к начальной строке стихотворения Б.Л. Пастернака «Гамлет»: *«Гул затих. Я вышел на подмости...»*, прекрасно знакомой (подразумевается, что это так, идет апелляция к фоновым знаниям, общему культурному фонду) читателям в исполнении В.С. Высоцкого. Данное

начало звучит и иронично (наблюдается стилистический контраст исходного и измененного текста), и настораживающе, поскольку стихотворение Б.Л. Пастернака наполнено непростыми мыслями и пессимистическим настроением: «*На меня наставлен сумрак ночи...*», «*Я один, все тонет в фарисействе...*».

Далее это противоречие разворачивается, углубляется с помощью метафор «рестрикционные законы – эпидемия», «новые законы – “золотая лихорадка”» и других языковых средств. Противоречиво, к примеру, выглядит утверждение о том, что «*Российская “правовая” система*» – это «*перевернутая иерархия*», в которой международное право находится не вверху, как это должно быть, а внизу, поменявшись местами с подзаконными актами. Противоречие обосновывается тем, что «перевернутых иерархий» не бывает, это нонсенс, оксюморон, поскольку тот элемент, который находится вверху, и является главным.

Интеграция метафоры и неметафорического окружения происходит, таким образом, по схеме: $НМК1 = M \leftrightarrow НМК2$. С помощью развернутой в тексте концептуальной метафоры, вывод из которой противоречит изначально формируемой, начиная с заголовка, идее, автор доносит до читателя свою мысль, причем не прямо, а опосредованно, то есть наиболее эффективно. Читателю кажется, что ему не дают готовой трактовки и он сам приходит к выводу.

Схематически такое соотношение M и $НМК$ мы представили на рисунке 3.4.

Рисунок 3.4 – Модель противопоставления $НМК1 = M \leftrightarrow НМК2$

Итоговая мысль «*Запрещено запрещать*» оказывается адресованной уже не простому, рядовому читателю, а тем представителям государства, которые могут стать читателями данного текста. Автор делает ее более доказательной, снова используя интертекстуальность как текстовую категорию: упоминает, что эта надпись была сделана «*по схожему поводу и тоже на стене, правда, в Париже*» и что это «*лозунг мая 1968-го*». Отсылка к событиям, представляющим собой массовый народный протест, который привел в мае 1968-го года к смене французского правительства, отставке президента Шарля де Голля, для осведомленного читателя выглядит даже как предупреждение журналиста о возможности серьезных последствий лишних запретов со стороны государства. В данном элементе текста, его финале, происходит смена адресата: автор пытается выйти на более высокий уровень, ведь данный пример понятен скорее опытному политику, чем рядовому читателю.

Итак, второй рассмотренный текст основным своим отличием от первого имеет взаимодействие метафоры и неметафорического окружения по модели противопоставления. Эта модель помогает автору сформировать в представлении читателя две противоположные мысли – о негативной и положительной оценках описанного в тексте явления (издания новых запретительных законов) – и создать условия, в которых читатель сам, как ему кажется, приходит к мысли о негативной оценке. Естественно, его к этому выводу подводит автор, причем непрямо, с использованием тема-рематической модели, сочетающей цепную и параллельную связь; введения в текст параллельно развертываемых метафор «рестрикционные законы – эпидемия», «новые законы – “золотая лихорадка”»; использования метафорической проекции экспансии и введения в текст целого ряда импликаций, негативно трактующих ведение военных действий, как в прямом, так и в переносном смысле. То есть усилия автора по репрезентации в тексте концептуальной метафоры направлены на то, чтобы текст стал максимально проблемным и читателя «самостоятельно» решал эти проблемы.

3.3. Анализ текста с разрушением метафоры

Концептуальные метафоры представляют собой устойчивые соотношения между областью цели (сопоставляемым объектом) и областью источника (образом метафоры), закрепленные в сознании носителей языка. Характер воздействия, которое оказывает журналист на адресата с помощью концептуальной метафоры, заключается именно в активизации этого устойчивого соотношения в когнитивном поле читателей и доказательстве с его помощью какой-то мысли автора текста.

Однако встречаются тексты, в которых не только происходит актуализация образного соотношения, но и доказывается его несостоятельность на данном этапе развития общества, политики и культуры. Выполним комплексный анализ одного из таких текстов. Это статья «*“Братья-славяне”*: почему Словакия выслала российских дипломатов» И. Половинина (11.08.2020).

Основную концептуальную метафору, которая легла в когнитивную основу публикации, мы видим уже в заголовке: «славяне – братья». Выражение «братья-славяне», или «братья славяне» является устойчивым. В его основе лежит «идея славянской общности как интегрирующей силы, призванной обеспечить не только самосохранение, но и дальнейший расцвет славянства...» [Ненашева 2006: 60]. Восходит метафора к представлениям о близком генетическом родстве славянских народов. Данное выражение, будучи помещенным в сильную позицию – начало заголовка – выделяется в тексте и в то же время привлекает к себе внимание использованными автором статьи кавычками, что наводит читателя на мысль о возможном переосмыслении выражения.

Речь в статье идет о политических отношениях между Россией и Словакией, то есть в качестве «братьев-славян» выступают в данном случае русские и словаки (хотя автор статьи сознательно не ограничивает количество

участников «братства», потенциально распространяя проблемы отношений между данными народами на отношения между всеми славянами вообще).

Рассмотрим тема-рематическую структуру подзаголовка статьи:

Словакия выслала трех российских дипломатов из-за дела об убийстве бывшего чеченского боевика, гражданина Грузии в Германии. Братислава заподозрила россиян в махинациях с визами, косвенно связанными с преступлением на немецкой территории. В ответ Москва пообещала принять зеркальные меры, выразив сожаление из-за недружественных шагов Словакии. При этом глава МИД РФ Сергей Лавров намекнул, что на решение Братиславы могли повлиять США.

T1 → P1.1
 →P1.2 ↓
 T2 → P2.1
 → P2.2

T1 – Словакия (Братислава), далее включается модель «контейнер» с двумя компонентами: P1.1 – «выслала трех российских дипломатов из-за дела об убийстве бывшего чеченского боевика, гражданина Грузии в Германии», P1.2 – «заподозрила россиян в махинациях с визами, косвенно связанными с преступлением на немецкой территории». В данной тема-рематической группе представлены два негативных действия Словакии, которые, по мнению автора статьи (пока не высказанному), несовместимы с представлениями о деятельности «братьев-славян».

Следующее предложение присоединяется к двум первым по образ-схеме «цепь», формально выраженной с помощью связочного элемента «в ответ». Здесь T2 – Москва (глава МИД РФ Сергей Лавров), а далее снова двукомпонентный «контейнер»: P2.1 – «пообещала принять зеркальные меры, выразив сожаление из-за недружественных шагов Словакии», P2.2 – «намекнул, что на решение Братиславы могли повлиять США».

Такая строгая по форме комплексная тема-рематическая модель, включающая два элемента со связью «контейнер», объединенных между собой

по модели «цепь», встречается в языке СМИ нечасто. Структурное сходство двух компонентов поддерживается также тем, что два языковых выражения T1 и T2 в обоих случаях связаны между собой отношениями метонимии.

При этом два одинаковых по форме компонента противопоставлены друг другу семантически: в первом говорится о действиях Словакии, во втором – об ответных действиях России. В целом же смысл подзаголовка сводится к тому, что образ «братьев-славян» оказывается разрушенным, причем в первую очередь по вине Братиславы, а Москва только была вынуждена предпринимать ответные меры. Стройность тема-рематической схемы служит дополнительным логическим средством убеждения адресата.

В дальнейшем тексте статьи указанная тема-рематическая модель продолжает разворачиваться: последовательно рассказывается о том, как Словакия разрушает образ «братьев-славян» в отношениях двух стран, а Россия вынуждена с этим мириться, не в силах что-либо сделать, но продолжая охранять мир в отношениях.

В конце статьи в виде параллельных конструкций приводятся сведения о еще двух славянских странах, которые выслали российских дипломатов, внося таким образом свой вклад в разрушение образа «братьев-славян»: *«Первой стала Болгария, которая объявила двух представителей российской дипломатии персонами нон-грата в январе. Следом за ней в июне те же меры приняли в Чехии».*

Интересным моментом является то, что развертывание тема-рематических цепей происходит без участия метафорических компонентов, вернее, в их компоновке присутствует только область цели концептуальной метафоры – «славяне» и описание действий славян, которые ведут, по мнению автора, к разрушению «братских» отношений между славянскими народами.

Рассмотрим далее метафорические проекции, которые выстраиваются в тексте.

В случае разрушения концептуальной метафоры наиболее распространенная модель экспансии метафорической проекции в своем

классическим варианте (область цели – область источника – импликации) оказывается не востребованной. Однако в тексте можно увидеть более редко используемый вариант экспансии метафорической проекции – «утверждение области источника – тщательное описание области цели», но в данном случае в виде – «**отрицание** области источника – тщательное описание области цели». Отрицание происходит, как уже было сказано, с помощью кавычек в названии «братья-славяне», которые с первых строк статьи, с ее заголовка, заставляют читателя задуматься о том, являются ли славяне на самом деле братьями.

Такой вид метафорической проекции можно назвать «обратной экспансии метафорической проекции». Представим ее в виде схемы на рисунке 3.5.

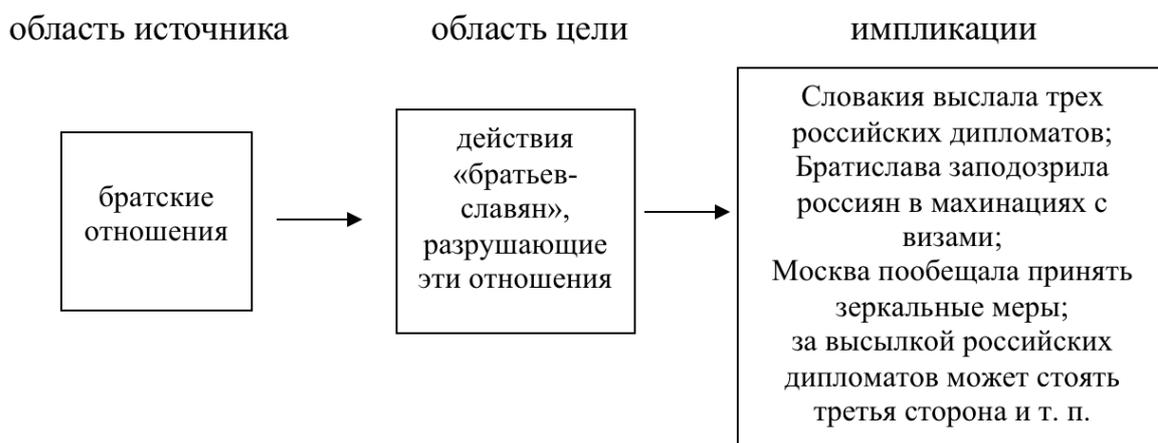

Рисунок 3.5 – Структура «обратной экспансии метафорической проекции»

Отметим, что импликации метафоры «братья-славяне», встречающиеся в тексте статьи, разнообразны. В схеме представлены те из них, которые описывают негативные действия славянских государств, разрушающие братские отношения между ними. В то же время в статье неоднократно приводятся описания действий и мнений славянских государств, которые их по-прежнему объединяют: «*Да, русские – наши **братья-славяне**, а Россия – наш торговый партнер*», «*у Москвы и Братиславы никогда не возникало политических проблем*», «*отношениях двух стран, которые в целом развиваются в достаточно позитивном ключе*», «*Между странами*

существует ряд точек соприкосновения по ключевым международным вопросам. В частности, Словакия, как и Россия, не признает независимость Косово, несмотря на мнение большинства стран Евросоюза по этому вопросу», «Товарооборот между Россией и Словакией также достаточно внушительный», «Мишустин приветствовал принципиальный настрой Братиславы на укрепление отношений с РФ вопреки международной конъюнктуре и констатировал их успешное развитие» и т. д.

Возникает противоречие, поскольку импликации, указывающие на разрушение метафоры «братья-славяне», вступают в противостояние с импликациями, описывающими положительные возможности в отношениях России и Словакии. На самом деле, положительные импликации необходимы автору статьи только для того, чтобы подчеркнуть негативный эффект от разрушения братских отношений и выделить «скрытую» причину этого негативизма – действия Госдепа США: *«Госдеп позитивно оценил действия Словакии», «руководитель пресс-службы ведомства Морган Ортэгус не только приветствовала решение Братиславы, но и похвалила страну за решение защитить свой суверенитет от угрозы “со стороны иностранных злоумышленников”».*

Данные вербально выраженные импликации относятся практически только к одной области – области цели метафоры, то есть представляют собой различные действия, которые совершают славяне. Они составляют, по сути, сам текст статьи, разворачиваясь во всех его компонентах. Схематически их можно представить на рисунке 3.б.

положительные импликации

Да, русские – наши братья-славяне, а Россия – наш торговый партнер;
 ...У Москвы и Братиславы никогда не возникало политических проблем; ...Отношениях двух стран... развиваются в достаточно позитивном ключе;
 Между странами существует ряд точек соприкосновения по ключевым международным вопросам;
 Товарооборот между Россией и Словакией также достаточно внушительный;
 Мишустин приветствовал принципиальный настрой Братиславы на укрепление отношений с РФ

отрицательные импликации

Словакия выслала трех российских дипломатов;
 Братислава заподозрила россиян в махинациях с визами;
 Москва пообещала принять зеркальные меры;
 Российская сторона оставляет за собой право на адекватные ответные меры;
 ...За высылкой российских дипломатов может стоять третья сторона;
 Болгария... объявила двух представителей российской дипмиссии персонами нон-грата в январе и т. п.

Госдеп
 позитивно
 оценил
 действия
 Словакии

Рисунок 3.6 – Вербальные импликации «обратной экспансии метафорической проекции»

В то же время в статье присутствуют импликации, которые являются вербально не выраженными и относятся к области источника – братским отношениям между славянскими народами. Автор уверен в том, что данные импликации несомненны для читателей и присутствуют в их культурном коде, иначе выражение «братья-славяне» не было бы помещено на первое место в статье. Это следующие импликации:

- славянские народы – братские народы, которые должны, как братья, помогать друг другу;
- братские связи помогают славянским государствам полноценно развиваться;
- братья-славяне противостоят всем остальным странам мира, и в этом их сила;
- если славянским народам плохо, то они зовут на помощь Россию;
- Россия всегда помогает братьям-славянам;

– сами же «братья» действуют больше на пользу себе и прийти на помощь России не спешат;

– времена настоящего славянского братства остались в XIX веке, а XX век разрушил отношения между «братьями-славянами».

Как видим, данные вербально не выраженные импликации, как и вербально выраженные, четко разделяются на положительные и отрицательные, сочетаясь таким образом друг с другом. И те, и другие служат в целом разрушению образа славянского братства и концептуальной метафоры «славяне – братья». Правда, особенность вербально выраженных импликаций области цели является то, что в качестве причины разрушения образа братских народов однозначно обозначены действия США, а в вербально не выраженных импликациях области источника эти причины связываются с действиями самих славянских народов (но не русских).

Еще один компонент комплексного анализа – сравнение метафоры и неметафорического окружения и выявление того места, которое они занимают в тексте. Как уже сказано выше, метафора представлена в тексте статьи ограниченным количеством языковых единиц, во-первых, в заголовке, во-вторых, в единственной фразе – цитате из выступления премьер-министра Словакии Игора Матовича: *«Да, русские – наши братья-славяне, а Россия – наш торговый партнер»*. Причем после этого предложения сразу же расположено противоположное по смыслу, разрушающее его значение предложение: *«Однако это не меняет того, что Словакия является суверенным государством, а не банановой республикой, где можно высмеивать дипломатические правила»*.

То есть равенства между *M* и *НМК* в структуре статьи не наблюдается, а неметафорическое окружение однозначно преобладает над метафорическими смыслами, более того, противостоит (противоречит) им, что и служит еще одним фактором разрушения метафоры. Негармонический характер соотношения *M* и *НМК* является одним из факторов текстообразования и раскрытия смысла статьи, посредством данного соотношения в тексте

репрезентируются в первую очередь категориальные признаки информативности (донесения до читателя информации) и модальности (формулировки отношения автора к отображаемым в статье событиям). Схематически это соотношение представлено нами на рисунке 3.7.

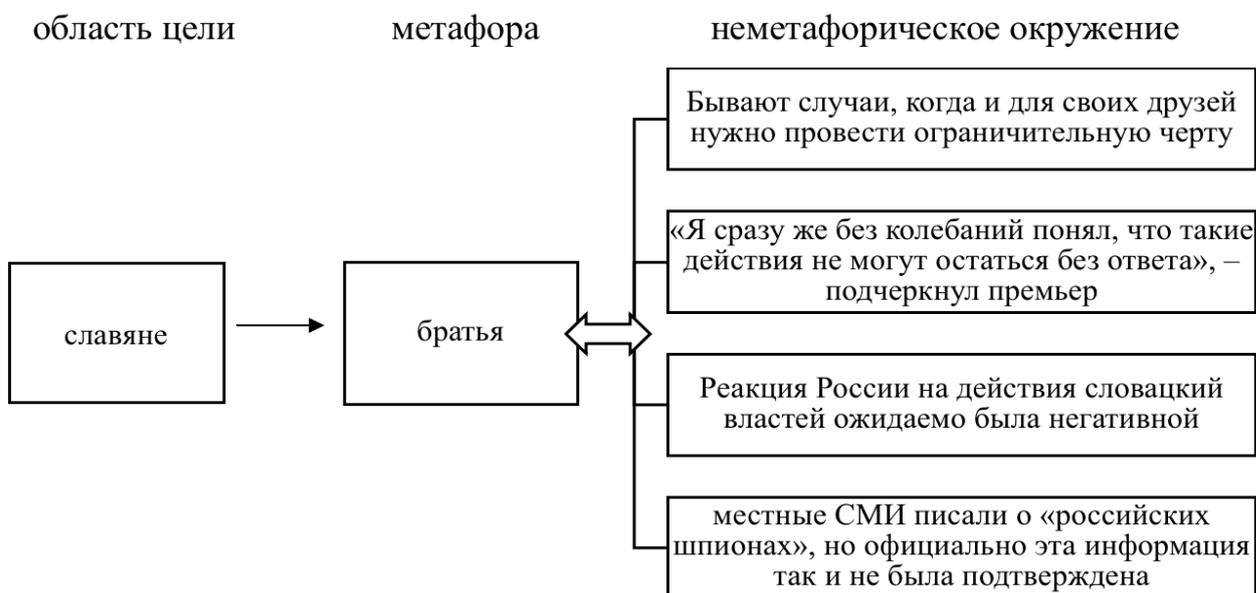

Рисунок 3.7 – Модель противопоставления $HMK = (M)1 M2 \leftrightarrow HMK$

Итак, все уровни комплексного анализа текстообразующей роли концептуальной метафоры, проведенного в данном параграфе, задействованы в том, чтобы заявленная метафора «славяне – братья» была разрушена в семантическом, эмоциональном и оценочном планах. Все компоненты развертывания концептуальной метафоры (комплексная тема-рематическая модель строгой схемы; вариант «обратной проекции экспансии» с отрицанием области источника и тщательным описанием области цели; противопоставление и противоречие между вербальными и невербальными импликациями; противопоставлением метафоры и неметафорического окружения) нацелены на то, чтобы у читателя закрепилось представление о ее несостоятельности на данном этапе развития отношений между славянскими государствами, причем одновременно сформировалось суждение о том, действия каких «третьих» стран способствуют разрушению братских отношений между славянами.

3.4. Анализ текста с чередованием концептуальных метафор

Поскольку концептуальные метафоры очень разноплановы по своим составляющим и разнообразны, то в тексте статьи СМИ редко встречается только одна метафора. Законы употребления концептуальных метафор авторами таковы, что они либо не используются вообще, либо используются, но тогда их чаще всего несколько. То есть мышление журналиста строится таким образом, что одна употребленная метафора влечет за собой использование второй и часто последующих. При этом концептуальные метафоры вступают в разнообразные соотношения между собой. Если эти соотношения выглядят схематично и метафоры просто технически сменяют друг друга, то имеет место проекция чередования метафор. Проанализируем текст такого типа. Это статья И. Хакамады «Победа либерального планктона» (08.10.2008).

В данном тексте мы видим три концептуальные метафоры:

- «основная масса либерального населения – планктон» (один раз она заменена на синонимичную с той же областью цели и схожей областью источника: «политически неактивные люди – болото»);
- «политика – игра»;
- «части политической партии – крылья».

Приведем фрагменты текста, демонстрирующие данные метафоры:

Победа либерального планктона (заголовок)

Исчезновение СПС – позитивное событие: карты раскрыты, сделаны новые ставки (подзаголовок)

...Между выразителями этих двух крайних позиций бескрайнее болото: люди, теоретически придерживающиеся рыночных взглядов, но не задумывающиеся о том, что при несоблюдении базовых принципов демократии рынок просто невозможен, а главное, не склонные на практике отстаивать

либеральные права и свободы и уж точно не готовые «идти за них на бой». Эту часть электората можно условно назвать **либеральным планктоном**.

...На протяжении всего существования партии идейное крыло неизменно проигрывало прагматичному.

...**Либеральный планктон** победил.

...Высшее федеральное руководство СПС в конечном счете шло за большинством. Как за большинством в электорате, определяемым тем самым **планктоном**, так и за большинством в региональных партийных отделениях.

Исчезновение СПС для меня ожидаемое событие и, как ни странно это прозвучит, довольно позитивное: **карты раскрыты, сделаны новые ставки**.

...Чубайсу дан шанс создать правое прокремлевское **крыло** в будущем парламенте...

...Пока во всей этой ситуации есть один явный победитель – **либеральный планктон**.

С точки зрения тема-рематической структуры основную часть текста можно охарактеризовать как построенную по «параллельной» образ-схеме: элементы текста мало связаны между собой специальными средствами связи, только образ «**либерального планктона**», проходящий через весь текст, от его заголовка до последнего абзаца, выполняет по сути роль связующего семантического компонента. Тема-рематическая модель всего текста выглядит следующим образом:

(Т1) → Р1

Т2 → Р2

Т3 → Р3.1

→ Р3.2 и т. д.

Данная модель комбинирует в себе элементы в первую очередь параллельной связи и образ-схему «контейнер». Так, Т1 (формально сначала не выраженная) – «средняя, неактивная часть электората», Р1 – «**либеральный планктон**». Т2 – «**исчезновение СПС**», Р2 – «**позитивное событие: карты раскрыты, сделаны новые ставки**». Т3 – «люди, теоретически

придерживающиеся рыночных взглядов», Р3.1 – «бескрайнее болото», Р3.2 – «либеральный планктон» и т. д. В целом дальнейшее строение текста выглядит основанным на аналогичной модели, в которой преобладающей связью является параллельная (механически объединяющая части текста).

Показательная особенность всех трех параллельно расположенных в начале текста рем в том, что они выражают область источника различных концептуальных метафор. Это либо различные области источника, либо повторяющиеся и более детально, подробно характеризующиеся. Именно параллельная связь как основная наилучшим образом выполняет потребности модели построения текста, основанной на чередовании концептуальных метафор.

Основным параметром характеристики данного текста является анализ типа метафорической проекции. Это ожидаемо оказывается модель чередования метафорической проекции. Представим ее на рисунке 3.8.

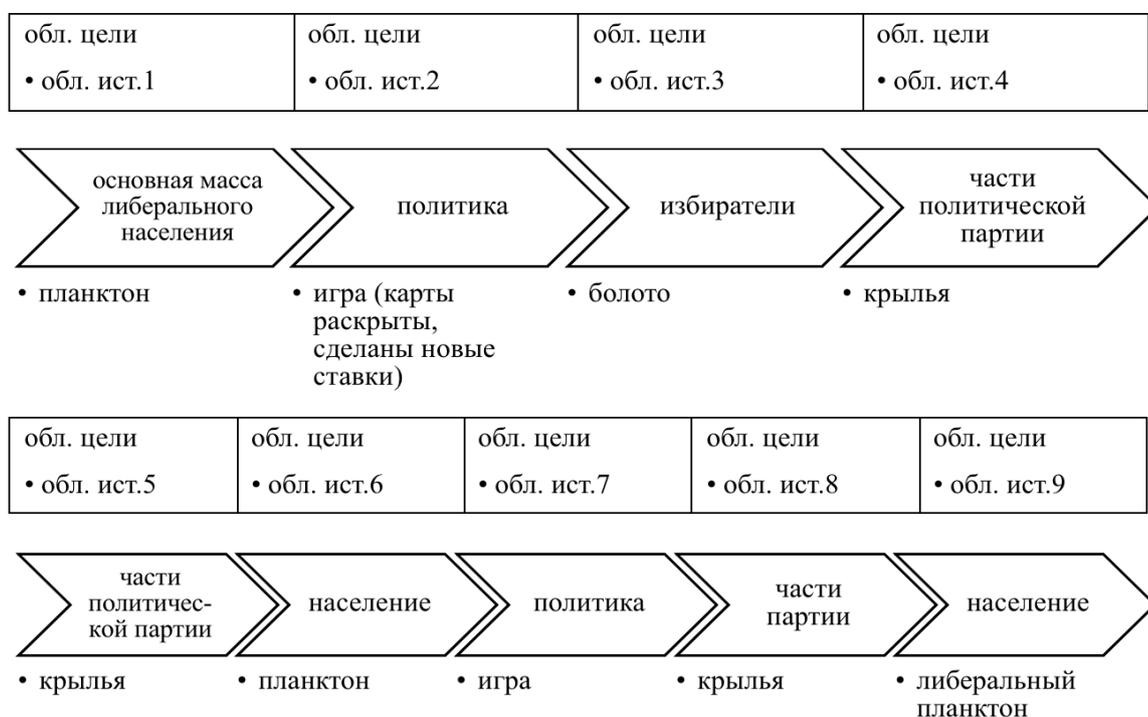

Рисунок 3.8 – Модель чередования метафорической проекции

Концептуальные метафоры достаточно равномерно распределены в пространстве текста. Несомненно, они являются звеньями структурной связи между элементами текста. Они чередуются друг с другом, последовательно сменяют друг друга и внешне связаны между собой хотя бы потому, что каждая из них использована в тексте как минимум два раза. Однако вопрос о необходимости каждой из входящих в пространство текста метафор именно в процессе анализа последовательных связей между ними начинает стоять особенно остро.

На наш взгляд, метафоры «политика – игра» и «части политической партии – крылья» являются в данном тексте случайными и только мешают развертыванию основной метафоры «основная масса либерального населения – планктон» («политически неактивные люди – болото»). Введение в текст других метафор только затрудняет восприятие основной мысли, доказываемой автором, – о политической пассивности основной массы населения страны, в связи с которой это население негативно характеризуется как «болото» и «планктон».

Если метафора «части политической партии – крылья» является стертой, языковой и в целом ее компоненты в тексте не мешают разворачиванию мысли автора, то метафора «политика – игра» – это очень сильная и образная метафора со значимыми для носителя языка невербальными импликациями, которая уже рассмотрена нами выше. В данном же тексте она выглядит как случайный элемент, тем более, что оба ее употребления оформлены одинаково в словесном плане (сравните большее разнообразие, которое наблюдается в репрезентации в тексте основной метафоры «основная масса либерального населения – планктон»).

Соответственно с этим и модель чередования метафорической проекции также выглядит случайной и не обоснованной метафорическим материалом, составляющим данную модель.

Поскольку эмоциональная окраска метафоры «основная масса либерального населения – планктон» («политически неактивные люди –

болото») является негативной, а сама характеристика с ее помощью области цели «народ» («население») – порицающей, то важными становятся те импликации области источника, которые существуют в сознании говорящих. Рассмотрим именно импликации данной метафоры, поскольку остальные, как уже показано нами выше, являются несущественными с точки зрения смысла текста. Это импликации:

- планктон не способен самостоятельно действовать, он дрейфует туда, куда несет его течение;
- планктон маленький, пассивный, безразличный ко всему и очень незначительный;
- планктона очень много;
- «офисный планктон» – это не очень умные и плохо работающие офисные работники;
- без планктона невозможна жизнь на планете, он первым начал вырабатывать кислород (импликация, присутствующая в концептуальном поле лишь некоторых носителей языка).

Основные импликации представлены на рисунке 3.9.

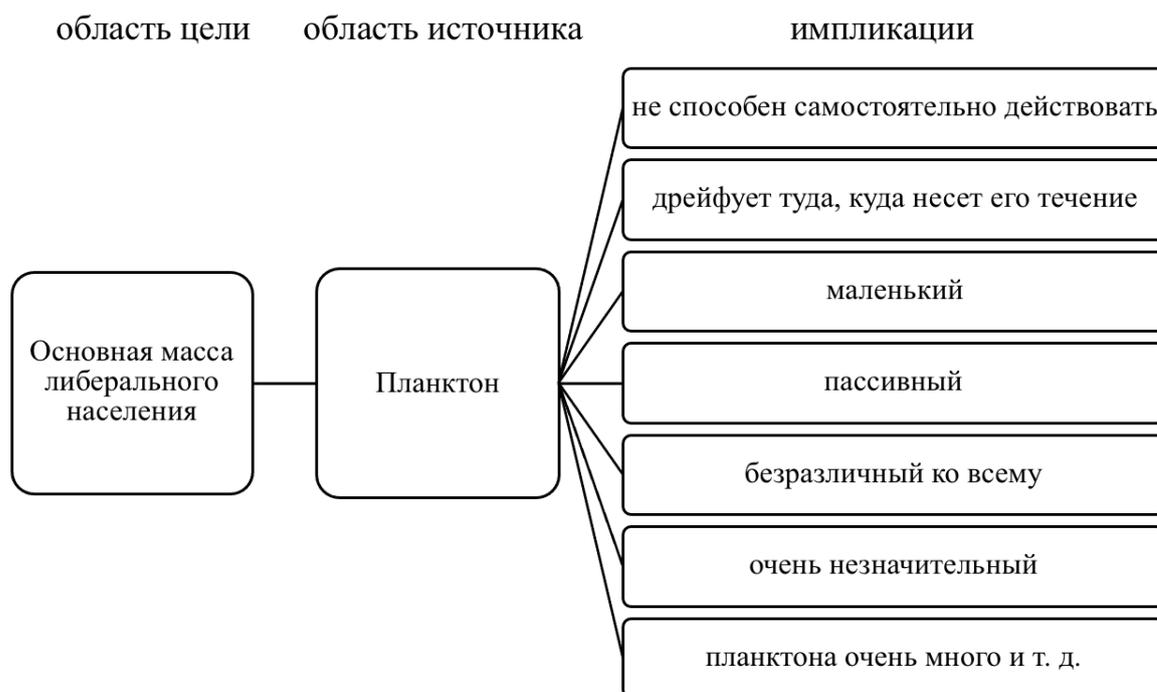

Рисунок 3.9 – Концептуальная метафора «люди – планктон» и ее импликации

Поскольку характеристика области источника автоматически распространяется в сознании адресатов на область цели, то данные негативные импликации начинают, по замыслу И. Хакамады, характеризовать неприятных ей людей – политически пассивных россиян. На них переносится раздражение политического деятеля по поводу распада возглавляемой ею политической партии – «Союза правых сил», то есть именно *«либеральный планктон»* подается в статье как виновник негативной политической ситуации, в которую попала автор статьи.

Схожие негативные импликации присутствуют у носителя языка по поводу области источника «болота», в одном из вариантов метафоры заменившем «планктон»:

- болото не движется, в нем застаивается и начинает смердеть вода;
- болото грязное;
- болото непроходимое и может затянуть того, кто в него ступил;
- в болоте влажно и некомфортно и т. д.

Создается парадоксальная ситуация: выбранные автором метафоры и их импликации (вполне однозначные для носителей языка и крайне негативные) способствуют тому, чтобы читатель начинает отрицательно относиться собственно к «либеральному планктону» и «болоту», которыми (он не может не понять этого) является он сам. Это достаточно сложный интеллектуальный и эмоциональный выбор, и вариантов решения проблемы у читателя может быть два:

- порицание планктона (отгораживание от него: «Я не планктон!») и, как следствие, эмоциональная поддержка И. Хакамады;
- оправдание планктона и порицание политика: «Она назвала меня планктоном! Сама не лучше! Не имеет права оскорблять простых людей! Правильно, что партия распалась!».

Как нам кажется, именно вторая реакция читателя была спровоцирована автором в большей части взаимодействий с ним. То есть своей цели –

очернения «либерального планктона» и привлечения новых сторонников к своей политической позиции – автор статьи не достигла. Причина этого – не очень успешное использование концептуальных метафор, отсутствие учета тех импликаций, которые они вызывают у носителей языка.

Рассмотрим также взаимодействие метафоры и ее неметафорического окружения. При этом опять же предметом нашего анализа станет главная концептуальная метафора текста: «основная масса либерального населения – планктон», поскольку остальные концептуальные метафоры, как мы уже показали, носят случайный характер, в силу чего вообще не связаны с неметафорическим окружением. Они «вставлены» в текст чисто технически, без выстраивания многочисленных, обязательных внутритекстуальных связей.

Думаем, что применительно к данному тексту можно говорить об одной из моделей тождества метафоры и неметафорического окружения. Компоненты *М* и *НМК* расположены достаточно симметрично, что можно представить на рисунке 3.10.

<i>М</i>	<i>НМ</i>
<ul style="list-style-type: none"> • <i>победа либерального планктона;</i> • <i>Между выразителями этих двух крайних позиций бескрайнее болото... Эту часть электората можно условно назвать либеральным планктоном;</i> • <i>Пока во всей этой ситуации есть один явный победитель – либеральный планктон;</i> 	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Уход Никиты Белых и присоединение СПС во главе с Леонидом Гозманом к кремлевскому проекту лояльной правой «оппозиции» лишь завершили процесс раскола партии, идущий с 2003 года;</i> • <i>люди, теоретически придерживающиеся рыночных взглядов, но не задумывающиеся о том, что при несоблюдении базовых принципов демократии рынок просто невозможен, а главное, не склонные на практике отстаивать либеральные права и свободы и уж точно не готовые «идти за них на бой»;</i> • <i>Что будет дальше – трудно сказать... Слово за новым поколением. И избирателей, и, возможно, политиков</i>

Рисунок 3.10 – Модель тождества $M = НМК$

Интеграция *М* и *НМК* настолько тесная, что в некоторых фрагментах текста эти части очень сложно отделить друг от друга: «Высшее федеральное

руководство СПС в конечном счете шло за большинством. Как за большинством в электорате, определяемым тем самым планктоном, так и за большинством в региональных партийных отделениях, набор которых чаще всего был замотивирован на карьерный успех, а не на демократические ценности». В результате анализа этой интеграции становится понятно, что для автора статьи важно назвать «либеральным планктоном» не просто основную, «серую» массу избирателей, но и (в первую очередь) своих бывших соратников по партии, обвинив их в карьеризме, приведшем к расколу СПС.

Анализ взаимодействия метафоры и неметафорического окружения позволил нам увидеть реального адресата и объект негативного отношения И. Хакамады – ее бывших политических союзников, ныне – противников. В свете данного открытия становится несостоятельным смысл, выраженный с помощью одной из метафор в подзаголовке: *«Исчезновение СПС – позитивное событие: карты раскрыты, сделаны новые ставки»*. Становится очевидно, что, говоря это, политик кривит душой: на самом деле она очень расстроена крахом СПС и даже обозлена на тех, кто, по ее мнению, является причиной этого («либеральный планктон»). Отметим, что считаем малоэффективным такое завуалированное обращение посредством газетного текста к нескольким политическим личностям, поскольку основными читателями текста являются именно «средние», малоактивные в политическом плане россияне, которые примерят образ «либерального планктона» на себя.

Итак, в рассмотренном тексте представлена еще одна интересная разновидность газетного текста с точки зрения характера развертывания в нем концептуальной метафоры. На первый взгляд, это текст с чередованием концептуальных метафор. Однако комплексный анализ текстообразующей роли данных метафор позволил сделать ряд интересных наблюдений. Мы выяснили, что из трех концептуальных метафор, чередующихся в тексте, две являются случайными и не играют никакой роли в развертывании текста, использованы схематически, без содержательной необходимости. Анализ же соотношения метафоры и неметафорического окружения позволил заметить, что в качестве

области цели метафоры в тексте выведен совсем не тот объект, который заявлен автором изначально. То есть выполненный нами комплексный анализ репрезентации концептуальной метафоры в газетном тексте способствует более глубокому пониманию его содержания и более верной оценке корректности его построения.

Выводы

1. Комплексный анализ развертывания концептуальной метафоры в структуре газетного текста позволил увидеть, что различные уровни анализа связаны между собой. Анализ, проведенный в разных аспектах, позволил проследить взаимовлияние развертывания метафоры и тема-рематической структуры текста, выявить импликации метафоры и их проявление в рамках метафорической проекции, установить связь метафоры с неметафорическим окружением, а в конечном итоге – понять авторские интенции журналиста.

2. Концептуальная метафора редко присутствует в тексте просто как случайный образный элемент. В силу своей глубокой опоры на сознание обоих субъектов коммуникации (порождающего и воспринимающего текст) она, как правило, развертывается в тексте, входит в соотношения с другими его элементами, образует с ними сложное структурное, смысловое, образное, эмоциональное и оценочное единство. Концептуальная метафора в тексте СМИ помогает журналистам не просто донести до читателя информацию (в соответствии с категорией информативности текста), но и определенным образом воздействовать на него (в соответствии с категорией модальности). Разнообразие текстовых реализаций концептуальной метафоры делает это воздействие каждый раз особенным и помогает журналисту достичь своих коммуникативных и прагматических целей.

3. Несомненно, основными текстовыми категориями, на формирование которых влияет концептуальная метафора в газетном тексте, являются целостность (цельность) и связность, поскольку элементы метафоры (область

цели и область источника, импликации), представленные в тексте посредством компонентов актуального членения (тем и рем), максимально эффективно взаимодействуют друг с другом, связывая таким образом части текстового пространства, делая поле текста целостным. Однако другие категории текста (информативность, членимость, интеграция, последовательность, модальность, интертекстуальность) также реализуются в тексте в зависимости от компонентов концептуальных метафор. Из них факультативной является категория интертекстуальности, поскольку она действует только в том случае, если автор вводит в текст прецедентные феномены, элементы фоновых знаний. Остальные текстовые категории представлены в текстах, в которых развертывается концептуальная метафора, на регулярной, обязательной основе.

4. Комплексный анализ текстообразующей роли концептуальной метафоры в тексте СМИ показал, что все элементы анализа (тема-рематическая структура, метафорические проекции, корреляции импликаций метафоры, интеграция метафоры и неметафорического окружения) взаимосвязаны и зависят от того, как именно расположена метафора (метафоры) в тексте, как они и их элементы (область цели, область источника, вербальные и невербальные импликации, неметафорическое окружение) связаны между собой. Выявлено несколько наиболее типичных текстов с точки зрения развертывания концептуальной метафоры: текст «образцовой» структуры (метафорическая проекция экспансии; стремление автора доказать с ее помощью определенную точку зрения на событие; противоположные импликации, на основе которых делается выбор оценки; тождество метафоры и неметафорического окружения и т. д.), текст «проблемной» структуры (противопоставление метафоры и неметафорического окружения; одновременно негативная и позитивная оценка явления; негативный характер импликаций; предоставление читателю права самому разобраться в проблеме и т. д.), текст с разрушением метафоры (вариант «обратной проекции экспансии» с отрицанием области источника и тщательным описанием области цели; противопоставление и противоречие между вербальными и невербальными

импликациями; противопоставление метафоры и неметафорического окружения; демонстрация читателям ситуации разрушения концептуальной метафоры как элемента привычного им когнитивного пространства; выявление «виновников» этого разрушения с тем, чтобы читатели осудили их действия), текст с чередованием концептуальных метафор (параллельная связь в основе тема-рематической структуры; модель метафорической проекции чередования; схематический характер чередующихся метафор, не все из которых оказываются необходимыми элементами структуры текста; неудачный характер подобранной основной метафоры и ее импликаций; упущение возможностей в оказании воздействия на читателя либо оказание не того воздействия, которое планировалось, и т. д.).

5. Работа с концептуальной метафорой как частью структуры текста требует от автора хорошего владения запасом концептуальных метафор, действующих в культурном коде носителя языка; понимания их импликаций, в первую очередь невербальных, скрытых; умения мастерски использовать метафоры, их импликации и неметафорическое окружение в организации текста и оказании воздействия на читателя.

6. Суть концептуальной метафоры такова, что она реализуется в пространстве текста. Будучи основанной на существующих в когнитивном поле личности концептах, метафора вбирает в себя представления говорящего, элементы его мировоззрения и картины мира, определенным образом организованные и транслируемые им слушателю/читателю. Организация концептуальной метафоры происходит на уровне текста и способами текста, посредством его структурных возможностей. Задействованной в данном случае оказывается и тема-рематическая структура, и метафорические проекции, и способы передачи импликаций метафоры, и взаимодействие элементов метафоры с ее неметафорическим окружением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной лингвистике исследование языка медиатекстов – одна из актуальнейших задач, с решением которых связана и данная диссертационная работа. Особенно важно рассмотреть те языковые инструменты, которые придают языку СМИ убедительность и позволяют журналистам достигать своих коммуникативных целей – оказывать воздействие на объект коммуникации. К числу таких инструментов относятся метафоры, среди которых выделяются концептуальные – связанные с мышлением человека, отражающие закрепленные в сознании индивида и в общественном опыте народа соотношения между концептами.

Концептуальные метафоры помогают говорящему апеллировать к имеющимся у человека фоновым знаниям, к его культурному коду и актуализировать этот код, задействовать его в процессе формирования у индивида представления о тех или иных явлениях, понятиях, действиях.

Теория концептуальной метафоры требует уточнения в плане ее текстовых реализаций и зависимости структуры текста от репрезентации в нем концептуальной метафоры. Это и стало целью данной работы.

В ходе проведенного исследования были **получены следующие результаты.**

Мы выяснили, что концептуальная метафора оказывает самое непосредственное влияние на структуру текста, от нее зависят не только содержательная сторона текста, семантика, смысл, но и его композиция, соотношение между его частями, а также между частями предложений в составе текста. В процессе развертывания концептуальной метафоры в тексте последовательно реализуются область источника метафорического значения и область цели. Способы развертывания данных составляющих концептуальной метафоры, их соотношение друг с другом и с другими элементами текста и определяют текстовое пространство, его структуру и композицию.

Построение текста зависит от того, какие именно концепты задействованы при построении концептуальной метафоры, в каких соотношениях и в какой последовательности находятся область источника и область цели, какая метафорическая модель используется говорящим, как выстраивается им метафорическая проекция, как реализуются в тексте эксплицированные элементы метафоры (область цели и область источника) и ее импликации и т. п.

Концептуальная метафора влияет на тема-рематическое строение предложения и текста. Область источника и область цели определяют выбор тема-рематической модели. Это могут быть модель цепи, центробежная модель, модель контейнера, параллельная и комплексная модели. От состава и количества компонентов концептуальной метафоры зависит, какую именно модель выберет говорящий в каждом конкретном случае. Область источника концептуальной метафоры занимает позицию ремы – новой информации, содержащейся в предложении или тексте. В тема-рематической схеме ее положение, как правило, последующее, после темы – уже известной информации (области цели). Если положение нарушается, и рема начинает занимать первое место, то она еще более выделяется в тексте, привлекая к себе внимание читателя и получая большую убеждающую силу. Категория информативности текста с помощью данного приема оказывается еще более эффективно представленной.

Различные тема-рематические образ-схемы позволяют говорящему преобразовать абстрактную идею в конкретную мысль, придать этой мысли определенное, хорошо понятное читателю выражение. Образ-схемы служат инструментами, позволяющими говорящему мотивировать рассуждения читателя, упорядочить и организовать его восприятие информации, причем сделать это так, чтобы воздействие на читателя, находясь в когнитивной области, стало максимально эффективным.

Каждая образ-схема отражает отношения между концептами, знакомые читателю, входящие в область его житейского, читательского, языкового и

вообще человеческого опыта. Она призвана связать уже имеющиеся у адресата знания с новыми и обратить на эти новые знания его особое внимание, акцентировать их. Находящиеся в позиции ремы метафорические смыслы выступают как новые знания, они одновременно удивляют, поражают и представляются логичными, полностью включенными в сферу нормального развертывания и обычного движения информационного потока, благодаря существованию в пределах тема-рематической модели.

Тема-рематическая структура текста и ее связь с компонентами концептуальной метафоры влияют на такие свойства текста, как целостность, связность, членимость. Структурные элементы, на которые членится текст, получают возможность быть связанными наиболее эффективно с целью обретения текстом целостности, последовательности и достижения большей информативности.

Область источника и область цели концептуальной метафоры – ее важнейшие составляющие части и в содержательном и в структурном планах. От соотношения между ними, от их взаимного расположения зависит структура текста. Между областью источника и областью цели выстраиваются метафорические проекции – различные соотношения. Нами рассмотрены такие метафорические проекции в тексте СМИ, как модель экспансии, модель сокращения, модель параллельности и модель чередования.

Метафорическое моделирование происходит одновременно в когнитивном пространстве личности и в пространстве текста. Проекция выступает как шифр, декодируя который, говорящий воспринимает соотношение между концептами и смысл концептуальной метафоры. Проекция заключается в неизбежности влияния области источника на область цели, проецировании источника на цель. Тем или иным образом располагая области источника и цели (а также их компоненты), журналист находит наиболее адекватное его задачам решение в построении текста. Метафорическая проекция позволяет передать читателю оценку и обеспечивает выполнение метафорой оценочной функции.

При разворачивании модели экспансии область цели тщательно и подробно утверждается, сопровождается импликациями; перед читателем раскрывается суть явления; область цели обладает большим объемом и более сложным составом. Структура проекции сокращения противоположна: больший объем присущ области источника, а область цели заявлена кратко, емко, веско и имеет характер вывода. В модели проекции параллельности области цели и источника расположены симметрично, примерно равны по объему и составу. При выстраивании проекции чередования области источника и цели последовательно сменяют друг друга, чередуются, и данное чередование, вкупе с многосоставностью структуры метафоры, усиливают воздействие на читателя. Журналист в каждом конкретном случае имеет возможность выбрать именно ту структурную модель проекции метафоры, которая наиболее соответствует его авторским интенциям.

Каждая из данных моделей способствует более тесной связности между компонентами текста, а их разнообразие служит целям устранения монотонности в передаче информации, получения текстом оригинальных особенностей, выделяющих его на фоне других текстов.

В структуре медиатекста значимыми элементами становятся импликации концептуальной метафоры, относящиеся как к области источника, так и к области цели. Импликации данных областей связаны между собою отношениями причины и следствия, взаимной обусловленностью. В первую очередь, область источника обуславливает область цели, однако обратная обусловленность также возможна. Импликации метафоры, связанные с областью источника, – это многочисленные ассоциации, имеющиеся в культурном фонде и жизненном опыте адресата текста и влияющие на особенности восприятия им метафорического смысла.

Импликации являются теми причинами, благодаря которым говорящий формирует ту или иную концептуальную метафору. То есть, выбирая образ, говорящий заранее оценивает связанные с ним импликации, которые имеются в когнитивном фонде носителей данного языка.

От расположения импликаций метафоры, как вербально выраженных, так и подразумеваемых, от того, таким образом они представлены в тексте, зависит его структура и взаимодействие его фрагментов. Импликации – вспомогательные элементы концептуальной метафоры, служащие уточнению ее основных элементов, однако именно посредством импликаций метафора получает и усиливает свое значение. Импликативные представления существуют в первую очередь не в тексте, а в сознании говорящего и адресата, причем они должны совпадать, то есть когнитивное поле коммуникантов должно быть единым, иначе коммуникативного взаимодействия не случится. Сам текст и развертывание в нем концептуальной метафоры направлены на извлечение данных импликаций из когнитивного поля обоих коммуникантов и их актуализацию. Чем более ответственно подошел журналист к формированию поля импликаций, тем больше у него шансов повысить информативность текста и его воздействующую на читателя силу.

Импликации в структуре концептуальной метафоры чаще поясняют область источника, уточняют его, наполняют его дополнительными смыслами. Иногда они даже могут относиться к подразумеваемому источнику, то есть участвовать в передаче скрытых смыслов. В итоге с помощью актуализации в тексте импликаций журналист имеет возможность неявного, ненавязчивого воздействия на сознание читателя, что особенно ценно в условиях переизбытка убеждающих текстов в СМИ и наличия внутреннего противодействия им со стороны читателей. Выбор же области источника, которая связана в сознании говорящих с противоречащими друг другу, проблемными импликациями с разной оценочностью, дает журналисту сделать текст дискуссионным.

Метафора в тексте не существует обособленно, она связана с остальными его элементами, которые можно обозначить как неметафорическое окружение. Связь с ними также может иметь разнообразную структуру и по-разному проявляться в тексте.

Связь по модели тождества, при которой метафора и неметафорическое окружение равны, равнозначны и схожи, по выражаемой оценке, – это их

продуманное симметричное взаимодействие, дополнение друг друга и слаженное сочетание. При отношениях по модели тождества метафора или неметафорическое окружение могут по объему структурно преобладать в тексте, доминировать, что связано со смыслом и идейным содержанием сообщения, однако в смысловом плане текст оказывается симметричным.

При реализации в тексте модели противопоставления метафоры и неметафорического окружения метафора или только один из метафорических смыслов противоречит основному тексту. Складываются сложные отношения между смыслом метафоры и основного текста, к примеру, неметафорическое окружение может опровергать смысл метафоры; появляется неоднозначная оценка явления или ситуации; формируется наиболее эффективное не прямое воздействие на читателя.

Сложность текстовой реализации концептуальной метафоры связана со сложностью человеческого мышления, составным элементом которого она является. Однако именно эта сложность обеспечивает концептуальной метафоре эффективность воздействия на адресата текста, прагматическую силу, коммуникативную действенность.

Исследование концептуальных метафор как элементов текста СМИ, встроенных в его структуру, является перспективным и должно быть продолжено. **Рекомендации, перспективы дальнейшего исследования** данной проблематики видятся в следующих направлениях: заслуживают внимания исследователя основные концептуальные модели и закономерности их текстовой реализации, а также зависимость построения текста от конкретных концептов, к которым апеллирует метафора, и другие вопросы.

Библиографический список

1. Агафонова, О.И. Метафорическая модель «Politics is animal world» в политическом дискурсе (на материале американских и британских интернет-СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Белгород, 2012. – 22 с.
2. Агеев, В.Н. Семиотика / В.Н. Агеев. – М.: Весь Мир, 2002. – 256 с.
3. Адмони, В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В.Г. Адмони. – М.: Наука, 1955. – 390 с.
4. Андрюхина, Т.В. Когнитивно-дискурсивные аспекты цветовой политической метафоры / Т.В. Андрюхина // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников: Мат. науч.-практ. конф. – М.: МГИМО, 2013. – С. 73-80.
5. Антошина, Д.В. Термин «импликация» и его аналоги в прагматике / Д.В. Антошина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 7-1 (85). – С. 97-102.
6. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 444 с.
7. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И.В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.
8. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебное пособие / И.В. Арнольд. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 384 с.
9. Артамонова, А.А. Употребление концептуальных метафор в современных медиатекстах с тематической доминантой «женское здоровье» / А.А. Артамонова // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее: Сб. мат. XIV Регион. науч.-практ. конф. – Тула: ТГПУ, 2018. – С. 3-6.
10. Арутюнова, Н.Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 279.
11. Арутюнова, Н.Д. Теория метафоры / Ред.: Н.Д. Арутюнова, М.А. Журинская. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.

12. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник: практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.
13. Баранов, А.Н. Предисловие редактора / А.Н. Баранов // Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 3-13.
14. Барт, Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 442-449.
15. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Сов. Россия, 1979. – 318 с.
16. Беглова, Е.И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи: монография / Е.И. Беглова. – М.: Моск. гос. областной ун-т; Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. акад., 2007. – 353 с.
17. Бельчиков, Ю.А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации / Ю.А. Бельчиков // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 66-74.
18. Бельчиков, Ю.А. Лексическая стилистика. Проблемы изучения и обучения / Ю.А. Бельчиков. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 176 с.
19. Бельчиков, Ю.А. Стилистика и культура речи / Ю.А. Бельчиков. – М.: УРАО, 2000. – 160 с.
20. Белютин, Р.В. Ориентационная метафора «верх – низ» в спортивном дискурсе (на материале немецкого языка) / Р.В. Белютин // Известия Смоленского государственного университета. – 2010. – № 4 (12). – С. 186-192.
21. Бернштейн, С.И. Язык радио / С.И. Бернштейн. – М.: Наука, 1977. – 47 с.
22. Биджиева, А. Флористическая метафора и картина мира / А. Биджиева // *Lingua-universum*. – 2007. – № 5. – С. 56-57.

23. Билоус, Л.С. Textoобразующая роль метафоры (на материале американской научно-фантастической литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2001. – 20 с.

24. Бирдсли, М. Метафорическое сплетение / М. Бирдсли // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 210-305.

25. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры; сост. Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153-172.

26. Богусевич, Д.Г. Прагматическая исследовательская парадигма / Д.Г. Богусевич // Методология исследований политического дискурса. Вып. 1 / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск, 1998.

27. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: учебное пособие / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – 123 с.

28. Будаев, Э.В. Метафора в политической коммуникации: монография / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: Флинта, 2004. – 248 с.

29. Будаев, Э.В. Метафора в политическом интердискурсе: монография / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2006. – 208 с.

30. Будаев, Э.В. Сопоставительный анализ политической метафоры / Э.В. Будаев // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2009. – Т. 67. – № 3. – С. 106-114.

31. Быкова, Л.В. Функционирование развернутой метафоры в современной прессе / Л.В. Быкова, А.Н. Таджибова // *Litera*. – 2018. – № 4. – С. 125-137.

32. Вайнрих, Х. Текстовая функция французского артикля Х. Вайнрих // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 370-387.

33. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

34. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2004. – 173 с.

35. Ван Цзянин. Взаимосвязи импликаций метафоры при построении текста / Ц. Ван, Т.М. Воронина // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: Мат. докл. и сообщ. Междунар. научн. конференции. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – С. 296–304.

36. Ванников, Ю.В. К обоснованию общей типологии текстов, функционирующих в сфере научно-технического перевода / Ю.В. Ванников // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. – М., 1984. – С. 15-26.

37. Васильев, А.Д. Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении: монография / А.Д. Васильев. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2000. – 166 с.

38. Васильева, А.Н. Газетно-публицистический стиль. Курс лекций по стилистике для филологов / А.Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1982. – 198 с.

39. Васильева, А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия. Разговорно-обиходный стиль речи / А.Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1976. – 239 с.

40. Виноградов, В.В. Стиль Пушкина / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1941. – 620 с.

41. Виноградов, В.В. Основные задачи изучения синтаксиса простого предложения / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 1. – С. 12-18.

42. Виноградов, В.В. Проблемы русской стилистики: учебное пособие / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1981. – 320 с.

43. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. – М.: Высш. шк., 1991. – 445 с.

44. Волкова, Р.А. Концептуальная метафора «жизнь» в художественном тексте / Р.А. Волкова // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации – 6: Мат. Междунар. научн. конф. – Майкоп: АГУ, 2018. – С. 368-372.

45. Володина, М.Н. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке: монография / М.Н. Володина. – М.: Академ. проект, 2011. – 333 с.

46. Воробец, Т.А. Буквализация метафоры как прием языковой игры в поэзии нонсенса (на примере произведений Э. Лира) / Т.А. Воробец // Социально-гуманитарные исследования: Сб. науч.-метод. тр. – М.: Перо, 2017. – С. 298-304.

47. Гаглоева, Э.Х. Лексические новообразования в русской периодической печати 80–90-х гг. XX в.: автореф. дис. ... кандид. филол. наук: 10.01.10. – Волгоград, 1996. – 21 с.

48. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте; отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.

49. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.

50. Гаузенбляз, К. О характеристике и классификации речевых произведений (discourses) / К. Гаузенбляз // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 57-78.

51. Гиляревский, Р.С. Текст как элемент информационной технологии / Р.С. Гиляревский // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 21-27.

52. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2000. – 190 с.

53. Глотова, Е.Ю. Метафора как средство вербализации авторской концепции: когнитивно-дискурсивный аспект (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ростов-на-Дону, 2010. – 24 с.

54. Гончаренко, В.В. Фреймы для распознавания смысла текста / В.В. Гончаренко, Е.А. Шингарева. – Кишинев: Штиинца, 1984. – 198 с.

55. Горбунов, А.П. Образные средства газеты: учебно-метод. пособие / А.П. Горбунов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 62 с.

56. Горшков, А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учебник / А.И. Горшков. – М.: АСТ, 2006. – 367 с.

57. Градюшко, А.А. Основы интернет-журналистики: учебно-метод. комплекс / А.А. Градюшко. – Минск: БГУ, 2012. – 152 с.
58. Грановская, Л.М. Русский литературный язык в конце XIX-XX вв. Очерки / Л.М. Грановская. – М.: ЭЛПИС, 2005. – 446 с.
59. Давыдова, А.Р. Тема-рематическая организация текста газетных сообщений / А.Р. Давыдова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 16. – № 40. – С. 55-61.
60. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
61. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-21.
62. Добровольский, Д.О. Образная составляющая в семантике идиом / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71-94.
63. Добросклонская, Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов / Т.Г. Добросклонская. – М.: МАКС-пресс, 2000. – 287 с.
64. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебное пособие / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта, 2014. – 264 с.
65. Дресслер, В. Синтаксис текста / В. Дресслер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 111-137.
66. Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Пробл. семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе; Отв. ред. И.Т. Левыкин. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
67. Дубинец, З.А. Семантико-когнитивные особенности физиологической и морбиальной метафор в современной прессе / З.А. Дубинец // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 37. – С. 459-465.

68. Дускаева, Л.Р. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров / Л.Р. Дускаева // Жанры речи. – 2014. – № 1-2 (9-10). – С. 50-57.

69. Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.) / М.Я. Дымарский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.

70. Жамсаранова, Р.Г. Дискурсивные особенности национального текста / Р.Г. Жамсаранова // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2019. – № 4. – С. 22-27.

71. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М., 1982. – 159 с.

72. Зарипов, А.Р. Экономическая метафора в спортивном дискурсе: когнитивно-дискурсивный аспект / А.Р. Зарипов // Научные исследования и разработки: Мат. XIX Междунар. науч.-практ. конф. – Астрахань: Олимп, 2017. – С. 44-47.

73. Засурский, Я.Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции / Я.Н. Засурский // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 3-11.

74. Звездина, Ю.В. Метафора в повествовании: композиционно-языковой аспект (на материале современной русской прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Улан-Удэ, 2011. – 25 с.

75. Земская, Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества / Е.А. Земская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 23-31.

76. Зильберман, Л.И. Лингвистика текста и обучение чтению английской научной литературы / Л.И. Зильберман; Отв. ред. Р.Г. Синев. – М.: Наука, 1988. – 156 с.

77. Зильберт, Б.А. Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты / Б.А. Зильберт. – Саратов, 1986. – 210 с.

78. Золотова, Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста / Г.А. Золотова // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 113-133.

79. Иордан, К.С. К вопросу об использовании политической концептуальной метафоры в политическом дискурсе для создания образа страны в СМИ / К.С. Иордан // Проблемы формирования единого научного пространства: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: Аэтерна, 2017. – С. 32-35.

80. Исаева, Е.В. Модели метафоры в дискурсе компьютерной безопасности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Пермь, 2013. – 19 с.

81. Кайда, Л.Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию: учебное пособие / Л.Г. Кайда. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 206 с.

82. Какорина, Е.В. Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени (трансформация семантико-стилистической сочетаемости): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1992. – 20 с.

83. Какорина, Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) / Е.В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 67-89.

84. Калугина, Ю.В. Когнитивные ориентационные метафоры в экономических текстах (на материале англоязычной прессы) / Ю.В. Калугина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 17 (271). – С. 76-79.

85. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 261 с.

86. Кацнельсон, С.Д. Язык поэзии и первобытнообразная речь / С.Д. Кацнельсон // ИАН ОЛЯ. – 1947. – Т. VI. – Вып. 4. – С. 303-316.

87. Керимов, Р.Д. Климатические метафоры в немецком политдискурсе (лингвокогнитивный аспект) / Р.Д. Керимов // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2014. – Т. 1. – № 2 (2). – С. 68-74.

88. Кириллова, Н.О. Метафорическое моделирование речевой ситуации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Самара, 2008. – 19 с.

89. Клушина, Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг.): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.10. – М., 2008. – 50 с.

90. Клушина, Н.И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты / Н.И. Клушина // Русская речь. – 1996. – № 5. – С. 36-41.

91. Клушина, Н.И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Н.И. Клушина // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2011. – С. 25-33.

92. Клушина, Н.И. Семантические и стилистические изменения в лексике современной газеты (на материале газет 1989-1994 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – М., 1995. – 20 с.

93. Клушина, Н.И. Язык публицистики: константы и переменные / Н.И. Клушина // Русская речь. – 2004. – № 3. – С. 51-54.

94. Кобозева, И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И.М. Кобозева // Диалог-2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/> (дата обращения: 20.04.2020).

95. Кобозева, И.М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ / И.М. Кобозева // Язык средств массовой информации / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 221-237.

96. Ковтунова, И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения / И.И. Ковтунова. – М., 1976. – 238 с.

97. Кожин, А.Н. Функциональные типы русской речи: учебное пособие / А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. – М.: Высш. школа, 1982. – 223 с.

98. Кожина, М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды / М.Н. Кожина. – Пермь: Перм. ун-т, 2002. – 475 с.

99. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1983. – 221 с.
100. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
101. Кондаков, Н.И. Введение в логику / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1967. – 466 с.
102. Коньков, В.И. Речевая структура газетного текста / В.И. Коньков. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. – 158 с.
103. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В.Г. Костомаров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 267 с.
104. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над языковой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 319 с.
105. Кох, В. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа / В. Кох // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 149-171.
106. Кочетков, В.В. Лексико-стилистические новации и их функционирование в прессе второй половины 90-х годов XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Иваново, 1999. – 18 с.
107. Кривенко, Б.В. Так говорят на телевидении / Б.В. Кривенко // Русская речь. – 1995. – № 1. – С. 65-72.
108. Кривенко, Б.В. Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект / Б.В. Кривенко. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – 136 с.
109. Крушельницкая, К.Г. К вопросу о смысловом членении предложения / К.Г. Крушельницкая // Вопросы языкознания. – 1956. – № 5. – С. 55-67.
110. Кубрякова, Е.С. Еще раз о значении термина «когнитивный» / Е.С. Кубрякова // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. ст. – М.: УРСС, 2002. – С. 90-93.

111. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34-47.
112. Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения / Е.С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72-81.
113. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений / Е.С. Кубрякова // Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 199 с.
114. Кузина, О.В. Экспрессивно-стилистические средства в языке современных электронных СМИ / О.В. Кузина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 1 (26). – С. 93-95.
115. Кулибина, Н.В. Зачем, что и как читать на уроке / Н.В. Кулибина. – СПб., 2001. – 262 с.
116. Кушнерук, С.Л. Расширение коммуникативного пространства: специфика текстов электронных СМИ в сравнении с печатными / С.Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23). – С. 140-143.
117. Лабащук, М.С. Когнитивный потенциал речевых средств художественного изображения / М.С. Лабащук // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica. – 2003. – № 1. С. 101-124.
118. Лавренова, О.А. Ландшафт как источник метафорической проекции / О.А. Лавренова // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – Т. 2. – № 2. – С. 126-131.
119. Лазарева, Э.А. Интернет-издание как текстовой феномен / Э.А. Лазарева, Е.В. Горина // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 210-216.
120. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: УРСС, 2004. – 256 с.
121. Лапиня, Э.А. Метафора в терминологии микроэлектроники (на материале английского языка) / Э.А. Лапиня // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 134-145.

122. Лаптева, О.А. Говорят по радио и с телеэкрана (Поведение словесного ударения) / О.А. Лаптева // Русская речь. – 1997. – № 4. – С. 47-54.

123. Лаптева, О.А. Речевые возможности текстовой омонимии: Грамматика понимания. На материале текстов газет, радио, телевидения / О.А. Лаптева. – М.: УРСС, 2003. – 413 с.

124. Ларин, Б.А. О лирике как разновидности художественной речи (семантические этюды) // Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя: избранные статьи. – Л.: Русская речь, 1979. – С. 42-74.

125. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

126. Ли, Я. Концептуальная метафора «жизнь» в кинотексте / Я. Ли // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. – 2017. – № 28. – С. 35-40.

127. Ли, Я. Пространственные метафоры типа верх – низ в кинотексте / Я. Ли // Изучение и преподавание русской словесности в эпоху языковой глобализации: Мат. докл. и сообщ. XXIII междунар. науч.-метод. конф. – СПб., 2018. – С. 46-48.

128. Лукьянова, Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность / Н.А. Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1976. – Вып. 5. – С. 4-19.

129. Лысакова, И.П. Тип газеты и стиль публикации: опыт социолингвистического исследования / И.П. Лысакова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 181 с.

130. Магомедгаджиева, П.Н. Лексические новообразования современного русского языка 90-х годов XX века: на материале периодической печати: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Махачкала, 1997. – 20 с.

131. Майданова, Л.М. Структура и композиция газетного текста / Л.М. Майданова. – Красноярск, 1987. – 180 с.

132. МакКормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358-386.

133. Мангова, О.Б. Развернутая метафора как средство репрезентации операционных концептов / О.Б. Мангова // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 334-336.

134. Маслова, Ж.Н. Исследование буквализации метафоры в рамках когнитивно-онтологического подхода / Ж.Н. Маслова, Д.В. Минахин // Экология языка: Сб. ст. X Междунар. научн. конф.; под ред. Е.Н. Сердобинцевой. – Пенза: ПГУ, 2017. – С. 79-84.

135. Матвеева, Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т.В. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.

136. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 239-246.

137. Медведева, Е.А. Использование концептуальной метафоры в предвыборных дебатах кандидатов в вице-президенты США Майка Пенса и Тима Кейна / Е.А. Медведева // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2017а. – № 5-6 (72). – С. 53-66.

138. Медведева, Е.А. Сравнительно-сопоставительный анализ объективаций концептуальной метафоры финансовых инструментов в оригинальных и переводных текстах речей Президента России В.В. Путина / Е.А. Медведева, Н.А. Спицына // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2017б. – № 37. – С. 329-336.

139. Мещанова, Н.Г. Метафоры игры в русском языке (на материале образов театральной игры и азартной игры): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Самара, 2012. – 20 с.

140. Мистюк, Т.Л. Тенденции семантической эволюции современного русского языка: на базе неологической метафоризации общеупотребительной лексики в газетной публицистике 1992-1997 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Барнаул, 1998. – 20 с.

141. Молодцова, Т.В. Железнодорожная метафора в романах В.В. Набокова «Машенька», «Подвиг» / Т.В. Молодцова // Первые научные штудии Выпуск 8. – Новосибирск: НГПУ, 2018. – С. 129-142.

142. Негрышев, А.А. Интерпретация в новостях СМИ: потенциал синтагматической структуры текста / А.А. Негрышев // МедиаАльманах. – 2014. – № 1 (60). – С. 78-84.
143. Ненашева, З. Братья славяне / З. Ненашева // Родина. – 2006. – № 4. – С. 60-63.
144. Нефляшева, И.А. Новообразования в газетно-публицистическом стиле: системно-функциональный анализ: на материале 1991-1997 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Майкоп, 1998. – 20 с.
145. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2007. – 819 с.
146. Николаева, Т.М. «Слово о полку Игореве». Лингвистика текста и поэтика / Т.М. Николаева. – М.: Индрик, 1997. – 334 с.
147. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 215 с.
148. Носовец, С.Г. Концептуальная метафора в идиостиле журналиста Тамары Саблиной / С.Г. Носовец // Омские научные чтения: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. – Омск: Омский гос. ун-т, 2017. – С. 34-36.
149. Одинцова, И.В. Импликация и инференция в лингводидактике / И.В. Одинцова // Мир русского слова. – 2016. – № 4. – С. 91-96.
150. Отырба, Е.И. Пространственная метафора времени на примере концепта «жизнь» / Е.И. Отырба // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 691. – С. 110-119.
151. Падучева, Е.В. Метафора и ее родственники / Е.В. Падучева // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 204-214.
152. Панкова, Е.М. Концепт крест в русской культурной традиции / Е.М. Панкова // Stephanos. – 2017. – № 2 (22). – С. 161-170.

153. Парахина, И.С. Концептуальная метафора как средство воздействия на читателей в медийном экологическом дискурсе / И.С. Парахина, О.А. Бабич // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 92-95.

154. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Изд. ин. лит-ры, 1960. – 500 с.

155. Пескова, Е.Н. Интенции, реализуемые концептуальной метафорой в текстах предвыборных кампаний / Е.Н. Пескова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2006 – Вып. 6. – № 8 (63). – С. 59-62.

156. Петрова, О.О. Культурно-идеологические созвучия в семантике ориентационных метафор «верх – низ» / О.О. Петрова // Преподаватель XXI век. – 2014. – № 3-2. – С. 268-275.

157. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении: пособие для самообразования и школы / А.М. Пешковский; вступ. ст. С.И. Бернштейна. – М.: Учпедгиз, 1938. – 452 с.

158. Пищальникова, В.А. Концептуальный анализ художественного текста: учебное пособие / В.А. Пищальникова. – Барнаул: АГУ, 1991. – 87 с.

159. Покровская, Е.В. Понимание современного газетного текста и его языковые характеристики: автореф. дис. докт. филол. наук: 10.02.01. – М., 2004. – 43 с.

160. Пономарева В.С. Крым в зеркале концептуальной метафоры / В.С. Пономарева // Аллея науки. – 2018. – Т. 3. – № 11 (27). – С. 311-318.

161. Попова, А.А. Когнитивный аспект импликации (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Иркутск, 2006. – 151 с.

162. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 191 с.

163. Посохова, Я.А. Зооморфная метафора как способ моделирования образа враждебной России в англоязычных СМИ / Я.А. Посохова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 3 (26). – С. 88-94.

164. Пospelов, Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке / Н.С. Пospelов // Ученые записки МГУ. Труды кафедры русского языка. – 1948. – № 2. – С. 31-41.

165. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня // Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 70-73.

166. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.

167. Прозоров, В.В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву / В.В. Прозоров. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 240 с.

168. Распопов, И.П. Актуальное членение предложения / И.П. Распопов. – Уфа, 1961. – 163 с.

169. Распопов, И.П. Современные методы синтаксических исследований / И.П. Распопов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1970. – 50 с.

170. Ревзин, И.И. Структура языка как моделирующей системы / И.И. Ревзин. – М.: Наука, 1978. – 287 с.

171. Резанова, З.И. Метафора в процессах миромоделирования в языке и тексте / З.И. Резанова // Известия Томского политехнического университета. Язык и межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. – 2002. – Т. 305. – Вып. 4. – С. 74-83.

172. Рогозина, И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект / И.В. Рогозина. – М.-Барнаул, 2003. – 289 с.

173. Рождественский, Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – М.: Добросвет, 1999. – 597 с.

174. Самигуллина, А.С. Понятие ‘образ-схема’ в современных исследованиях по когнитивной лингвистике / А.С. Самигуллина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 20. – С. 101-106.

175. Светана, С.В. Телевизионная речь: Функции и структура / С.В. Светана; под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 151 с.

176. Святчик, Е.В. Практический потенциал экспрессивного слова и его реализация в русской газетной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Киев, 1997. – 24 с.

177. Сенкевич, И.П. Культура радио- и телевизионной речи: учебное пособие / И.П. Сенкевич. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 288 с.

178. Серегина, И.А. Метафорическая интерпретация событий в Крыму (2014) / И.А. Серегина, А.П. Чудинов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 252-255.

179. Серль, Дж. Метафора / Жд. Серль // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 307-341.

180. Синячкина, Н.Л. Основные тенденции в развитии лексики языка газеты на современном этапе (1985-1996): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1997. – 19 с.

181. Сиротинина, О.Б. Современный публицистический стиль русского языка / О.Б. Сиротинина // Русистика. – 1999. – № 1-2. – С. 5-17.

182. Скворцов, Л.И. Экология слова, или Поговорим о развитии русской речи / Л.И. Скворцов. – М.: Просвещение, 1996. – 157 с.

183. Складаревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складаревская: отв. ред. Д.Н. Шмелев. – СПб.: Наука, 1993. – 152 с.

184. Сковородников, А.П. Буквализация метафоры, или реализация метафоры / А.П. Сковородников // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник; под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: СибФУ, 2014. – С. 75.

185. Скороходова, Е.Ю. Некоторые особенности метафоры в современных медийных текстах / Е.Ю. Скороходова // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 10 (110). – С. 122-124.

186. Славкин, В.В. Журналистский текст в динамическом аспекте / В.В. Славкин // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 17.

187. Солганик, Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990-1994 гг.) / Г.Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. Вып. 1. – М., 1996. – С. 13-25.
188. Солганик, Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиа́текст» / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7-15.
189. Солганик, Г.Я. Лексика газеты / Г.Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 1981. – 112 с.
190. Солганик, Г.Я. Основы лингвистики речи: учебное пособие / Г.Я. Солганик. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 128 с.
191. Солганик, Г.Я. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды / Г.Я. Солганик, Н.Н. Кохтев, Д.Э. Розенталь и др.; под ред. Д.Э. Розенталя. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 256 с.
192. Солопова, О.А. Ключ к будущему: прогностические смыслы политической метафоры (на материале британских текстов о России периода Великой Отечественной войны) / О.А. Солопова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 161-177.
193. Сыров, И.А. Способы реализации художественной связности в художественном тексте: монография / И.А. Сыров. – М.: МПГУ, 2005. – 277 с.
194. Телия, В.Н. Предисловие к сб. Метафора в языке и тексте / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 3-10.
195. Травничек, Ф. Грамматика чешского литературного языка. Фонетика. – словообразование – морфология / Ф. Травничек; под ред. Н.А. Кондрашова; пер. с чешс. А.Г. Широновой. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1950. – 467 с.
196. Трескова, С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации: Принципы измерения языковой вариантности / С.И. Трескова; отв. ред. А. Н. Баскаков. – М.: Наука, 1989. – 151 с.

197. Трынкова, О.В. Метафорическое моделирование в современном англоязычном постмодернистском литературно-художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Тула, 2009. – 25 с.

198. Ульянова, У.А. Связность профессионально-ориентированного текста (на примере missing manual) / У.А. Ульянова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-1 (30). – С. 200-203.

199. Уянц, А. Концептуальная метафора в сфере спорта / А. Уянц // Collegium Linguisticum–2017: Тез. докл. ежегод. конф. Студ. научн. общ-ва МГЛУ. – М.: МГЛУ, 2017. – С. 82.

200. Филатов, К.С. Аналитические медиажанры: текстообразующие возможности метафоры / К.С. Филатов // Вестник Пермского университета. – 2014. – № 1 (25). – С. 184-188.

201. Филатов, К.С. Метафора как способ развертывания журналистского текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – СПб., 2015. – 153 с.

202. Филиппов, К.А. Лингвистика текста: курс лекций / К.А. Филиппов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 336 с.

203. Фортунатов, Ф.Ф. Словосочетания и их части / Ф.Ф. Фортунатов // Хрестоматия по истории русского языкознания. – М., 1977. – 440 с.

204. Хализев, В.С. Теория литературы: учебное пособие / В.С. Хализев. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.

205. Храпченко, М.Б. Художественное творчество, действительность, человек / М.Б. Храпченко. – М.: Сов. писатель, 1978. – 365 с.

206. Цао Юэхуа. Эволюция газетно-публицистического стиля на рубеже XX-XXI вв. (Лексический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2004. – 20 с.

207. Циммерман, В.Р. Использование концептуальной метафоры в официальных публичных выступлениях Дональда Трампа является эффективным средством воздействия на человеческое сознание / В.Р. Циммерман // Гуманитарный трактат. – 2018. – № 24. – С. 49-52.

208. Черкун, Е.Ю. Особенности тема-рематического развертывания с гипертемой в текстах сообщений немецкой газеты «Die Zeit» (гендерный аспект) / Е.Ю. Черкун // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 4 (67). – С. 57-62.

209. Черникова, Н.В. Актуализированная лексика / Н.В. Черникова // Русский язык в школе. – 2004. – № 1. – С. 81-86.

210. Черникова, Н.В. Слово вместо словосочетания / Н.В. Черникова // Русская речь. – 2003. – № 3. – С. 46-51.

211. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста / В.Е. Чернявская. – М.: УРСС, 2005. – 128 с.

212. Чичерина, Н.В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов / Н.В. Чичерина. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.

213. Чудакова, Н.М. Реформирование российской пенсионной системы в зеркале концептуальной метафоры / Н.М. Чудакова // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация: Мат. Междунар. научн. конф.; отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2018а. – С. 290-294.

214. Чудакова, Н.М. Современное образование в зеркале концептуальной метафоры / Н.М. Чудакова // Общественные науки. – 2018б. – № 1. – С. 315-325.

215. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003а. – 248 с.

216. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003б. – 250 с.

217. Чудинов, А.П. Политическая метафорология: Дискурсивный поворот: монография / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова. – М.: Флинта, 2020. – 236 с.

218. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 238 с.

219. Чудинов, А.П. Учение о метафоре в когнитивной лингвистике / А.П. Чудинов // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – С. 234-256.
220. Шанский, Н.М. Русский язык и телевидение сегодня / Н.М. Шанский // Русский язык в школе. – 2003. – № 6. – С. 100-102.
221. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка. Вып. I. Учение о предложении и о словосочетании / А.А. Шахматов. – Л.: Наука, 1925. – 441 с.
222. Шехтман, Н.Г. Реализация текстообразующей функции концептуальной метафоры в политическом тексте / Н.Г. Шехтман // Политическая лингвистика. – 2008. – № 3 (26). – С. 128-131.
223. Шиляев, К.С. Ключевая текстовая метафора: текстообразующий аспект (на материале произведений Дж. Лондона и их переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Кемерово, 2014. – 20 с.
224. Шмелев, Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
225. Шмелев, Д.Н. Слово и образ / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1964. – 120 с.
226. Шпаковский, Ю.Ф. Сравнительный анализ печатных и электронных новостных материалов / Ю.Ф. Шпаковский // Труды БГТУ. Издательское дело и полиграфия. – 2013. – № 9. – С. 79-81.
227. Щаренская, Н.М. Метафора «жизнь – дорога» в творчестве А.П. Чехова / Н.М. Щаренская, Ли Хо // Язык как система и деятельность – 5: Мат. Междунар. научн. конф. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015. – С. 296-299.
228. Щерба, Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 97-104.
229. Элатик, А.А. Элементы разговорного синтаксиса в языке современных российских электронных СМИ / А.А. Элатик // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10-3 (64). – С. 161-168.

230. Южанникова, М.А. Языковая игра и буквализация метафоры / М.А. Южанникова // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте. – 2010. – Т. 1. – № 1. – С. 147-149.
231. Якобсон, Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Р. Якобсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 110-132.
232. Bell A. Language and the Media // Annual Review of Applied Linguistics. – 1995. – Vol 15. – P. 23-41.
233. Danes F. Zur linguistischen Analyse der Textstruktur // Textlinguistik / Hrsg. von W. Dressier. – Darmstadt, 1978. – P. 180-199.
234. Fairclough N. Media Discourse. – London: Arnold, 1995. – 214 p.
235. Feng Xiaohu. Metaphor is the base of mind and the frame of text. – Beijing, 2004. – 279 p.
236. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. – L., N.Y: Psychology Press, 1991. – 254 p.
237. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
238. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1990. – 614 p.
239. Liao Meizhen. Metaphors we Construct and Organize our Text and Talk by // Foreign language research. – 2014. – № 176. – P. 61-68.
240. Montgomery M. The Media. – London: British Council, 1996. – 140 p.
241. Ross D. Metaphor, Meaning and Cognition. New York – San Francisco – Bern et al., 1993.
242. Wang Jianing. Interaction between metaphors and their non-metaphorical surroundings in political texts: models of identity and opposition / J. Wang, T. Voronina // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – Т. 4. – № 58. – С. 412–418.
243. Zhao Yanfang. Theory of conceptual metaphors. – Shanghai, 2001. – 323 p.

Список словарей, справочников, энциклопедий

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Баранов, А.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 351 с.
3. Белко, В.К. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.litmir.me/br/?b=189327> (дата обращения: 17.02.2020).
4. Булыко, А.Н. Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Булыко. – Минск: Харвест, 2007. – 448 с.
5. Ефремова, Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М.: Дрофа, 2000. – 1233 с. (онлайн версия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 17.02.2020).
6. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М.: Сов. энци., 1966. – 375 с.
7. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков; отв. ред. Д.П. Горский. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
8. Кубрякова, Е.С. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
9. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.
10. Новиков, А.Б. Словарь перифраз русского языка: На материале газетной публицистики / А.Б. Новиков. – М.: Русский язык-Медиа, 2004. – 331 с.
11. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

12. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А – И / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1985. – 702 с.
13. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2: К – О / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1986. – 702 с.
14. Солганик, Г.Я. Стилистический словарь публицистики / Г.Я. Солганик. – М., 1999. – 650 с.
15. Солганик, Г.Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения / Г.Я. Солганик. – М., 2002. – 749 с.
16. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
17. СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева и др.; Под ред. М.Н. Кожинной. – М.; Наука: Флинта, 2003. – 694 с.
18. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 878 с.
19. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 статей / Авт.-сост. В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.
20. Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник; под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: СибФУ, 2014. – 852 с.

Источник материала

Газета.Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 20.11.2020).

Приложение. Тексты, проанализированные в главе 3

Ненастоящее прошлое. Битва исторических обид

В 1992 году вышла книга американского историка Фукуямы (не путать с Фукусимой!) о конце истории. Если предельно упростить, ее смысл таков: демократия и либерализм окончательно победили во всем мире, так что история как борьба наций, идеологий и личностей подошла к концу. Теперь будем все вместе дружно жить-поживать и добра наживать. Четверть века спустя отечественные охранители ответили на это «Ха!» и втянулись в войну исторических нарративов.

Да как втянулись – кажется, никакого более важного дела для всей нашей страны просто не существует...Отмечать ли, как пятьсот с лишним лет тому назад русские победили татар на реке Угре, или это татарам обидно? А может быть, тогда надо отмечать, как семьсот пятьдесят лет назад татары победили русских? Но это точно будет обидно русским...

А самое обидное для всех – что не приглашают российских представителей отмечать памятные даты Второй мировой, хотя Россия принесла больше всех для общей победы. Да мы их всегда, а они нам никогда...

Обида – плохой советчик, и начинается то, что называлось в старые времена «ревизионизмом» – тотальный пересмотр оценок. Вот и в развязывании Второй мировой виновными оказываются Польша и почему-то США, а жертвы карельского Сандармоха приписываются не НКВД, а финским оккупантам. Хорошо хоть историю Катынских расстрелов не переписывают (хотя бы официально) в очередной раз после того, как в 1990-м году в СССР признали ответственность за них.

Зачем это все, казалось бы, если сам факт сталинских репрессий не отрицается, хотя и признается все реже, как бы сквозь зубы: ну да, были отдельные перегибы на местах?

Великое прошлое – вот наша новая нефть. Оно призвано стать главным ресурсом и стеновым хребтом государства. И в нем было не то, что на самом деле было, а то, что нам сейчас выгодно думать про исторические события.

Главное, конечно, рассказать, что на нас всегда все нападали, но мы всегда всех побеждали и освобождали, а они все об этом вдруг забыли, сволочи неблагодарные. Любая деталь, которая не вписывается в эту схему, сходу отвергается как матерая русофобия и искажение истории государства Российского.

И пока это так, на торжества в Европу российские делегации приглашать не будут. Кажется, наши пропагандисты так и не поняли: на юбилейных встречах там отмечают не то, как семьдесят пять лет назад англичане и американцы побили немцев после того, как немцы побили поляков и французов. Вовсе нет. Там отмечают, как объединенные силы демократии победили нацизм и основали новую Европу.

Поражение Третьего Рейха для немцев повод не для скорби и уж тем менее для неуклюжего ревизионизма, а для благодарной радости: только после этого поражения могла появиться нынешняя мирная и демократическая Германия, экономический локомотив Европы, а не ее оккупант.

У наших с европейцами просто разные языки описания. Думаю, в недалеком будущем обе мировые войны будут видеться в Европе чем-то вроде двух раундов Еврогражданской (Второй Тридцатилетней?), в ходе которой демократы и либералы победили милитаристов и расистов, причем не только в Германии, но и у себя дома: дали полные права женщинам, отпустили заморские колонии, предоставили социальные гарантии трудящимся.

Но даже если тон нашей пропаганды еще долго не изменится, она не будет одинока. Рассказы о том, как «нашенские» побили «ихних», и всегда бивали, и будут бить впредь – ключевые нарративы для огромных пространств Африки, Азии и части Латинской Америки. Пакистан или Индия? Сирия или Израиль? Тутси или хуту, наконец? Это словарь любой архаической культуры: наши герои и их головорезы, наша священная земля и их грязное болото, наша

великая идея и их нелепое суеверие... Собственно, две мировых войны (или единая Еврогражданская) и стали временем, когда Запад мучительно, огромной ценой избавился от этой кровавой архаики.

Впрочем, постсоветским государствам она тоже свойственна в той мере, в какой им приходится конструировать свою идентичность. Создавая в своих столицах «музеи оккупации», они словно бы говорят: мы тут ни при чем, мы ни за что не отвечаем, нас оккупировали. Например, прекрасная страна Грузия была захвачена извне Иосифом Джугашвили и Лаврентием Берия. Наивно? Да, но утешительно.

На самом деле насильственное вхождение территорий в состав некоторого государства называется не оккупацией, а аннексией. Но аннексия подразумевает последующее равенство прав и возможностей, а значит – равенство ответственности. Так? Тува – полноценная советская и российская республика после 1944 года. А вот сектор Газа, например, оккупирован Израилем, и все это знают, и никто не обвиняет его жителей в том, что совершает это самое государство. Они с ним в яркой взаимной вражде, и это ни для кого не секрет. Так что проще утверждать, мол, наша территория была оккупирована, с нас никакого спроса.

Не так давно я посмотрел забавный мультфильм, кратко рассказывающий историю одной прибалтийской республики. Местный житель сидит у порога своего дома и играет на народном инструменте, а мимо него проносятся немцы, шведы, русские, снова немцы, снова русские – кто дает ему Библию, кто мундир гренадера, кто красное знамя. А он знай себе сидит, поигрывает, внимания на них особо не обращает.

Но ведь такая картина довольно обидна для самих местных жителей, она выставляет их безвольными идиотами. На самом деле в одном только XX веке они приняли активнейшее участие в Первой мировой, революции, гражданской и Второй мировой (причем добровольно сражались с той и другой стороны). Живая история гораздо интереснее пропагандистской схемы.

И если такая схема еще может быть объяснена нуждами государств, относительно недавно возникших на карте, то Россия с ее более чем тысячелетней историей в примитивных агитках точно не нуждается.

Самое печальное тут даже не в том, что перед соседями по глобусу неудобно. Такие войны за историю мешают прежде всего нам самим. Они предполагают, что у нашей страны невнятное, мутное настоящее и никакого внятного, интересного будущего, зато великое, блистательное, прекрасное прошлое, которое нужно всеми силами оберегать от нападок и при малейшей возможности повторять. Причем прошлое это – в основном история героических предков и их победоносных войн.

Недавно на экраны вышел пронзительный и страшный фильм «Дылда» о Ленинграде осени 1945-го. О двух девушках, так и не вернувшихся с той самой войны, которой мы привыкли гордиться, отсылкой к которой привыкли отвечать на любые неудобные вопросы. О людях, чьи души искалечены страшнее, чем их тела, и о стране, которая мечтает «перейти на мирные рельсы», но так и не знает, как ей это сделать.

Я не люблю ходить строем (два года этим занимался, не понравилось), но тех, кто твердит про «можем повторить», кто говорит о самой страшной в нашей истории войне как о ресурсе и поводе для гордости – водил бы на этот фильм строем и с песней, по три раза каждого. Уверен – расхочется повторять.

Заборный протест

Гул затих. «Пакет Клишаса» вышел на подмостки, и состоялась его премьера: ярославский интернет-ресурс 76.ru «распространил» нечто, проявляющее неуважение к государству в неприличной форме. «Размещена фотография здания управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Ярославской области с нанесенной на его стену нецензурной надписью в отношении президента Российской Федерации и комментарии к ней», – сообщил Роскомнадзор и заблокировал сайт. Фотографию убрали, и интернет-ресурс был разблокирован.

Возможно, это действительно прецедент применения одного из «законов Клишаса», предусматривающего административную ответственность за вышеописанное неуважение. Однако действовать Роскомнадзор может – в соответствии с тем же нормативным актом – исключительно после обращения генерального прокурора или его замов. Судя по открытой информации, такого обращения не было. Но любой медиа-ресурс прекрасно знает, что если государство вышло на него и уже действует – по закону или незаконно, лучше просто не спорить. Все равно достанут, заблокируют, привлекут, накажут, окажут формальное и неформальное воздействие. Кому это надо? Так и действуют запретительные законы последних лет – все превентивно самоцензурируются и заранее разоружаются перед партией и правительством. А возьмешься доказывать свою правоту правовыми методами – «замучаешься пыль глотать».

Вот уже шесть последних лет законотворчество идет преимущественно по пути политических ограничений. Специалисты по конституционному праву говорят о том, что эпидемия рестрикционных законов, стимулирующая в основном депутатский корпус или тех, кто использует его как инструмент для законодательных инициатив, противоречит ст. 18 Конституции, согласно которой «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими». Например, законы или подзаконные акты, ограничивающие право граждан собираться мирно и без оружия, нарушают эту норму. Не говоря уже о том, что они противоречат духу права. Впрочем, феномен законов против права, антиправовых законов давно известен, и это уже отнюдь не оксюморон. В России коллизия еще более пикантна: эти законы еще и антиконституционны, в чем никогда в жизни не признаются те, в чьи обязанности входит осуществлять экспертизу предлагаемых к принятию нормативных актов.

Как сообщил однажды господин Клишас в интервью «Фонтанке», «я отслеживаю те сферы, где необходимо дополнительное государственное регулирование». Это чрезвычайно важные слова. Они многое объясняют в том, почему право в России запутано, усложнено, нормы нагромождаются одни на

другие в режиме «масло масляное». Основной смысл деятельности законодателя – найти небольшую резервацию относительно свободного существования частного человека – и немедленно ее отрегулировать.

Причем максимально неопределенным образом, что дает возможность поворачивать любую норму в любую сторону. Система известна: «Закон что дышло – куда повернешь, туда и вышло».

Основной смысл деятельности правоприменителя-чиновника состоит в изъятии денег с подлежащих регулированию, особенно контрольно-надзорному, физических и юридических лиц за их право жить и работать. При зарплате в несколько десятков тысяч рублей они имеют такой инструмент, как «золотая подпись». Тем и живут, а шибко развитое нормотворчество им строить (дачи) и жить (безбедно) помогают.

Российская «правовая» система – это торжество подзаконных актов. У нас перевернутая иерархия. На самом ее верху – подзаконный акт, и только потом идут законы, а в самом низу – международное право. Если международное право не соответствует подзаконному акту (усмотрению ответственного лица), применяется подзаконный акт. В Конституции РФ написано прямо противоположное. Но, как известно из многочисленных выступлений высших должностных лиц, Основной закон у нас безнадежно устарел и нуждается в корректировке. А пока он не скорректирован – пусть попылится где-нибудь в сторонке.

Те сферы, «где необходимо дополнительное государственное регулирование», у нас отслеживаются не только Клишасом и его товарищами по законотворческому оружию, но и регуляторами экономики. Степень присутствия государства в экономике такова, что никто шагу шагнуть без него не осмеливается, а решение всех проблем видится исключительно в виде расходования бюджетных денег. Бюджетные деньги появляются за счет налогов и неналоговых платежей и увеличения их бремени. Налоговое бремя вместе с бременем административным при участии правоохранительных органов, для которых любая предпринимательская деятельность – это

мошенничество, тормозят экономическую активность. Откуда в этой системе может взяться устойчивый, а не вызванный «временными факторами» типа еще парочки мегаломанических строек качественный экономический рост?

Мы привыкли всерьез оценивать эту невероятную регуляторную «золотую» (для некоторых) лихорадку. Потому что ее последствия крайне серьезны: люди в тюрьмы садятся, штрафы платят, катаются в автозаках. Но с точки зрения здравого и правового смыслов она ошеломляюще абсурдна и гомерически смешна. Что блистательным образом подчеркивают инициативы Бориса Вишневого, депутата питерского Закса, и Льва Шлосберга, депутата псковского законодательного органа. Они сыграли по тем правилам, по которым играют в последние годы федеральные депутаты и сенаторы. Вишневский предложил, самым серьезным образом обосновав инициативу, хотя, конечно, она – пародия на рестриктивный абсурд, наказывать чиновников за неуважение к гражданам. И это тоже поправки в тот же Кодекс об административных правонарушениях, на котором потренировались Клишас с коллегами. Симметрия абсолютная, например, такая: «За дезинформацию граждан должностными лицами – то есть, за распространение должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления заведомо недостоверной общественно-значимой информации под видом достоверных сообщений – штраф от 10 до 100 тысяч рублей».

Почти одновременно Лев Шлосберг внес в региональный парламент законопроект, предполагающий, в частности, «введение административной ответственности за принятие законов, которые будут квалифицированы судом как выражающие неуважение к правам и свободам человека». Депутат псковского парламента обнаружил недостаточно отрегулированные сферы. Например, не предусмотрена ответственность «за оправдание нарушения прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией и законами РФ». «Не разработаны нормы, – пишет в пояснительной записке Шлосберг, – обеспечивающие ответственность органов и должностных лиц, которые в силу своего публичного статуса должны обеспечивать соблюдение прав и свобод

человека и гражданина и за выполнение данных публичных функций получают вознаграждение из бюджетов разного уровня, а также от использования национальных ресурсов, либо от использования государственной и муниципальной собственности».

Это явные законодательные лакуны, и их, безусловно, нужно заполнить! И тогда должностное лицо, называющее людей, возмущенных глухотой власти, «шелупонью» будет наказано в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях. Даже если то же самое должностное лицо за те же действия представят секретным указом к высокой государственной награде.

Да, разумеется, это троллинг. Но власть сама его провоцирует. И чем дальше, тем больше. Чем чаще станут наказывать за политически некорректные надписи на заборах, тем интенсивнее по ночам неопознанные граждане будут заниматься наскальной живописью в «неприличной форме». Что там посты и репосты – народный твиттер уйдет из онлайн в офлайн.

Вишневский и Шлосберг показали весь непроходимый абсурд бурного запретительного законотворчества последних лет. Кончится тем, что депутатский корпус запретит сам себя, оскорбит сам себя как социальную группу в неприличной форме и утратит смысл своего существования. Который и так, согласно данным социологических исследований, не слишком внятен широким народным массам.

Если каналы обратной связи власти с людьми перестают действовать или «текут» исключительно в одном направлении – от правоохранительных и надзорных органов к гражданину, но не обратно, основным средством этой обратной связи станет забор. Надписи на нем будут играть роль индикатора социальной напряженности, а также отразят иерархию озабоченностей рядового населения России.

Как было сказано по схожему поводу и тоже на стене, правда, в Париже почти 51 год тому назад: «Запрещено запрещать». Лозунг мая 1968-го

заслуживает того, чтобы быть вывешенным над входами в ощетинившиеся охраной органы государственной власти и управления РФ всех уровней.

«Братья-славяне»: почему Словакия выслала российских дипломатов

Три российских дипломата покинули Словакию после того, как власти страны объявили их персонами нон грата. Поводом для этого стало то, что дипломаты якобы совершили действия, которые противоречат Венской конвенции о дипломатических сношениях. В местных СМИ же представителей посольства России называют «шпионами» и связывают их с российскими спецслужбами.

Как пояснил премьер-министр Словакии Игор Матович, власти республики решили выслать российских дипломатов из-за дела об убийстве гражданина Грузии Зелимхана Хангошвили в Берлине – бывшего чеченского боевика, разыскиваемого Россией по делу о теракте.

«Бывают случаи, когда и для своих друзей нужно провести ограничительную черту. Да, русские – наши братья-славяне, а Россия – наш торговый партнер. Однако это не меняет того, что Словакия является суверенным государством, а не банановой республикой, где можно высмеивать дипломатические правила», – объявил Матович.

По его словам, спецслужбы получили информацию о злоупотреблениях со стороны российских дипломатов со словацкими визами, что якобы связано с убийством Хангошвили. «Я сразу же без колебаний понял, что такие действия не могут остаться без ответа», – подчеркнул премьер.

Реакция России на действия словацкой властей ожидаемо была негативной, российское посольство в Словакии указало на то, что высылка дипломатов противоречит духу плодотворного сотрудничества двух стран.

«Рассматриваем как неконструктивный и достойный сожаления шаг местных властей, противоречащий духу плодотворного сотрудничества между нашими странами. Российская сторона оставляет за собой право на адекватные ответные меры», – добавили в дипмиссии.

В свою очередь глава МИД РФ Сергей Лавров отметил, что у Москвы и Братиславы никогда не возникало политических проблем, вероятно, за высылкой российских дипломатов может стоять третья сторона.

В беседе с «Коммерсантом» министр обратил внимание на реакцию США на инцидент – Госдеп позитивно оценил действия Словакии.

«По-моему, больше из иностранных представителей никто в таком ключе эту ситуацию не комментировал. Поэтому делайте выводы, кто может быть причастен, кто может быть заинтересован в том решении», – подчеркнул Лавров.

Если рассматривать комментарий Госдепа, то руководитель пресс-службы ведомства Морган Ортэгус не только приветствовала решение Братиславы, но и похвалила страну за решение защитить свой суверенитет от угрозы «со стороны иностранных злоумышленников».

«Словакия послала четкий сигнал, что она не потерпит преступных действий России на словацкой земле или в Европе», – написала Ортэгус в Twitter.

К слову, в МИД России уже пообещали дать зеркальный ответ на недружественные действия словацкой стороны, что вряд ли положительно отразится на отношениях двух стран, которые в целом развиваются в достаточно позитивном ключе. Между странами существует ряд точек соприкосновения по ключевым международным вопросам. В частности, Словакия, как и Россия, не признает независимость Косово, несмотря на мнение большинства стран Евросоюза по этому вопросу.

Товарооборот между Россией и Словакией также достаточно внушительный, в прошлом году он достиг отметки \$6,2 млрд – на 4% выше результата за 2018 год. Да и контакты двух стран вполне налажены: в конце февраля в Москву приезжал Петер Пеллегрин, на тот момент занимавший пост премьер-министра Словакии.

Пеллегрин провел встречу со своим российским коллегой Михаилом Мишустиним, которая прошла в достаточно дружеской атмосфере. К примеру,

словацкий премьер открыто говорил, что нельзя злоупотреблять санкциями и ставить барьеры, а также выступал за продолжение конструктивного развития отношений с Россией. В свою очередь Мишустин приветствовал принципиальной настрой Братиславы на укрепление отношений с РФ вопреки международной конъюнктуре и констатировал их успешное развитие. Стоит отметить, что Словакия одной из первых поддержала возвращение российской делегации в ПАСЕ, да и в целом выступает за диалог с Москвой в рамках Евросоюза.

Впрочем, это не помешало Братиславе выслать российских дипломатов, что сделало ее уже третьей страной ЕС, принявшей такое решение в 2020 году. Первой стала Болгария, которая объявила двух представителей российской дипмиссии персонами нон-грата в январе. Следом за ней в июне те же меры приняли в Чехии. В обоих случаях местные СМИ писали о «российских шпионах», но официально эта информация так и не была подтверждена.

Победа либерального планктона

Уход Никиты Белых и присоединение СПС во главе с Леонидом Гозманом к кремлевскому проекту лояльной правой «оппозиции» лишь завершили процесс раскола партии, идущий с 2003 года.

«Союз правых сил» всегда опирался на средний класс. Либеральное же сознание российского мидл-класса не просто дуалистично, но противоречиво. В нем уживается стремление к независимости, свободе и личному успеху и безмерный конформизм, традиционно более свойственный консерваторам-государственникам. Между выразителями этих двух крайних позиций бескрайнее болото: люди, теоретически придерживающиеся рыночных взглядов, но не задумывающиеся о том, что при несоблюдении базовых принципов демократии рынок просто невозможен, а главное, не склонные на практике отстаивать либеральные права и свободы и уж точно не готовые «идти за них на бой». Эту часть электората можно условно назвать либеральным планктоном.

Свойственную его сторонникам двойственность СПС воспроизводил и на уровне высшего руководства, и на региональном уровне уже с момента своего создания. В 1999 году СПС прошел в парламент, скандируя наряду с традиционными демократическими лозунгами slogаны, соответствующие политическому моменту: «Путина в президенты, Кириенко в Думу». И до 2002 года партия сохранялась как единое целое, ожидая, что либерализм и лояльность к новой кремлевской власти столь же успешно удастся сочетать в реальной политике, как в выборной кампании.

Но по мере того, как власть все жестче проводила линию на ограничения политической конкуренции, расхождения между «прагматиками» и «идеалистами» в СПС становились все очевиднее. Причем на протяжении всего существования партии идейное крыло неизменно проигрывало прагматичному. И чем дальше, тем яснее было, что партийный монолит неминуемо расколется и рухнет. Это в конечном счете и произошло.

Раскол же в высшем руководстве случился еще в 2003 году. Я и Немцов тянули партию в оппозицию, Чубайс и в меньшей степени Гайдар – в критическую, но лояльную.

В результате этой промежуточной позиции партия не просто проиграла выборы в Думу, но проиграла их с серьезной потерей лица. В 2004 году, когда я выдвинула свою кандидатуру в президенты в качестве оппозиционной альтернативы Путину, меня поддержало лишь меньшинство партии во главе с Немцовым, большинство же под водительством Чубайса – нет. Далее под давлением многих обстоятельств СПС просто начал сыпаться.

На парламентских выборах 2007 года партия кидалась из крайности в крайность – от конформизма до радикальной оппозиционности – с такой скоростью, что избиратель просто растерялся и либо проголосовал за «Единую Россию», либо вовсе проигнорировал выборы. В начале 2008 года покинул партию и Борис Немцов.

Нынешний уход Никиты Белых и присоединение СПС во главе с Леонидом Гозманом к кремлевскому проекту лояльной правой «оппозиции»

лишь завершил процесс окончательного раскола. Либеральный планктон победил. В новом проекте, не последнюю роль в создании которого в очередной раз сыграл Анатолий Чубайс, политический конформизм будет приправлен экономическим лоббированием интересов малого и среднего бизнеса.

Высшее федеральное руководство СПС в конечном счете шло за большинством. Как за большинством в электорате, определяемым тем самым планктоном, так и за большинством в региональных партийных отделениях, набор которых чаще всего был замотивирован на карьерный успех, а не на демократические ценности, что было более приемлемо для «Яблока».

Исчезновение СПС для меня ожидаемое событие и, как ни странно это прозвучит, довольно позитивное: карты раскрыты, сделаны новые ставки.

Я и Гайдар вышли из политических проектов, Белых и Немцов присоединились к внесистемной оппозиции – к Касьянову, Каспарову, Рыжкову. Последним не дадут возможности даже участвовать в будущих выборах. Чубайсу дан шанс создать правое прокремлевское крыло в будущем парламенте, региональные отделения СПС разбрелись.

Пока во всей этой ситуации есть один явный победитель – либеральный планктон. Что будет дальше – трудно сказать... Слово за новым поколением. И избирателей, и, возможно, политиков.